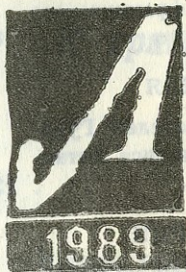

961935940
032:1110933

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

**К ТРАГИЧЕСКИМ СОБЫТИЯМ
9 АПРЕЛЯ В ТБИЛИСИ.**

Декларация единения и скорби представителей народов земли Грузинской	3
Заключение химико-токсикологической подкомиссии комиссии Верховного Совета ГССР по расследованию обстоятельств, имевших место 9 апреля 1989 г. в г. Тбилиси	5
Заключение медицинской подкомиссии	7
Заключение следственной подкомиссии о законности введения комендантского часа в г. Тбилиси 9 апреля 1989 г.	16

ПРОЗА

Гурам ДОЧАНАШВИЛИ. Порознь и вместе. Современная сказка. Перевод Ирины Гржендзица	22
БУАЛО-НАРСЕЖАК. Среди мертвых. Роман.	

6

Издательство ЦК КП Грузии, Тбилиси
Журнал выходит с июня 1957 года

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

- ИСТИНА ЕСТЬ ПОБЕДА.** С писателем Гура-
мом Гегешидзе беседует журналист Автан-
дил Гвелесиани 124

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Лиля БААЗОВА.** Грузинские евреи: уникаль-
ность явления и опыт истории 137

26 МАЯ — ДЕНЬ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ГРУЗИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

- Зураб АВАЛИШВИЛИ.** Независимость Грузии
в международной политике 1918—1921 гг.
Вступительное слово Камиллы Коринтэли 153
- АКТ НЕЗАВИСИМОСТИ ГРУЗИИ** 190

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- Григол РОБАКИДЗЕ.** Письма Андрею Бело-
му. Ованес Светозарный — статья . 192
- Амброси ХЕЛАЯ.** «Я исполнил свой долг...»
Вступительное слово Акакия Миндиа-
швили 199
- КНИЖНЫЕ НОВИНКИ** 152

На 1-ой стр. обложки: Акт независимости Гру-
зии (26 мая 1918 г.)

К трагическим событиям 9 апреля в Тбилиси

В адрес редакции продолжают отовсюду поступать письма протеста против жесточайшего разгона мирного митинга 9 апреля.

Публикуем один из документов тех дней, который был нам прислан обществом «Гуманитарный дом» и под которым подписалось огромное количество тбилисцев.

ДЕКЛАРАЦИЯ ЕДИНЕНИЯ И СКОРБИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАРОДОВ ЗЕМЛИ ГРУЗИНСКОЙ

Мы, патриоты Грузии, сыны и дочери нашего общего дома, представители грузиноязычного и негрузиноязычного населения республики, объединенные едиными гуманитарными целями, заявляем:

Мы потрясены жестокостью и беспрецедентным вандализмом, с которыми была разогнана несанкционированная, но мирная и ненасильственная манифестация перед Домом правительства в ночь с 8-го на 9 апреля, в результате чего убиты десятки и ранены сотни ни в чем не повинных людей, в основном женщины и подростки.

Десятки веков мы жили в мире и дружбе на грузинской земле. Кровавые события последней недели создают опасность лишить негрузиноязычное население родины, что равносильно смерти для патриотов республики. Официальная и официозная версии причин кровавой трагедии, недогласность, полугласность, просто ложь прокладывают непреодолимую пропасть между людьми разных национальностей. В эти трагические дни заявляем, что мы, представители негрузиноязычного населения, чувствуем боль и скорбь грузинского народа как свою скорбь и боль. Даже больше, потому что именно мы ощущаем вину за то, что это преступление со-

вершили войска, прибывшие из-за пределов Грузии и получавшие команды на нашем языке, языке межнационального общения, русском.

3032-111033

В час испытания для всех народов Грузии мы задаем три вопроса:

1. Каковы пределы демократии? Неужели обязательно платить увечьем, свободой или жизнью за несанкционированные манифестации, лозунги, призывы?

2. Каковы пределы гласности? Ни телевидение, ни газеты, ни радио не предоставили нам возможности ни до, ни после событий ознакомиться с требованиями организаторов манифестаций. В ночь с 8-го на 9 апреля на площади у Дома правительства не было официально аккредитованных представителей ни республиканского, ни центрального телевидения, ни газет, ни журналов.

3. Каковы пределы юридических гарантий сохранения здоровья, свободы, жизни при активном участии в общественной жизни страны?

В час испытания для всех народов Грузии мы выдвигаем три требования:

1. Требуем всемерного и неукоснительного соблюдения основных положений Конституции нашей страны, отмены комендантского часа. Протестуем против постоянного присутствия танков на улицах, вертолетов — в воздухе, солдат — на мирных тротуарах. Убеждены, что именно их присутствие провоцирует возможность возникновения разнообразных конфликтов, вплоть до межнациональных, и даже повторения трагедии.

2. Требуем создания неправительственной, внепартийной, общественной комиссии по расследованию причин, обстоятельств, следствий трагедии 9-го апреля.

3. Требуем незамедлительного наказания организаторов и исполнителей беспрецедентного вандализма 9-го апреля и предлагаем квалифицировать эту кровавую акцию как преступление против человечества.

Заявляем, что мы, представители земли грузинской, преисполнены желания сделать все для того, чтобы в мирных условиях решать все проблемы настоящего и будущего нашей республики со всей мерой ответственности и в рамках действующей конституции, руководствуясь гуманитарными правами и обязанностями человека.

Тбилиси, 13 апреля 1989 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ХИМИКО-ТОКСИКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДКОМИССИИ

041935940
2022-0110333

Заключение рассмотрено и утверждено комиссией Верховного Совета Грузинской ССР по расследованию обстоятельств, имевших место 9 апреля 1989 г. в городе Тбилиси (протокол № 6 от 17 мая 1989 г.).

Химико-токсикологическая подкомиссия, укомплектованная известными токсикологами и фармакологами республики, 15 апреля 1989 года приступила к идентификации химических отравляющих веществ, использованных военными частями при разгоне демонстрации 9 апреля 1989 года в г. Тбилиси перед Домом правительства, следы которых были найдены в верхней одежде пострадавших, в образцах грунта, взятых в разных частях города, и в вещественных доказательствах, найденных в районе действия и дислокации воинских частей. Кроме того, исследовались образцы химических средств, переданных комиссии руководством военного ведомства, якобы примененных при разгоне демонстрантов.

Было установлено, что войсковыми частями был использован газ «Черемуха» разного вида, содержащий в основном слезоточивое отравляющее вещество — хлорацетофенон (ХАФ). Кроме хлорацетофенона было применено второе сильнораздражающее вещество «Си-Эс». Оно в больших количествах применялось США во Вьетнаме, но его воздействие на человеческий организм вызвало настолько серьезные последствия, что США были вынуждены снять его с вооружения.

Медицинские исследования погибших и пострадавших 9 апреля никак не укладываются в рамки применения только указанных отравляющих веществ. У больных наблюдаются психические расстройства и поражения центральной нервной системы с летальным исходом. Исходя из этого, однозначно можно заключить, что были применены и более сильно действующие отравляющие вещества, необратимо блокирующие специфические рецепторы центральной нервной системы. Химическое исследование образцов показало гетерогенность использованных средств, т. е. наличие в них определенного числа примесей, дающих реакцию, в частности, на третичный амин. Как известно, производные аминов являются нейрородавающими агентами. В условиях отсутствия надлежащей информации точная идентификация примененных веществ и их

состава требует, к сожалению, довольно длительного времени. Однако можно заключить, что при средних концентрациях эти вещества вызывают продолжительное нервное расстройство, а при высоких концентрациях — смерть. При низких концентрациях летальный исход не имеет места, но их воздействие характеризуется большой продолжительностью. Этим обстоятельством и была обусловлена вторая волна отравления участников траурной церемонии перед Домом правительства и в других местах города Тбилиси. Ситуация усугубляется и тем, что войсковыми частями после снятия комендантского часа были оставлены капсулы и отравляющие вещества в местах их дислокации, которые продолжали свое отравляющее действие. Неиспользованные ампулы и гильзы остались и в других частях города.

Кроме того, следует отметить, что воинскими частями было использовано гораздо больше отравляющих веществ, чем это сообщалось в прессе, ибо в действительности 9 апреля была заражена обширная территория г. Тбилиси (расположенные на проспекте Руставели и рядом с ним учреждения — Театральный институт, 1-я средняя показательная школа, Консерватория и др.).

На сегодняшний день уже обратилось за медицинской помощью около 4.000 человек. Их судьба и здоровье усугубляются тем, что военные специалисты до сих пор не сообщают, какие еще отравляющие вещества, кроме указанных, были применены, поэтому вовремя не было осуществлено лечение соответствующими антидотами, а, как известно, после определенного периода их применение не имеет смысла. Ситуация усугубляется еще и тем, что мы не знаем, какие генетические последствия могут обусловить использование вещества.

Таким образом, воинскими частями была осуществлена ничем не оправданная варварская акция против мирного населения республики с использованием таких отравляющих веществ, на применение которых они не имели ни морального, ни юридического права.

Малхаз ЗААЛИШВИЛИ,

**председатель химико-токсикологической подкомиссии,
академик АН Грузинской ССР.**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

МЕДИЦИНСКОЙ ПОДКОМИССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ГССР ПО
РАССЛЕДОВАНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИМЕВШИХ МЕСТО

9 АПРЕЛЯ 1989 Г. В г. ТБИЛИСИ

Заключение рассмотрено и утверждено комиссией Верховного Совета Грузинской ССР по расследованию обстоятельств, имевших место 9 апреля 1989 г. в городе Тбилиси (протокол № 5 от 15 мая 1989 г.).

Приказом министра здравоохранения Грузинской ССР (от 10.04.1989 года) была создана общественная экспертная комиссия в составе видных специалистов-медиков различного профиля, а также представителей общественности. Комиссия занималась всеми медицинскими вопросами, связанными с трагическими событиями 9 апреля: патологоанатомическими исследованиями; обследованием лиц, получивших травматические, токсические и огнестрельные повреждения; организацией стационарного и амбулаторного лечения; участием в консилиумах и в определении методов лечения; токсикологическими исследованиями и т. д.

Впоследствии указанная комиссия в составе лишь специалистов-медиков утверждена в качестве медицинской подкомиссии Верховного Совета Грузинской ССР. Члены подкомиссии: профессор, невролог В. Габашвили, член-корреспондент АН ГССР, патологоанатом Т. Деканосидзе, профессор, хирург З. Кахиани, нарколога, доктор медицинских наук Г. Лежава, кандидат медицинских наук, патологоанатом Т. Ломая, академик АН ГССР, психиатр Б. Нанейшвили, профессор, нейрохирург О. Сигуа, академик АН ГССР, травматолог О. Гудушаури, хирург Р. Хонелидзе, профессор, гематолог Г. Хуцишвили, академик АН ГССР, морфолог Н. Джавахишвили, доктор медицинских наук, психиатр Ш. Гамкрелидзе, кандидат медицинских наук, психиатр А. Мамардашвили, доктор медицинских наук, невролог Р. Шакарашвили, профессор, терапевт П. Нишнианидзе, доцент, токсиколог О. Коридзе, профессор, патофизиолог Г. Думбадзе.

Следует отметить, что в изучении медицинских аспектов трагических событий 9 апреля, особенно в обследовании лиц, получивших токсические поражения, принимали участие главный токсиколог Минздрава СССР профессор Е. А. Лужников, заведующий клиническим отделом НИИ гигиены труда и профпатологии Минздрава СССР профессор Ю. И. Мусийчук, старший научный сотрудник

Всесоюзного центра лечения острых отравлений (Москва) кандидат медицинских наук М. М. Поцхверия, руководитель Всесоюзного центра терапии психических болезней профессор Г. Я. Авруцкий, старший научный сотрудник Всесоюзного неврологического центра 1 ММИ Л. В. Козловская, руководитель отдела НИИ неврологии АМН СССР доктор медицинских наук Д. Н. Джибладзе, доцент кафедры внутренних болезней 1 ММИ доктор медицинских наук А. В. Недоступ, ассистент кафедры клинической токсикологии ЦОЛИУВ кандидат медицинских наук Ю. Н. Остапенко, токсиколог Всесоюзного детского токсикологического центра С. А. Юшков, научный сотрудник Всесоюзного эндокринологического научного центра кандидат медицинских наук А. Н. Назаров; группа сотрудников НИИ общей и судебной психиатрии (Москва) в составе: В. П. Котова, В. П. Щукина, М. М. Мальцевой и В. В. Горинова; группа специалистов (токсиколог, психиатр, терапевт) Министерства обороны СССР в составе: Г. А. Сафронова, Ю. Ю. Бонитенко, Л. В. Пустовалова, Н. А. Лошадкина и А. И. Банникова. Группа специалистов из Международной организации Красного Креста (Женева) в составе четырех специалистов во главе с директором Бернского института неврологии профессором Марком Мументалером.

Следует подчеркнуть, что каких-либо различий в основных вопросах диагностики и лечения лиц, пострадавших от токсических химических веществ, и в оценке их состояния между специалистами не имело места.

Как было отмечено выше, в результате трагических событий 9 апреля 1989 года в г. Тбилиси среди погибших и пострадавших имеются лица, получившие отравления химическими веществами. Среди пострадавших отмечались отравления различной степени тяжести, в том числе тяжелой.

В течение суток не было никаких сведений о характере действия отравляющих веществ. Представителями военного ведомства и войск МВД на запрос не была дана информация об отравляющих веществах, более того, их применение категорически отрицалось. В связи с этим 10.04.1989 года для оказания помощи были приглашены специалисты из Министерства здравоохранения СССР, которые установили, что имеющиеся отравления вызваны веществами раздражающего (слезоточивого) действия с компонентами нейротропного (холинолитического) эффекта. В соответствии с характером действия веществ назначено лечение (дезинтоксикационная терапия, галантамин и др.).

Для уточнения диагноза и схемы лечения необходимо было установить состав примененных веществ. 14.04.1989 года представителями войск МВД и военного командования было подтверждено

применение только хлорацетофенона (слезоточивого вещества). Однако имеющаяся клиническая картина поражения не укладывалась в рамки воздействия лишь хлорацетофенона (ХАФ).

Отсутствие информации о примененных химических веществах затрудняло уточнение причины отравления и тактики лечения, целенаправленную профилактику осложнений. Недостаток сведений о конкретных веществах не позволял разработать санитарно-гигиенические мероприятия по обезвреживанию территории и помещений, где были применены химические вещества. Опасения подтвердились: спустя несколько дней учащиеся Театрального института и 1-й средней школы, находящихся на прилегающей к месту событий территории, обратились с признаками острого отравления. В целях консультации и оказания практической помощи пострадавшим, имеющим различную симптоматику, Минздрав ГССР повторно пригласил группу специалистов (токсиколога, детского токсиколога, невропатолога, психиатра, терапевта, кардиолога, эндокринолога).

21 апреля 1989 года члены общественной медицинской комиссии обратились к Генеральному прокурору СССР, министру обороны СССР, министру внутренних дел СССР с заявлением о необходимости предоставления информации относительно примененных химических веществ. Ответа не последовало. И вновь, 28 апреля, при уборке территории перед Домом правительства многие жители обратились с жалобами на отравление, десятки госпитализированы. Эти больные были консультированы группой специалистов Минздрава СССР, которые пришли к заключению, что имело место острое отравление людей веществом или веществами раздражающего и нейротропного действия. Клиническая картина вновь поступивших больных опять-таки не укладывалась в рамки действия хлорацетофенона. Все это усугубило общую ситуацию, способствовало развитию невротических состояний (психогении), о чем свидетельствует резкое возрастание количества обращений по поводу отравлений.

Настойчивыми действиями руководства республики, Минздрава СССР при содействии Всесоюзного общества Красного Креста и Красного Полумесяца удалось получить информацию о применении 9 апреля специальных средств под условным названием «Черемуха». В состав которых входят: хлорацетофенон, хладон, изопропиловый спирт, растительное масло и в некоторых — порох. Хладон — нейтральный газ, распылитель, хлорацетофенон — отравляющее вещество раздражающего действия (слезоточивое). Изопропиловый спирт является растворителем, токсичен. Растительное масло способствует фиксации.

Было впервые официально сообщено об использовании второго химического вещества раздражающего действия (Си-Эс, динитрилортохлорбензаль малоновой кислоты), которое по силе раздражающего воздействия в 10 раз превосходит хлорацетофенон и вместе с тем в высокой концентрации обладает нейротропным эффектом. Си-Эс в определенных условиях устойчив в окружающей среде (более четырех недель). Си-Эс использовался как полицейский газ и как боевой агент, примененный США во Вьетнаме. По данным литературы, в определенных условиях при воздействии высоких концентраций отмечаются отдельные случаи смерти.

Учитывая характер выявленных у больных клинических проявлений, возможную сочетаемость и различные концентрации вышеуказанных веществ при различной экспозиции воздействия, можно заключить, что имеющаяся картина поражения укладывается в рамки воздействия хлорацетофенона и Си-Эс. Вместе с тем проводятся дополнительные исследования.

Необходимо подчеркнуть, что хлорацетофенон и Си-Эс — хорошо изученные вещества как у нас, так и за рубежом, что дало возможность в необходимых случаях скорректировать лечение после получения информации о применении Си-Эс.

Всего в стационарах лечебных учреждений города Тбилиси (Республиканская центральная клиническая больница, 2-я больница-поликлиника 4-го Главного управления, стационар Тбилисского института усовершенствования врачей, 1-я, 7-я и 8-я горбольницы, железнодорожная больница, НИИ хирургии, НИИ неврологии, НИИ терапии) помещены 584 пострадавших лица. Обратились за помощью и получили амбулаторное лечение 3.515 пострадавших в трагических событиях 9 апреля, а также в последующие дни (учащиеся 1-ой средней школы, студенты и сотрудники Театрального института, участники уборки территории у Дома правительства и т. д.).

Медицинская документация хранится в указанных лечебных учреждениях. На основании изучения материалов вскрытия и гистологических препаратов, амбулаторных карт и историй болезней подкомиссия в предварительном порядке может отметить следующее:

Всего обратилось за помощью 4.099 человек, из них стационарированы 583. С травмами различной степени находились в стационарах 198 пострадавших, из коих: ранений 28 (в т. ч. 5 огнестрельных), с переломами — 12, с закрытыми травмами черепа — 94, с ушибами — 64. Из 198 травматических повреждений в 10 случаях имеется комбинированное поражение (травмы совместно с химическим отравлением).

Амбулаторную лечебную помощь получили 92 человека с грамматическими поражениями, из коих: ранений 22, переломов — 10, закрытых травм черепа — 10 и с ушибами — 50.

Среди госпитализированных больных свыше 300 человек составляют лица, получившие отравление вследствие применения химических токсических веществ. Свыше трех тысяч человек обратились в лечебные учреждения города с жалобами на отравление.

Травматические повреждения нередко сочетаются с поражениями токсическими веществами.

Имелось около 60 случаев с нейрохирургическими поражениями: сотрясение головного мозга с ушибами и ранами мягких тканей головы, многочисленные ссадины и кровоподтеки на теле и конечностях. В одном случае отмечался перелом костей предплечья, обусловленный ударом тупого предмета. В двух случаях отмечался перелом костей черепа, потребовавший оперативного вмешательства. В одном из них отмечалась открытая черепно-мозговая травма в виде рубленой раны мягких тканей и перелома костей черепа с повреждением твердой мозговой оболочки и вещества мозга, исход летальный; в другом — вдавленный перелом костей черепа. Еще в одном случае имелось огнестрельное сквозное ранение головного мозга, закончившееся летально (ранение в голову получено спустя 30—40 минут после объявления комендантского часа).

У пострадавших отмечены также рубленые раны в области спины и конечностей, ушибы туловища, ушибленные и резаные раны лица и т. д.

В Республиканскую глазную клиническую больницу доставлен пострадавший с тупой травмой глаза, ранением склеры с выпадением содержимого глаза; у другого пострадавшего отмечается ретробульбарная гематома правого глаза, гемофтальм, множественные ушибы туловища.

В реанимационном отделении Республиканской центральной клинической больницы до настоящего времени находится больной (мужчина, 29 лет), получивший огнестрельное сквозное ранение в голову 9 апреля 1989 года. Диагноз — тяжелая черепно-мозговая травма с повреждением обоих глаз (рваная рана правого глаза с истечением содержимого и отсутствие левого глазного яблока), с контузией мозговой ткани, истечением черепно-мозговой жидкости, множественными переломами основания и свода черепа и лица.

Неврологическое обследование пострадавших от токсических химических веществ выявляет органические поражения нервной системы, представленные следующими наиболее типичными невро-

логическими синдромами: корковый пирамидный, стволочно-вестибулярный, амнестико-абулический, экстрапирамидный с тоническими расстройствами и гиперкинезами, судорожный, спинально-сегментарный и спинально-корешковый, дизэнцефально-гипоталамический, вегето-ганглиотический, полирадикуло-невритический, дизавтомно-полинейропатический. В 4,8% случаях с этиопатогенетическими факторами предполагались сочетания черепно-мозговой травмы; и интоксикация химическими веществами раздражающего действия, в 95,2% случаях неврологическую патологию можно было связывать только с токсическим и психо-стрессорным факторами. Практически у всех пораженных можно было констатировать астено-невротический синдром.

Клинико-неврологическая симптоматология была представлена следующими объективными и субъективными признаками: общая слабость (наблюдалась у 45,6% больных), тошнота (43,7%), головная боль (39,8%), головокружение (37,8%), кожно-аллергические проявления (25,2%), слезотечение и жжение в глазах (25,2%), чувство удушья (24,2%), кашель (22,2%), кратковременная потеря сознания (19,1%) тахикардия (18,4%), другие кардиоваскулярные проявления (18,4%), нистагм (14,5%), рези в животе (13,5%), субконъюнктивальные кровоизлияния (12,6%), сухость во рту (12,6%), возбуждение (11,6%), рвота (10,6%), гипертермия (10,6%), астения (8,7%), парезы черепно-мозговых нервов (8,7%), гипсомния (7,8%), гастроинтестинальные проявления (7,8%), повышение АД (6,7%), кома (5,8%), спутанность сознания (5,8%), амнестический синдром (5,8%), гипергидроз (5,8%), анизорефлексия (5,8%), разгибательные патологические рефлексы (5,8%), нарушение тонуса — мышц (4,8%), люмбосакральный болевой синдром (4,8%), зуд (3,8%), парестезии (3,8%), сопор (3,8%), ретроградная амнезия (3,8%), брадикардия (3,8%), мидриаз (3,8%), гиперкинезы (3,8%), снижение брюшных рефлексов (3,8%), нарушение мочевыделительной системы (3,8%), антероградная амнезия (2,9%), гиперсомния (2,9%), депрессия (2,9%), аритмии (2,9%), периферические парезы конечностей (2,9%), нарушения координации и равновесия (2,9%), рефлекторный гемисиндром (2,9%), дезориентация (1,9%), галлюциноз (1,9%), различные вегетативные кризы (1,9%), болезненность глазных яблок при пальпации (1,9%), эпилептички (1,9%).

Электроэнцефалографически отмечаются диффузные изменения мозгового электрогенеза, указывающие на патологию неспецифических структур.

Из 14 наблюдений, в которых проводилось отоневрологическое исследование, в 9 случаях отмечена вестибуло-стволовая дисфункция, а в 5 — вестибулопатия супратенториального уровня.

В 5 случаях офтальмоскопическое исследование выявляло венно-ретиальную гипертензию.

В 6 исследованиях нейропсихологических случаев отмечалась той или иной степени снижение психической активности, снижение продуктивности в кривой памяти, всплывание побочных ассоциаций, контаминации в процессе воспроизведения вербальных стимулов, а также повышение влияния интерференции на воспроизведение стимулов в кратковременной памяти.

Данная нейропсихологическая симптоматика указывает на синдром дисфункции лимбико-ретикулярного комплекса с преобладанием дисфункции активирующей системы.

Обращает на себя внимание частота выявления среди больных с поражением вегетативной нервной системы токсических солеритов, протекающих с абдоминальными кризами и ваго-инсулярным симптомокомплексом (цифровые данные обрабатываются), а также развитие в сравнительно поздние сроки заболевания (спустя 8—14 дней после острейшего периода интоксикации) явления дизавтономной полинейропатии (синдром Шая-Дрейджера). Следует особо подчеркнуть, что в ряде случаев (данные обрабатываются статистически) динамика неврологического симптомокомплекса больных с изолированным токсическим поражением нервной системы может свидетельствовать о развивающемся с компьютерно-томографическими паттернами атрофии мозгового вещества и гидроцефалии при церебральных поражениях и электроэнцефалографическими признаками преобладания миелиновой нейропатии над аксональной. Токсический генез неврологических расстройств органического характера можно дифференцировать от преморбидно существующей патологии прогрессирующей или регрессирующей динамикой, которая отмечалась в 42% наблюдений, у остальных 58% на фоне патогенетической и симптоматической терапии динамика пока не отмечается.

Психическое обследование лиц, пострадавших от токсических химических веществ, указывает на раздражительность, легкую утомляемость, головокружение, понижение настроения, общую слабость, нарушение сна и т. д. В основном больные жалуются на множественные церебро-органические нарушения: головные боли, головокружения, тошноту, нехватку воздуха, рассеянность, снижение памяти, резко выраженную астению, у некоторых сопровождающуюся адинамией и речевым возбуждением. При воспроизведении фактов конфабуляции связаны с моментами травмы. Беспокойт бессонница, трудно засыпают. Отмеченным состояниям (в некоторых случаях) предшествует зрительный ментизм. Его содержание так же, как и кошмарные содержания прерывистых сновидений

дений, отражают устрашающие сцены, пережитые при избивении митингующих, которым сопутствуют чувства страха и агитации. У больных также отмечаются резко выраженная раздражительность, беспокойство, напряжение, аффективное нарушение в виде снижения настроения, в некоторых случаях с выраженной депрессией, безнадежной будущностью. Они жалуются на резкие перепады артериального давления (низкое — высокое), сухость во рту, на гиперемиию лица, боль и жжение в глазах, на боль и ощущение тяжести в области сердца, на снижение слуха (в одном случае на одно ухо, а в другом на оба уха), потливость, акроцианоз, также отмечается легко выраженная амнестическая афазия, затруднение припоминания слов; отмечается феномен «уже виденного» и «невиденного»; расторможение поведения с речевой возбужденностью, а также элементы дереализации. Имеются кратковременные эпизоды ретроградной и антероградной амнезии, также отмечаются ощущения снижения зрения, атактическая ходьба, потеря ориентации, периодические ощущения наплыва и упадка энергии, нарушение координации, эйфория, снижение критики. Болезненно переживают и боятся ожидаемой импотенции.

По экспериментальным данным, отмечаются снижения продуктивности. Больные заинтересованы экспериментом, но довести его до конца не могут из-за резко выраженной истощаемости. Также отмечается мерцающая истощаемость, которая в большинстве случаев выявляется при отравлениях и сосудистых нарушениях.

Активное внимание исследованных больных, которое изучено тестами Бурдона и Крепелина, характеризуется резким увеличением времени его выполнения и большим количеством допущенных ими ошибок; резкое снижение концентрации внимания, затруднение переключения, ригидность психических процессов, стойко выраженный окулостатический феномен.

При исследовании памяти у больных в большинстве случаев отмечаются снижения фиксации и репродукции. Так же, как и в вышеизложенном, — ретроградные и антероградные амнезии (короткого эпизодического характера) и конфабуляции (в виде коротких эпизодов). У меньшинства из изученных случаев резкое снижение памяти не отмечается.

Мышление (понятийно-логическое): при решении задач в понятийном плане темп мышления замедлен (выражено истощение психических процессов), больным трудно проникнуть в суть обобщенного понятия и проанализировать логические соотношения, а также затруднено осмысление общих категорий в процессе логического суждения. Экспериментальными данными выявлено резкое

затруднение мыслительных операций (без выраженного снижения).

Из 19 человек, погибших вследствие травм и отравлений, полученных 9 апреля, судебно-медицинскому вскрытию подверглись 17 (два трупа не вскрыты по поводу настоятельного требования родственников).

Результаты микроморфологического исследования материала 17 погибших показывают совершенно однотипные изменения у 12: при отсутствии тяжелых и средней тяжести телесных повреждений обнаруживается тотальный некроз слизистой оболочки трахей, а также главных, сегментарных, субсегментарных бронхов со слущиванием некротизированных масс и пропитыванием оголенной мышечной оболочки кровью; некроз выявляется диффузно также в эпителиях, выстилающих бронхиолы со слущиванием некротизированной ткани и оголением мышечной оболочки. Во всех этих случаях вышеуказанные процессы сопровождаются инфильтрацией стенок дыхательных путей клетками, ответственными за продукцию гистамина (безофильные лейкоциты, лавроциты), лимфоцитами, эозинофильными лейкоцитами. Отмеченные микроморфологические изменения квалифицируются как острейший альтеративный (некротический) трахеит-бронхит-бронхиолит, возникший в результате вдыхания химических отравляющих веществ (Т. Човелидзе, Т. И. Мамулашвили, Т. Г. Долидзе, М. Л. Лоладзе, Ю. А. Самаргулиани, М. Т. Самаргулиани-Чкония, М. М. Джинчарадзе, Е. Г. Чинашвили, Е. Т. Бежанишвили, Н. Ш. Джангирашвили, А. Р. Адамия, Н. Т. Башалейшвили).

В одном случае (Т. С. Енукидзе) смерть наступила от травматического шока: множественный перелом ребер с разрывом легочной ткани.

М. А. Мелкадзе погибла от осложнений травматических повреждений.

Ш. И. Квасролишвили погиб в результате рубленой раны черепа с тяжелым повреждением мозговой ткани.

В двух случаях, при наличии признаков легкой степени отравления, смерть наступила от острой недостаточности сердца: хроническая ишемическая болезнь сердца — диффузный мелкоочаговый субкомпенсированный кардиосклероз с бурой индурацией легких (З. А. Киквидзе, женщина 61 года); диффузный мелкоочаговый субкомпенсированный ревматический кардиосклероз с бурой индурацией легких (М. М. Нозадзе, мужчина 22 лет).

На основании изучения клинических случаев и патологоанатомического материала подкомиссия приходит к заключению, что при разгоне мирной демонстрации, имевшей место 9 апреля 1989

года, были использованы беспрецедентные по своей жестокости меры насилия. Они привели к гибели 19 невинных людей, среди которых 16 женщин в возрасте от 16 до 70 (одна беременная). Свыше 4.099 человек по поводу отравления химическими веществами, травмами, ушибами, ранениями и переломами обратились за медицинской помощью или доставлены в лечебно-профилактические учреждения (из коих 583 стационарированы).

После варварского разгона демонстрантов на площади подбрана 16 трупов. Впоследствии, в результате тяжелого отравления, осложнений механической травмы и рубленой раны черепа с повреждением мозгового вещества погибли 3 человека (Н. Башалейшвили, М. Мелкадзе и Ш. Квасролиашвили).

В ночь на 10 апреля, спустя 30—40 минут после объявления комендантского часа, был убит выстрелом в голову Г. Карселадзе.

Особо следует отметить, что в 12 случаях смерть наступила от удушья, развивающегося вследствие вдыхания отравляющих химических веществ, что доказывается микроскопическим изучением аутопсийного материала.

Б. Р. НАНЕЙШВИЛИ,

зам. председателя подкомиссии, академик АН ГССР,
профессор. 10 мая 1989 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СЛЕДСТВЕННОЙ ПОДКОМИССИИ О ЗАКОННОСТИ ВВЕДЕНИЯ КОМЕНДАНТСКОГО ЧАСА В г. ТБИЛИСИ 9 АПРЕЛЯ 1989 ГОДА

Заключение рассмотрено и утверждено комиссией Верховного Совета Грузинской ССР по расследованию обстоятельств, имевших место 9 апреля 1989 г. в городе Тбилиси (протокол № 6 от 17 мая 1989 г.).

На основании анализа изучения имеющихся в Президиуме Верховного Совета Грузинской ССР документов, полученных от ответственных работников Президиума объяснений, а также распространенных прессой и другими средствами массовой информации сообщений, связанных с трагедией 9 апреля, выявлены следующие обстоятельства относительно введения в г. Тбилиси комендантского часа.

На рассвете 9 апреля 1989 г. в г. Тбилиси после разгрома мно-

го тысячного несанкционированного митинга на площади перед Домом правительства по мотиву нормализации сложной, напряженной обстановки, сложившейся в столице, бюро ЦК КП Грузии посчитало нужным ввести 9 апреля в городе комендантский час. Президиум Верховного Совета Грузинской ССР подготовил проект Указа о введении комендантского часа, который одобрило бюро ЦК КП Грузии и постановлением от 9 апреля 1989 г. передало проект Указа на рассмотрение Президиума Верховного Совета. В тот же день в 19 часов было созвано заседание Президиума Верховного Совета Грузинской ССР, на котором присутствовали Председатель Президиума О. Черкезия, заместитель Председателя Т. Кабулова, секретарь Президиума В. Кварацхелия и члены Президиума И. Андриадзе, В. Блажиевский, З. Квачадзе, В. Кочоян, Д. Маргвелидзе, К. Мамедов, М. Мезвришвили, Р. Чихладзе. Из 19 лиц, входящих в общий состав Президиума, на заседании присутствовало 11 (протокол № 37).

Из записи, сделанной секретарем Президиума В. А. Кварацхелия, выясняется, что на заседании с информацией о сложившейся обстановке выступил О. Е. Черкезия. Он отметил, что «в настоящее время в городе сложная, напряженная обстановка. Бюро ЦК КП Грузии считает нужным с учетом создавшейся обстановки введение в городе комендантского часа. Поэтому вопрос выносим на ваше рассмотрение». Выступили З. Квачадзе, Д. Маргвелидзе, М. Мезвришвили, В. Кварацхелия, Р. Чихладзе, И. Андриадзе, которые поддержали введение в городе комендантского часа. Никто не высказал соображений против этого предложения. Таким образом, Президиум Верховного Совета Грузинской ССР 9 апреля 1989 г. в 19 часов единогласно принял Указ о введении в г. Тбилиси комендантского часа. В Указе читаем: «С учетом создавшейся обстановки с 9 апреля 1989 г. в г. Тбилиси ввести комендантский час».

В тот же день информационная программа «Время» по Центральному телевидению передала сообщение о событиях, происшедших утром 9 апреля в г. Тбилиси, в котором было сказано, что в столице введен комендантский час. После окончания программы «Время» в 22 часа 52 минуты по Грузинскому телевидению выступил командующий войсками Закавказского военного округа генерал-полковник И. Н. Родионов, который заявил, что он назначен военным комендантом г. Тбилиси и в соответствии с решением Президиума Верховного Совета республики с 23 часов 9 апреля в г. Тбилиси вводится комендантский час (с 23 часов до 6 часов). И. Н. Родионов свое выступление закончил в 22 часа 56 минут, т. е. за четыре минуты до вступления в силу комендантского часа.

10 апреля 1989 года ТАСС через центральную прессу распространил информацию о положении в г. Тбилиси, где отмечалось, что по решению республиканских органов в городе введен комендантский час (газета «Известия», 10 апреля 1989 г.).

11 апреля 1989 г. в республиканских газетах было опубликовано обращение И. Родионова к населению и трудящимся г. Тбилиси, которое повторяло его выступление по телевидению 9 апреля. 16 апреля 1989 г. средствами массовой информации республики (телевидение, радио) было передано сообщение военного коменданта, в котором отмечалось: «По рекомендации бюро ЦК КП Грузии принято решение о сокращении продолжительности комендантского часа. С 16 апреля комендантский час будет действовать с 24 часов до 5 часов утра». Республиканская пресса опубликовала это сообщение 17 апреля. 17 апреля 1989 г. бюро ЦК КП Грузии пришло к заключению, что в городе созданы условия для полной отмены комендантского часа с 18 апреля 1989 г. и дало рекомендацию Президиуму Верховного Совета Грузинской ССР о принятии соответствующего решения. В тот же день состоялось заседание Президиума Верховного Совета Грузинской ССР, на котором присутствовали Председатель Президиума О. Черкезия, заместитель Председателя Т. Кабулова, секретарь В. Кварацхелия и члены Президиума И. Андриадзе, Б. Вашакидзе, В. Блажиевский, З. Квачадзе, В. Кочоян, К. Мамедов, М. Мезваришвили, О. Патиашвили, Р. Чихладзе (протокол № 38). Каких-либо записей о ходе заседания Президиума не существует. Президиум принял Указ следующего содержания: «Введенный по Указу Президиума Верховного Совета Грузинской ССР 9 апреля 1989 г. комендантский час отменить с 5 часов 18 апреля 1989 г.». Текст настоящего Указа в тот же день был передан по радио и телевидению, в прессе был опубликован 18 апреля.

Таковы фактические обстоятельства введения и отмены комендантского часа в г. Тбилиси в апреле текущего года.

Для юридической оценки и установления законности введения комендантского часа в г. Тбилиси нужно учесть те положения действующего законодательства Союза ССР и союзных республик, которые предназначены для подобных случаев.

Комендантский час — особая мера, предусматривающая специальные правила жизни и деятельности граждан и организаций в случае объявления военного положения по всей стране или в отдельных местностях. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» военное положение объявляется в интересах обороны СССР и для обеспечения общественного порядка и государственной безо-

пасности. В случае объявления военного положения все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности переходят в руки военного совета военного округа соответствующей территории. В п. 3 вышеуказанного нормативного акта детально излагаются те правила, которые охватываются содержанием понятия комендантского часа. Это определение времени работы учреждений, предприятий и организаций, запрещение уличного движения, появление граждан на улице после определенного времени, в случае необходимости производство обыска и задержания граждан, ограничение въезда и выезда в местности, объявленные на военном положении. Следовательно, в соответствии с действующим законодательством комендантский час должен быть введен после того, как будет объявлено военное положение. Поскольку военное положение подразумевает особый правовой режим, который значительно ограничивает действия целого ряда конституционных норм, правомочность его объявления по Конституции СССР 1977 г. (до внесения 1 декабря прошлого года изменения) принадлежала только Президиуму Верховного Совета СССР (п. 15 ст. 121). По требованию общественности союзных республик, в том числе нашей республики, после внесения Законом от 1 декабря 1988 года изменений и дополнений в Конституцию СССР право объявления военного или чрезвычайного положения, правда, вновь остается в полномочии Президиума Верховного Совета СССР, но с той разницей, что Президиум Верховного Совета СССР этот вопрос обязательно рассматривает с Президиумом Верховного Совета соответствующей союзной республики (п. 14 ст. 119). Следовательно, у союзной республики нет права самостоятельного объявления военного или чрезвычайного положения и, соответственно, введения комендантского часа. Она может только лишь высказать свое предложение при решении этого вопроса Президиумом Верховного Совета СССР.

Анализ существующих фактических обстоятельств в связи с введением в г. Тбилиси в апреле 1989 г. комендантского часа и действующего законодательства дает основание сделать следующие выводы:

1. Указ Президиума Верховного Совета Грузинской ССР от 9 апреля 1989 г. о введении комендантского часа в г. Тбилиси является антиконституционным актом, поскольку высший орган государственной власти республики не обладает таким правомочием ни по Конституции Союза ССР, ни по Конституции Грузинской ССР. Должностные лица Президиума Верховного Совета Грузин-

ской ССР превысили власть, приняли правовой акт, явно выходящий за пределы предоставленных им законом полномочий.

2. Ответственные работники Президиума Верховного Совета Грузинской ССР не приняли мер для незамедлительного обнародования Указа Президиума Верховного Совета Грузинской ССР о введении комендантского часа, чем грубо нарушили п. 2 Указа Президиума Верховного Совета Грузинской ССР от 4 марта 1959 г. «Об опубликовании и порядке вступления в силу законов Грузинской ССР, постановлений Верховного Совета Грузинской ССР и других актов, Указов и постановлений Президиума Верховного Совета Грузинской ССР», в соответствии с которым акты Президиума Верховного Совета Грузинской ССР, которые требуют широкого и незамедлительного применения, публикуются в республиканских газетах «Коммунисти» и «Заря Востока», а также могут быть обнародованы по телевидению и радио. Вследствие халатности должностных лиц Президиума Верховного Совета Грузинской ССР население г. Тбилиси до вступления в силу комендантского часа не было информировано о введении в городе такой меры. Более того, текст вышеназванного Указа Президиума Верховного Совета Грузинской ССР от имени Президиума не был опубликован в республиканских газетах, не был передан по телевидению и радио. Этому обстоятельству способствовало и то, что в Указе Президиума Верховного Совета Грузинской ССР от 9 апреля 1989 г. о введении комендантского часа не был определен час вступления в силу предусмотренной Указом меры.

3. Ввиду того, что принятый Президиумом Верховного Совета Грузинской ССР Указ от 9 апреля 1989 г. о введении в г. Тбилиси комендантского часа выходит за рамки своей компетенции и в силу этого является антиконституционным актом, а Президиумом Верховного Совета СССР не было объявлено военное или чрезвычайное положение (или хотя бы комендантский час) в г. Тбилиси, у Министерства обороны СССР не было соответствующего правового основания и, следовательно, права назначить комендантом г. Тбилиси командующего войсками Закавказского военного округа генерал-полковника И. Родионова, а у последнего — права осуществить чрезвычайные меры, предусмотренные комендантским часом.

4. Генерал-полковник И. Родионов ненадлежащим образом выполнил свои служебные обязанности и известил население г. Тбилиси о введении комендантского часа за четыре минуты до его вступления в силу, в результате чего множество тбилисцев, а также приехавшие из других мест в г. Тбилиси граждане, которые

не знали о введении комендантского часа, невольно стали правонарушителями.

5. Поскольку противозаконные действия должностных лиц Президиума Верховного Совета Грузинской ССР и Министерства обороны СССР, а также лично генерал-полковника И. Родионова повлекли особо тяжкие последствия (случаи ранения и смерти граждан в результате применения военнослужащими огнестрельного оружия в первые часы введения комендантского часа и др.), Прокуратура Грузинской ССР и Военная прокуратура СССР в соответствии с законом должны рассмотреть и решить вопрос об ответственности вышеуказанных должностных лиц.

6. Партийное руководство республики грубо нарушило требования ст. 6 Конституции СССР и Грузинской ССР, ст. 60 Устава КПСС, решений XXVII съезда КПСС и резолюций XIX Всесоюзной конференции КПСС о разграничении функций партийных и государственных органов. То обстоятельство, что во всех случаях решениям органа государственной власти о введении, сокращении и отмене комендантского часа предшествовали аналогичные решения и рекомендации партийных органов, подтверждает, что в нашей стране процесс формирования правового государства пока находится в зачаточном состоянии. Для точного разграничения функций партийных и государственных органов считаем необходимым принять нормативный акт, в котором будет определяться правовой статус политической партии (или партий) в СССР, объем ее компетенции и формы ее взаимодействия с государственными органами.

7. Существенные пробелы имеются в законодательстве Союза ССР о военном и чрезвычайном положении. Действующий нормативный акт о военном положении принят почти полвека тому назад и, естественно, выражает дух соответствующей эпохи. Содержание только что установленных ст. 119 Конституции СССР институтов «чрезвычайного положения» и «особых форм управления» до сих пор не определено ни одним нормативным актом; нет четкой правовой регламентации процедуры введения внедренной в последнее время в практику особой меры — комендантского часа. Парадоксально, но факт, что союзное законодательство 20-х годов с этой точки зрения выглядит более совершенным. В цивилизованном правовом государстве режим законности должен действовать, как в нормальных, так и в чрезвычайных условиях. Для этого необходимо в кратчайший срок создать соответствующее законодательство.

Джони ХЕЦУРИАНИ,

заместитель председателя следственной подкомиссии,
кандидат юридических наук.

ПОРОЗНЬ И ВМЕСТЕ

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА

I

Есть, да ровно бы и нет ничего, есть на свете три брата Кежерадзе. Один тянет в одну сторону, второй — в другую, а третий — еще куда-то.

Но поскольку они все-таки были в чем-то между собой схожи, то и собрались как-то на условленном месте. На венчающую гору верхнюю станцию фуникулера прибыли все трое одновременно, несмотря на то, что Гриша вознесся вверх с легендарного морского уровня в вагонетке канатной дороги, Васико взъехал на трамвае, а Шалва добрался на своих на двоих. И вот, старший из всех, Шалва, говорит:

— Вы ведь слышали притчу про стрелы?

— Про какие-такие стрелы?

— Ну, про то, что каждую стрелу в отдельности легко переломить, а в пучке поди-ка попробуй. Здравствуйте.

— Здравствуй.

— Здравствуй.

— Так вот, нам надобно держаться вместе, заодно.

Тут они ненадолго примолкли, так как мимо прошла красивая женщина, или, по выражению Гриши, «славная людина».

Но только эта привлекательная дамочка скрылась из поля зрения, как Васико спросил:

— А разве мы и так не вместе?

— Сейчас-то, дай тебе бог здоровья, да, и то не так, чтобы...

— Как это... — спросил Васику, посадив себе на нижнюю губу птичку удивления.

— Мы все трое каждый сам по себе шатаемся, а было бы много лучше...

— Я нигде не шатаюсь, — прервал его Васику, — я целыми днями сижу в ателье.

— Вот это да, — хлопнул его Шалику рукою по плечу, — уж если кто и шатается, то это как раз именно ты.

— Твоя правда, — признался Васику, поскольку он страсть как любил литературу, а так-то вообще занимался художественной фотографией.

— Я ведь что говорю... — начал Шалва и запнулся. Хоть они и доводились братьями, однако не просто им было говорить друг с другом. И вот, почему:

Каждый из них в отдельности, в любом обществе, среди самых разнообразных людей, сыпал словами так, что о-хо-хо! Но сейчас, прекрасно зная обширные возможности друг друга и, вместе с тем, уважая друг друга с этой, профессиональной точки зрения, они невольно осторожничали, опасаясь сболтнуть что-нибудь легковесное. Это походило на так называемую предварительную разведку, наподобие той, что принята среди выдающихся боксеров и между футбольными командами. В особом напряжении был самый заправский говорун из троих — Гриша. А вообще-то любой из них отлично знал цену своим братьям. В воздухе, как говорится, пахло порохом. Дай только Кежерадзе поспорить и—эх-ма!—в какие только дебри они б не залезли. Но сейчас стояла не свойственная им тишина; хорошо еще, что та приметная с виду особа опять прошла мимо, остановилась неподалеку, внимательно пригляделась ко всем троиц и снова скрылась за крылом станционного здания.

— Тю-у, а не подослана ли к нам эта женщина? — спросил Шалва.

— Ох, еще чего! — отверг точку зрения брата Гриша.

— А почему бы и нет?

— Такая красивая и подосланная? Что бы могло ее заставить...

— А то Мата Хари хуже нее была? — включился Василий.

— Много ты ее видел! — пришел в раздражение Гриша.

— Не видел, но все-таки знаю...

— И кто же это тебя осведомил...

— Книга такая есть, про шпионов.

— Художественная, птенчик?

— Довольно, хватит, — вмешался Шалва, напоподобие женщины, бросающей головной платок между задравшимися мужчинами. — Если вы меня послушаете, у меня к вам есть ценное предложение.

Два брата безмолвствовали, стоя на месте, третий, Шалва, также молча, маячил взад-вперед на близком расстоянии — два-три шага туда, два-три шага — обратно.

Стоял июнь, первый предвестник знойного лета.

Шалва остановился:

— Вот в чем, друзья мои, дело. Мы с вами, до сих пор привычные шататься каждый сам по себе, теперь должны соизволить объединиться. Ты не обижайся, наш Гриша, но, несмотря на все твои заслуги и все твое пылкое стремление помочь людям сделаться лучше, чем они есть, кое-кто считает тебя вертопрахом... — не перебивай меня! Ведь я и сам прекрасно знаю, что это не так. Ты, Васику, — молодец на свой образец и живешь в основном в воображении, так что некоторым даже представляешься утопистом, но это ерунда, ведь никому не ведомо, кто есть кто и кто есть где, ты должен объясниться с нами, ибо, если дойдет до дела, у тебя опыта — на зависть и другу, и врагу. Что же касается вашего Шалвы, то я намерен возжечь и распалить нечто такое, что надобно хранить в тайне; так давайте-ка, возьмемся по-братски рука об руку и отправимся в какую-либо деревню, но не так просто, в открытую, а под покровом искусства, вооружившись одним из его видов; я долго размышлял и выбрал из всех видов искусства самое безукоризненно чистое.

— А что есть такого?.. — спросил, затаив дыхание, Гриша.

Васико же бросило в краску!

Сказка ведь это, сказка — и вот какая-то кисейно-прозрачная нежно-розовая пелена воспарила над их отважными головами.

— Не прерывай меня, Гришико, и побереги себя,

твоя сила и отвага в скором времени нам по-настоящему пригодятся. Мы, три брата, — загорелся воодушевлением Шалва, — поедem в одну из деревень Грузии, это будет ярко выраженная наша, грузинская деревня — деревня когдатoшних колхов и иберов. Это будет небольшая деревушка, но благодаря разнородности своих обитателей с их пестрыми большими-маленькими-мелкими целеустремлениями, — это будет наша, грузинская деревня со всеми своими многосторонне путаными-перепутанными, непроясненными сложностями, и, как везде, в ней тоже найдутся и добрые души и злыдни, и многообразные обманщики и правдолюбцы, будут в ней даже и нечетноголовые дэвы с вечнослужащими им работниками, будут и ангелоподобные ребятишки, и бесноватая молодежь; может, будут там на полях и загорелые красавицы, и только в одном я сомневаюсь — встретится ли нам Мзечабук¹, однако, поскольку даже наукой доказано, что младенец, оказывается, в материнской утробе слышит музыку и вообще все звуки, то мы, трое братьев, должны уделить особое внимание беременным женщинам...

— В отличие от сына Саманишвили?²

— Не прерывай меня, Василий. Мы, все три брата, в отличие от Саманишвили-сына должны уделить всяческое внимание беременным женщинам, ибо благодаря нашим стараниям и усилиям может сформироваться и появиться на свет Мзечабук. — Внезапно загрохотал гром, хотя в небе не видно было и махонького облачка. — А какому народу помешает или не нужен Мзечабук, дорогие вы мои, чтоб он помешал или не нужен был грузинам; но не подумайте, что это значит прицепиться к беременной женщине и прожужжать ей все уши, — нет, дорогие, мы должны всю деревню всколыхнуть и поднять на ноги нашим тематическим материалом; но чтоб народ прислушался к нам и поддержал нас, нам следует, как я уже отметил,

¹ М з е ч а б у к — Солнце-юноша, персонаж грузинского сказочного эпоса.

² Сын Саманишвили — персонаж из повести Д. Клдиашвили «Мачеха Саманишвили», ополчившийся на свою мачеху, узнав, что она собралась родить.

подойти к делу под определенным углом; я думал об этом днями и ночами, пусть даже иногда шел дождь — это не имело значения, и все ж таки под конец придумал и выбрал самое безупречное из всех искусств! Уф ты, сколько же это я тут нагородил.

Та приметная с виду женщина, снова приблизившись-постояв, спросила:

— Простите, не найдется ли у вас чего-нибудь? — Она спросила это не по-гречески, ибо Кежерадзе были грузины.

Сначала они уставились на нее растерянно, а потом Гриша, проявив бойкость, не по-гречески же ей ответил:

— Да как это так, чтоб не нашлось. С этим у нас слава богу...

— Правда? — обрадовалась женщина, прямо-таки созданная для кое-чего; ей явно понравился Гриша, как и его ответ. — Ну, допустим, не найдется ли у вас, например... Нет, лучше — что и что у вас имеется?

— Что имеется, дорогая? — с холодком в голосе ответил, вмешавшись в разговор, Шалва, — а все, что угодно для души, уйма всякой всячины: лоза и чай, полезные ископаемые, столь любимые вами цитрусы, минеральные воды, да еще такая пропасть лаврового листа, что всем нам хватило бы на венки; ну, а затем снежные вершины и такое море...

— И у нас тоже есть море, — с грустинкой промолвила женщина, — только брр...

— Что, очень холодное? — спросил в сторону декольте Гриша.

— Вода невероятно холодная, очень-очень.

— На Клитемнестру смахивает чертова кукла, — по-грузински отметил Василий.

— А вы возьмите да потеплее оденьтесь, дорогая, — от всей души посоветовал ей Гриша.

— А японских зонтиков у вас не найдется?

Воцарилось злое безмолвие.

— Вы ошиблись адресом, — резко сказал после основательной паузы Шалва.

— Правда? — отнюдь не смутилась женщина. — Не знаю, мне говорили, что если, мол, стоят без дела...

Братья молча переглянулись.

— А вы уверены, что мы стоим без дела? — сухо спросил Шалва.

— Откуда я знаю, — и добавила, с трудом выговаривая: — «Генацвале»... А правда, как будет генацвале не по-грузински?

— Сулико¹, — язвительно бросил ей Гриша.

— Прощайте, — решительно проговорил Шалва, а когда женщина отошла, Васику вновь заметил: — На Клитемнестру была похожа, проклятая.

— А нас она на кого похожими нашла? — печально спросил Гриша.

— На перекупщиков? Ух ты... — аж сорвался голос у непреклонного Шалвы.

«Не будь у нас сейчас совещания, я бы показал тебе подходящий для тебя зонтик...» — мысленно пустил Гриша вдогонку женщине.

Они стояли некоторое время как оплеванные, пока Гриша не проявил смекалки:

— А мы тоже хороши, дети благословенных родителей! Стали и стоим, как болваны, с открытыми ртами. Здесь же есть ресторан! Пошли, хоть присядем, поговорим, по-человечески. А, Васику?

— И верно, не опрокинуть ли нам в честь встречи по паре стаканчиков?

— Хорошо бы, — поддержал было их и Шалва, да вдруг спохватился: — Нет, нет, ни в коем случае! Где у нас деньги на ресторан...

— Как это где, у меня найдется сумма на ресторан. — выступил вперед Гриша.

— И у меня тоже есть, — прихлопнул по карману Василий.

— Нечего, нечего морочить голову! — посуровел Шалва, — если у вас и есть что, поберегите для будущего. Эти деньги еще очень пригодятся нам для моего мероприятия.

— Правда?

— Еще бы. А пока — чтоб на глупости не тратиться! Мы должны быть скупыми, такими, такими скупыми, что... Ну, как этот вот... как его...

— Как Гобсек, как муж возлюбленной Портоса,

¹ Генацвале — непереводаемое ласкательное выражение. Сулико — душенька.

пошехонская баба, Соломон Меджгануашвили¹ времен юности... — помог; ему Васико.

— Во-во. Однако выход всегда есть; мы прекраснс можем отделаться по дешевке.

— Как?

— А вот так. Здесь же или, может, чуть подальше присмотрим себе хорошенькое местечко где-нибудь под кустом и выпьем под гастрономовскую хлеб-соль.

— А где тут найдешь гастроном?

— Я мигом слетаю туда-сюда на ковре-самолете! — воскликнул Гриша, — ни очереди тебе и ничего такого.

— Ну и очень хорошо. А я, чтоб не терять времени, пойду пригляжу подходящий кустик. Васико пусть останется здесь, вроде штаба, — по-деловому лаконично распорядился. Шалва. — Сбор подле Васико. Сорок минут хватит?

— Да, конечно.

— Открывалка для консервов у меня имеется в перочинном ноже. Сэкономим ресторанные деньги. Не забудь вина к хлебу-соли.

— Как можно! — засиял Гриша. — Вино в хлебе-соли главное.

— Да, — заметил и Васико, — хлеб-соль — это во все не только хлеб и соль, просто так говорится в переносном смысле.

— Вино какое принести?

— Да все одна бурда. Но принеси «Тибаани».

— Если будет. Ну, пошел я, буду как штык ровно через сорок минут по гринвичскому времени.

Сказано — сделано. Гриша вовремя прилетел на ковре-самолете с туго набитым хурджином, Шалва подыскал такой куст, что, сиди под ним хоть весь день, тебя никто не увидит, а Васико, в мгновение ока расчистив землю, на славу накрыл газету-самобранку. И чего тут только не было, разве что птичьего молока: колбаса, консервы, вафли, ну и еще там... Бог глянул на нас милостивым оком, подумали братья, откупорили бутылки, в которых нашлось вино, разломали хлебную лепешку, похожую на испеченную царевой дочерью,

¹ Герой романа Л. Ардазиани «Соломон Исакич Меджгануашвили».

только вот Гриша забыл, оказывается, прихватить соль, и Васико пристыдил его: тоже, мол, голова с ушами; но Шалва нашел какую-то травку, провел ею по еде и оживил ее: «Не беда, недаром говорится, что про соль-то и не упомнишь».

Они аппетитно трапезничали за своим разлюбезнейшим сердцу столом: консервы были такие, что подобных не сыщешь ни на земле, ни на дне морском; солнце стояло высоко-высоко и было такое яркое и такое красивое, что на него и глаз поднять не осмелишься, а сидели они-посиживали в кустах.

Да-а. Тамадой назначили Шалву — ведь как он умел пить?! — если другой хмелел, выпивая по стакану, то он, опрокидывая и по два зараз, не бывал пьян и отменно вел стол. Кто видел, чтоб у нас молча ели-пили за накрытым столом? А уже про братьев и не говорите. Как не счесть песчинок на дне морском, так не счесть было грузинских слов, которыми они вовсю сыпали и которые никак не иссякали; они пили, говорили, снова пили и снова принимались за беседу; а младший брат, Гриша, все потирал от возбуждения ладонью брюки возле колена, пока они составляли план своих дальнейших действий и пришли к общему согласию в основных вопросах; только на одном вопросе они застряли, и ни туда, ни сюда. Но все равно все трое пребывали в превосходном настроении — их очень радовало все происходящее — и уже с дорогой душой наполнили очередной стакан, без задней мысли позаимствованный временно из автомата, как вдруг перед ними словно из-под земли выросли два одноглазых дэва и предложили им, как нарушителям порядка, пройти в тамошние, высотные, дэвьи пределы, где и передали с рук на руки в ведение несколько более важного — двухзвездного дэва. По дороге сбежать ни один из троих не пытался, Цикара¹ пасся где-то далеко, а этот двухзвездный дэв так насел на них, что не приведи бог!

— А подать мне сюда удостоверения личности! А ну, живо характеристики от дэва домоуправления! Ишь где они попусту транжирят время; под кустиком пьянствуют, такие-раздакие, и позорят республику! За

¹ Цикара — сказочный бык, всегда готовый прийти на помощь.

это и по пятнадцать суток влепить мало. — Короче, он так их застрашал и так долго проманежил, пока они не выложили изрядно серебра, что все это стало им в два хороших ресторанных застолья.

«Будь оно проклято, такое везенье...» — от лица всех троих подумал в сердцах Шалва.

А вот как оно все было до этого, — пока они делили хлеб-соль за газетой-самобранкой.

2

-Искусство, с одной стороны, вещь весьма опасная, — начал после четвертого госта излагать основную идею Шалва. — Как это ни странно, но если бы хорошие немцы не достигли в своем искусстве столь больших высот, то плохие немцы не развязали бы самую страшную войну. Удивительно, а вместе с тем и не удивительно также и то, что именно самые недостойные из немцев вообразили себя, окаянные, превыше всего и вся, что Геббельс и Гитлер кичились заслугами и наследием великих предков, каковыми были Бах и Бетховен! Эти сукины сыны заставляли своих оболваненных солдат отбивать шаг под марши Вагнера! Знай это в свое время бедняга Рихард, он бы, верно, и в руки не взял гусяного пера! Людоеды!

— Правда! — сказал Гриша и выронил из рук колбасу.

— Да. Ради престижа они вступили в дружбу с широко прославившими себя в искусстве итальянцами, но только с худшими из них — ведь наш-то Форэ Мосулишвили¹ дрался плечом к плечу не с желтокожими; да, как я уже говорил, великое искусство именно недостойным придало спеси; они, эти подонки, не лишенные, правда, дисциплинированности, не ведали того, что искусство и воинская муштра несовместимы, ибо...

— Я верю только в самодисциплину, вот хотя бы в такую, как четко выраженная самодисциплина Флюбера.

— Разумеется. Это тебе не дисциплина, навязанная извне, которой я и врагу своему не пожелаю. Во всем главное — личная интонация.

— Да. Я говорил о том, что, поставив лично себе в заслугу высочайшие достижения великих предков,

¹ Форэ Мосулишвили — грузин-партизан, которому посмертно присвоено звание народного героя Италии.

эти набитые всякой дьявольщиной головы — откуда еще, как не из человеческих плеч может вырасти такая дурацкая тыква! — возомнили себя господами вселенной, и хотя мы очень уважаем — ну-ка кого?

— Баха и Гете, Бетховена и Кранаха, Шиллера, Дюрера... Шуберт, батоно, и Моцарт тоже по-немецки говорили, Кант...

— Достаточно! Только не называй мне философов. Забыются по углам каждый сам по себе, и ну мудрствовать — это должно быть так, а то должно быть сяк, или — это не должно быть так, а то не должно быть эдак, а должно быть вот эдак и эдак, просто убиться можно от стольких «должно»! Хорошо, хватит. кто ты такой? Отпусти душу на покаяние.

— Да, и иди себе своей дорогой...

— Им не достает искусства воплощения... Они плохо читаются...

— А так они тоже селятся улучшить отношения между людьми.

— Да-а, это мыслящий народ.

— И все же не говорите мне о них, я предпочитаю людей дела. Налей-ка еще разок.

Бутылочные бесы переместились поначалу в стакан, а там и в утробы братьев, но перед ними лежал еще долгий, приводящий в изнеможение путь.

— Я непременно должен отметить, что говорю только о злонамеренном использовании заслуг предков, а так ведь и сам Бетховец творил в завоеванной стране...

— То-то я и дивлюсь — вывернул Василий ладони наружу, — у турок, глядь, не очень, не очень-то густо было с гениями... однако их не знавшая грамоты рука постоянно сжимала меч...

— Один, дескать, поэт, был у нас, да и тот писал на чужом языке...

— А кто же их тогда принуждал...

— Хорошо, будет, — прервал их Шалва, так как они нежелательно отклонились от темы, — я уже говорил вам: чтобы тронуть человеческую душу, надо подойти к ней под углом искусства, и меня очень мучал выбор — под каким же все-таки именно углом? Музыка, поэзия, как и иная подобная благодать, таят в себе, как я сказал, опасность увенчаться под

конец чем-то плохим. Вот я и ломал себе голову по всякому, немного при этом стыдясь перед самим собой: как браться учить кого-то уму-разуму, когда ты и сам не без греха.

— Я-то, пожалуй... — вырвалось у Васику.

— Что ты пожалуй?

— Почти безгрешен, — сказал Васику и покраснел.

— Да, как раз, — скорчил ему рожу Гриша. — А давать по ночам ключ от своего ателье — это, по-твоему, как называется?

— Меня же и попрекаешь? — сперва удивился, а следом пришел в негодование Василий. — Меня же попрекаешь корыстью? Бессовестный ты!..

— В данном случае я правда свинья, — признался Гриша. И улыбнулся: — Иди поцелуй.

— Мелкие грешки водятся за каждым из нас, — подвел черту под небольшой, мирно закончившейся перепалкой Кежерадзе Шалва. — Но, что правда, то правда, мы не зловредные.

— Еще этого нам не хватало...

— Ах, ах, боже упаси.

— Так вот, я и остановил свой выбор на самом что ни на есть безукоризненно чистом из искусств.

— На каком же это... все-таки, — взволнованно спросил Гриша.

— На каком, правда, а?.. — и того пуще разволновался Васику.

— Только не переизумитесь. Чтоб не ошарашить вас с ходу, подойду постепенно, — сказал Шалва и поднялся с места: — рааз... двааа... иии... цирковое искусство, вот что!

Жили-были бедные-пребедные муж и жена; жена бесперечь пилила мужа: встань, человек, пошевели руками-ногами, небось под лежащий камень и вода нейдет, походи туда-сюда, может, сыщешь где какую работу и принесешь домой деньги.

Пошел Киколи, помыкался туда-сюда, подзаработал немного, вернулся домой. Но жене показалось этого настолько мало, что она поскидала с ног вверх тормашками коши и, раскрыв рот, вылила на голову мужа целый ушат вселенской грязи. Плохи были дела нашего Киколи, совсем бедняга повесил нос. Был, правда, у него камень желания, не

крупный, и в таком деле, как подавать вам царские яства, он ровно ничего не смыслил, зато мог заставить солнце взойти на небосклон и воду пробиться из недр земли. Пустился наш Киколи в путь, но не подвел ли его и тут этот камень желанья? Он просил хорошей погоды, а разразилось ненастье, да такое злое, что почище сварливой дочери султана. Идет, шагает Киколи в ночи, есть-пить ему хочется, дождь хлещет, холод пробирает до костей. Встретилась ему в пути заброшенная могила, он и присел тут; а дождь льет и льет на него, как из ведра, так что уж и сам Киколи вроде бы уподобился облаку; забирай меня чума, думает, будь что будет, все равно не сойду с места. Сидит он так под проливным дождем, и вдруг доносится до него откуда-то снизу голос: ээх, Киколи, знать бы тебе, что пусть и в самое лютое ненастье, все равно там хорошо. Приободрился наш Киколи и двинулся дальше своей темной дорогой, может, думает, я и найду еще свое счастье. И не холодно ему больше, и голод-жажда его не мучат. Шагает и шагает он себе, а глядь — вдалеке какой-то слабый свет брезжит...

— Вы удивлены, верно? — исполненное воодушевления лицо Шалвы радостно озарилось: — Вот так, именно так, с удивления, и должно начинаться всякое стоящее дело. И коль первый же мой шаг оправдал себя, это уже кое-что значит.

В своем крайнем волнении он походил на одержимого, и Гриша сказал:

— Этого последнего стакана тебе не следовало пить.

Шалва от души расхохотался:

— Да ну тебя... — и вдруг стал жестким, подобно решетке: — Сидите как сидели! Ни звука! Ни малейшего шевеления! — Но потом, видно, что-то вроде напильника подточило его решеточную твердость, так как через некоторое время он сказал: — Поверьте мне, братья мои, мы не останемся в проигрыше.

Пошел и пошел вперед наш Киколи, подходит поближе и что же видит: махонькое, совсем махонькое и жалкое, еще более ничтожное и жалкое, чем он сам, существо — крохотный светлячок забился в дупло рухнувшего дерева и время от времени посвечивает оттуда, словно бы постанывает. Чего это ты так, что с тобой

приключилось, бедовик, спрашивает его Киколи. А тот ему: холодно-голодно мне, жажда меня замучала, пособи мне хоть маленько, может, после и я тебе в чем пригожусь. Да чем же-де я, такой несчастный, могу тебе пособить? — спрашивает Киколи. — Но у тебя хоть душа в теле держится. — Душа-то оно да. — Вот и вдохни в меня душу. — Рад бы, дружок, но тогда я сам без души останусь. — Напротив, коли ты вдохнешь в меня душу, тебе от этого только прибудет. — Это как же так? — спрашивает Киколи. — А так, что, согревшись сам, я и тебя отогрею.

— Слово «цирк» — латинского происхождения и означает оно «круг», — со всей основательностью, как то и положено, начал свои пояснения Шалва. — Отрасль эта, что правда — правда, весьма обширная. И чего только она в себя не включает: в нее входят, к примеру, акробатика, пантомима, клоунада, партерная гимнастика, вольтижировка на лошади, эквилибристика, жонглерство, музыкальная эксцентрика, иллюзионизм, и кто сочтет, сколько еще чего. Все это в наши дни. Но еще в Древней Греции, в Крито-Микенах, схвативши на скакивающего быка за рога, через него кувырком перемахивали; позже, в Древнем Риме, в понятие «цирк» вошли также гладиаторские бои и единоборство с разъяренными хищниками. Со временем, как это вообще бывает, древние виды цирковых зрелищ постепенно отмерли и на смену им пришли новые, которые я вам уже перечислил. Но мы с вами, братья, должны избрать самое сложное, самое безупречное и возвышающее из всех ответвлений циркового искусства, а то нет — иди и заставляй прыгать-скакать какую-нибудь собачонку-мартышку. Ну что в том хорошего, а?

— Да ничего, господи.

— Не прерывай меня, Григол, цирков...

— Но ты же ведь сам задал вопрос? Ничего не понимаю...

— Хорошо, помолчи. Я говорил, что из всех ответвлений циркового искусства я взял и выбрал лично для нас первейшее... первейшее... первейш... остановите меня!

— Что!

— А вот что, Васико! — не бойтесь, — вот что, братушки, не бегите от меня! Что-о? Клоунаду!

Два ошалевших от удивления брата с ужасом воззрились снизу вверх на третьего, а он, чтоб не дать им времени очухаться, пока они, придя в себя, поднимут его на смех, поспешно обратился вновь к академической пояснительной беседе:

— Слово «клоун», оказывается, английского происхождения, так в английском народном театре назывался в старину один из комических персонажей. Позже, в четырнадцатом веке примерно, оно проникло и в определенного характера представления, именовавшиеся моралитэ. По душе тебе это название, Григол?

— Да. Итальянское?

— Французское, — уточнил Шалва. — Верьте мне, братья, счастье принесет вам эта отрасль.

— Где же оно есть — это счастье?

— Помилосердствуй, Григол!

— Нет, есть-то есть, как ему не быть, только на улице оно не валяется.

— Это-то да, это верно, но ведь где-то вообще оно есть, где-то все-таки бывает...

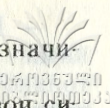
Жил-был на свете один крестьянин, и уж до того бедный-пребедный, что и запаха жареного-пареного не нюхал. Ну и жена его с малолетней дочкой тоже были — какими же им быть? — такими же нищими, тоже бились в нужде как рыба об лед. Девочка ходила в таких болтающихся на ней отрепьях, что ее даже прозвали Оборвашкой-Колокольчиком. Шло время, померла у крестьянина жена, и теперь нужда и вовсе его заела. Взял он и женился во второй раз. Не успев войти в дом, мачеха возненавидела Оборвашку и превратилась в ее лютого врага. Только и думала она, как бы досадить падчерице. Сунет ей поутру в подол краюшку непропеченного, твердого, как колотушка, хлеба и посылает на целый день ходить за чужой коровой, да мало того, еще и приговаривает: вот тебе хлеб — по дороге покорми всякого встречного-поперечного, сама поешь и домой в целости принеси. И идет себе Оборвашка, печально понурив голову. Как-то раз, когда сидела она вот такая печальная у ручья, проливая горькие слезы, мимо проезжал царев сын. Полюби-

лась ему с первого взгляда девушка, запала в душу, посадил он ее на своего коня, отвез в преогромный дворец и такую закатил свадьбу, такую свадьбу, что аж шапки взлетали под потолок.

— Одно, главное, вы должны себе хорошо уяснить, — продолжил Шалва, — что клоунада — это сама свобода. Так оно и в лексиконах написано: речь-де клоуна должна взрываться импровизацией, это — заранее тебя поздравляю, мой Гриша, — от итальянского слова «импровизаре», что означает нечто непредусмотренное, проделанное неожиданно, вдруг; то есть именно то, в чем ты, Гриша, чувствуешь себя как рыба в воде. И может ли быть что-либо лучше, как остаться лицом к лицу с пестрой людской толпой во власти одного лишь собственного таланта...

«Я получаюсь как-то в тени... — подумал в расстроенных чувствах Васико. — Неужели я и впрямь оторвавшийся от действительности утопист...»

— Нальем-ка еще по разику, дорогой мой, мой бесценный Васико, — будто разгадал его мысли Шалва. — Я уверен, что ты, со своими знаниями и опытом, оставишь нас двоих далеко позади. Будем же здоровы, за наши успехи в неясном будущем. И не думайте, что я уж слишком сведущ во всем том, о чем поделился с вами, просто, ради справки пересмотрев пару-другую словарей, — ведь они мне, что хлеб насущный, — почуял я сердцем, что это дело как раз по нас, но при одном условии — если мы будем постоянно держаться заодно, ибо сила наша — в единстве. Ведь недаром же я в самом начале нашей встречи повел с вами речь о стрелах... Мы должны, переходя из деревни в деревню, охватить всю землю окрест, так каких же тридцати метров — я имею в виду классический диаметр современного цирка — может хватить для нашего поприща, для нас, троих братьев Кежерадзе! Мы должны расширить круг, раздвинуть его пределы и, оснастив себя такими вспомогательными орудиями, как буффонада и фарс, обратиться в персонажей комедии дель арте, — тоже итальянской, Гриша, — чтоб под прикрытием всевозможных клоунских проделок, средствами и приемами комедии дель арте навязать свои устремления народу! Разве в том есть что-нибудь дурное или мы причиним тем кому-либо вред...

— Да, но кто нам поверит...

— Почему... ведь нас так или иначе предназначили для сказки, — огорченно промолвил Васико.

— Поверят, если мы вложим в это дело все свои силы... Что, сомневаетесь? Пусть даже и так, но я ведь брат вам? — пожертвуйте, наконец, ради меня каким-то одним месяцем. Велико ли дело... Меня лично больше заботит то, что я до сих пор не нашел грузинского соответствия слову «клоун». Наши «масхара», «джамбази», «оинбази», «берика»¹ — все это не то; что ни прикинул, ничего не подгонишь, придется пока что довольствоваться международным термином — «клоун», его и будем до времени употреблять. Ах, и размечтался же я, придется главное изложить вкратце, в двух-трех словах. Перечисляю по пунктам, в алфавитном порядке: **Аз!** — В основном существует четыре рода клоунов, но музыкальная клоунада не про нас, ээх, батюшка и матушка наши, почему вы не таскали нас за уши на музыку! Хотя до того ли вам было, да и откуда... Укращения и дрессировки мы не выносим ни в чем; что же до акробатики, то нам она уже не по возрасту, стало быть, одна надежда на клоунаду — четвертый, а вернее — первейший и главный род, точнее говоря, на клоуна-разговорника, ну а почесать язык мы все трое, слава те господи, мастера, тут и науки никакой не потребуется. **Буки!** — Однако одна наша болтовня людей не привлечет, а ты скажи мне, Гриша, ведь у тебя наверняка есть на примете какая-нибудь приятельница из циркачек?

— Сколько угодно; у них как раз сейчас отпуск.

— Это очень хорошо. А нет ли среди них канатоходки?

— Как же, конечно есть.

— Оо, прекрасно, замечательно. И она согласится тебе сопутствовать?

— Хоть на Сахалин.

— Да зачем нам Сахалин! Мы возьмем ее куда-нибудь в Верхнюю Имерети, и хорошо бы она прихватила с собой какую-нибудь свою подружку-жонглера.

— Есть такая.

¹ Масхара, джамбази, оинбази, берика — в Русском им соответствуют: шут, паяц, скоморох, ряженный.

— Порядок, мой Гриша! Эти полуприкрытые легкими тряпками девочки привлекут публику, а нам только того и надо. **Веди!** — Для подготовки впереди целый месяц, и мы за это время должны поднакопить денег.

— Я настрою и отлажу как часы все расстроенные и раздолбанные рояли и пианино, какие только найдутся в Тбилиси и его окрестностях.

— А я перефотографирую группами и соло побольше школовузовыпускников.

— Очень хорошо. Я тоже где ни есть что-нибудь подработаю в частном порядке. **Глагол!**

И вот как раз тут-то, когда они вошли в самый раж, к ним неожиданно подступили два дэва, и все три брата, с бутылками — как вещественными доказательствами — в руках, были доставлены в качестве нарушителей общественного порядка куда следовало, то есть в местные, высотные, дэвыи пределы. Э-эх...

3

Средний бухгалтер-интеллигент, Гайоз Джаши, отбарабив служебный год — одиннадцать месяцев — в столице Грузии Тбилиси, проводил свой отпуск в деревне.

Ведь вот, казалось бы, жизнь его должна была протекать в рамках самого обыденного — умеренные еда-питье, сон, пробуждение, автобус, счета-расчеты, семья, снова постель, что-то... Но Гайоза Джаши денно и ночью изводила какая-то страннопричудливая птица. Никто бы не мог сказать, что это за такое никому не ведомое пернатое и откуда оно взялось, а тем паче предугадать, что и когда эта птица может неожиданно выкинуть. Сидит, скажем, Гайоз Джаши, у которого пестрит в глазах от целодневных счетов-пересчетов, перед телевизором и смотрит полезную передачу или, например, читает не менее полезную газету, да? — как вдруг, откуда ни возьмись, налетит эта скаженная и — прямо ему на загривок, иди после этого почитай или посмотри телевизор! И как пристанет — конечно, не даст тебе ни отдыха, ни сроку. Сначала поклевывает потихонечку, потом чего-то заводится, расхорохорится, превесело захлопает кры-

льями, а то вдруг — батюшки-светы! — завопит горестно, ваиме-вуйме; Гайоз Джаши украдкой шмыгнет в свою комнату, бормоча стыдливо: оставь, оставь меня, клянусь бумагой, иметь с тобой дело не по мне. Ну-уу... Слыхали?.. Но что там мольбы, от этой гнусной приставалы, настырной, да к тому же невидимой, не спас бы и меч. А сколько хитрости, лицемерия — послушай, послушай меня, бубнит, вот увидишь, ты останешься в выигрыше, подсядь к этому вот столу, наостри гусиное перо да обмакни в чернильницу; ну чего ты маешься, человеке, не бойся, не укусит; ох, ну давай же, вот увидишь, если не выиграешь... а пусть даже и не выиграешь, проиграть-то ведь тоже ничего не проиграешь. Ой ли?! Разве уже не проигрыш — отброшенная в сторону газета. А то, что, пока другие отлеживали бока на софе, Гайоз Джаши должен был горбиться за столом, выскивая увертливые, не дающиеся в руки слова, — это тоже не проигрыш?! А что еще за чертовщина, если не проигрыш, без конца ломать голову в погоне за ускользающим словом, пока другие стучат костяшками домино или режутся в картишки?.. Но, говоря по правде, он-то и сам был немного непрочь, он сам ее и привадил, вот оно как.

Да, было у него стихотворение:

Молвил ястреб ястребице:

— Люба ты мне, голубица...

Вот ведь будто бы ничего такого, да? Будто так себе, ничего особенного, верно? Но посмотрим.

А ну-ка еще разок:

Молвил ястреб ястребице:

— Люба ты мне, голубица...

И опять как будто ничего примечательного, ведь правда? Ан нет, что-то все-таки есть! Нет, давайте-ка лучше, друзья мои любезные, начнем немного издалека.

Вот гляньте — земля велика, и по ней туда-сюда снуют люди — раз-два, раз-два, давай-давай, шагаай... Но больно ли много мы знаем друг о друге: кто куда идет и кто что собирается делать, тем паче, что многие и сами не знают, куда их несет. Только все мы чего-то хотим. Вот кто-то из нас хочет кое-чего, это плохо; но

некоторые желают чего-то, и это уже хорошо. Но поди-ка узнай, кто есть кто и что есть что... Это вроде бы и невозможно. Раз кто-то рвется к чему-то из всех сил, значит, считает, что это что-то есть нечто хорошее; и другой раз смотришь, так его в этой гонке какая-то — тьфу ты, пропасть! — нелегкая накрутила-настропала, что ему и оглядеться-то вокруг себя некогда. А мир так богат и так хорош. И весь-то он для тебя, смотри, наслаждайся, сколько влезет, не бойся, он выдержит, да и никто тебе в этом не помеха. Ну разве же это дело, что без тебя светает и без тебя опускаются сумерки, а ты ни при чем и совсем-то ты ничего не знаешь. Ну, петух кричит, ну, дождь мокрый, а дальше что? Куда же это годится?! А есть еще, вы даже не поверите, и такие, что завистливо лупя глаза на блага ближнего своего, даже и знать не хотят, как восходит Марих-звезда.¹ Да и зачем ходить далеко; сам-то я хоть и разболтался тут безумолку, тоже не лучше их. А так каждый из нас — будь то по заслугам или не по заслугам — жаждет богатства и изобилия. И уж до того мы, бывает, размечаемся, что нам бы впору только: отсев там — мука здесь, горе там — где же это, интересно? — радость здесь; жизнью в жизни наслаждайся, а блаженством — на том свете!² — Вот вишь как! Хлоп-хлоп в ладоши, таши-туш!! Пандури, зурна-дудуки!!! Кое-что... А чем ты это заслужил? Тем, что пошел. пришел, принес? Тогда я тоже пойду-приду и тоже принесу, а что, я у бога теленка съел?! Если он пошел, вернулся и принес, то я-то чем хуже? Или не сумею пойти и принести? Только вот что... что... Этого-то мы частенько и не знаем.

И вот мы идем, куда только не идем, и тащим, чего только не тащим, приобретаем, чего не приобретаем, но к чему оно все... Жила-была на свете одна мышь, и было у нее видимо-невидимо хорошо припрятанного золота. Бывало, вытащит она его в кои веки раз украдкой на свет божий, с опаской на него полюбуется и снова захочет поглубже в землю. Но пришел срок: мышь померла, как и все другие, и осталось лежать ее золото безо всякой пользы, а если меня спросить, совершенно

¹ Марихи — Марс (груз.).

² Присказки из грузинских народных сказок.

зря она всю жизнь волновалась, вот так и мы с вами чего-то все возмемся, мучаем себя, а стоит ли, спрашивается? Может, и мы тоже только понапрасну порти́м себе кровь, забивая голову всякой чушью... Выход? Да ведь и у бедной старушки есть свое диплипито¹. Мы местные. Чего нам, казалось бы, и хотеть? Бум-трах! — вокруг выросли стены, на калитке изнутри повис до приторности жирный замок, над головой умельца-хвата — потолок, из-под пояса выпирает брюшко. Трах! — в кармане полно денег. Это же через головы скольких не отличающихся сметкой простаков перепрыгнули мы, а, парень! Но одно только сомнение все ж таки у нас остается — как бы мы высоко ни подскочили вверх, как бы ни пыжились и ни чванились, не кажемся ли мы на взгляд сверху чуток поменьше. Да и чего на свете не случается...

Но подчас нами овладевает невероятнейшая выскательность, особенно в отношении других — и чего мол, это вы мыкаетесь, чего хлопчете, кидаетесь из стороны в сторону, норовя оттяпать побольше; и на что вы тратите ваше дарование, ваш ум и время, теряя в погоне за всякой ерундой то самое ценное, что следовало бы беречь как зеницу ока. Но знайте, вы, не верующие ни в сон, ни в чох, ни в птичий грай, что, как бы вы не лелеяли и ни питывали свое брренное тело, все равно вас подведет в конце концов ваше многотерпеливое брюхо, так как и оно, как все в мире, тоже изнашивается. Ха, будто бы я сказал какую-то новость... Но что поделаешь, такое напоминание не для кого из нас не лишне! Так исполать же тебе, — хоть не столь уж редкое, но все-таки исключение, — Гайоз Джаши...

Сейчас я объясню, почему:

Гайоз Джаши,

пока другой леденеет нутром, измышляя какую-нибудь пакость, твое вечно стесненное сердце теплеет, наполняется несказанным светом. Вы пишете стихи, к тому же тайком.

Уважаемый Гайоз!

Думаю, не имеет решающего значения, так ли уж

¹ Диплипито — незатейливый музыкальный инструмент. Смысл поговорки: у каждого есть свои радости.

хороши Ваши стихи, слишком слабы или чрезмерно уж посредственны. Главное в том, что когда человек наполняет чернильницу, пододвигает ее поближе к себе и чуть дрогнувшей рукой берется за гусиное перо, — это уже хорошо. Ибо что-то происходит! И не столь уж обычное...

Гайоз-батано,

это ничего, что теми же гусиными перьями много-разнообразные пигмеи из числа властителей судеб рода человеческого подписывали всяческую чушь, всякие дурацкие законы-уставы-постановления, в Ваших руках, в Вашем деле гусиное перо — нечто совсем иное, ибо совсем иное пернатое терзает в ключья Вашу подвижную высокую влечением душу.

Многоуважаемый Гайоз,

Вас вечно теревит изнутри Ваша же собственная душа, потому что Вы, ища выхода и спасения, вечно скребете, подтачиваете напильником собственной души решетку печалей и горестей. Хоть Вы и человек стиха, однако можете вовсе и не ведать сами, насколько вам любезна свобода; но где оно, такое стихотворение! Вот Вы и мыкаетесь, подобно Киколи, в непроглядной тьме, и, кто знает, может, и набредете когда-то если и не на взметнувшийся под самое небо костер, то хоть на угасающего светлячка, и то хорошо;

Глубокоуважаемый Гайоз,

пока Вы дерзаете и ищете, кто-то будто вычерпывает из вашей души деревянной ложкой всякого рода нечисть, и Вы полнитесь светом: человек, пишущий стихи, что-то или кого-то любит, а ведь и то и другое — прекрасно.

Батано Гайоз,

Ваши влюбленные глаза не рыскают, как у других, по-бесовски черт-те где, ибо над вами властвует добрый бес — в том, Вашем деле даже бес может быть добрым; и что только не происходит при сочинении стихов; вот так оно и с Вами,

силою любви маленький владыка, Гайоз!

Что с того, что вы пишете слабые стихи, все равно пылающие в сердце Вашем уголья требуют, чтоб в них постоянно вдыхали душу. И не велика в том беда, что Вы чуть-чуть втайне гордитесь собой, большое дело! — мы все не прочь немного порисоваться, недаром ар-

тистизм сродни поэзии; зато ведь как часто Вас гложут сомнения, но о сомнениях потом. Писать стихи в Грузии очень трудно, ну и что ж такого, если порой Гайоз Джаши исподтишка тайком пописывал:

Молвил ястреб ястребице:

— Люба ты мне, голубица...

Гайоз Джаши писал свои стихи втихомолку, по-воровски.

4

Рассветло мирное утро.

В один из райцентров Грузии — Сачхере — прибыл, всем на радость, поезд, доставивший сюда, в числе прочих, трех братьев Кежерадзе — Шалву, Василия и Григола.

Приняли их, кстати сказать, весьма недурно: на разубранном, — в знак уважения к братьям, — ширазскими розами перроне выстроились и задули в рожки везири; встречали дорогих гостей и султан со своей дочерью, и царь Севера, и владыка морей с неизменным трезубцем в руках, и платиновая рыба; был тут и тщательнейшим образом выстриженный и выбритый девятиглавый Бакбак-дэв с залепленным лейкопластырем коленом; почтительно представились приезжим и прирученные снежные человеки; там же стояли навытяжку полукуруца и Олег Котиевич Хандаханумашвили; для произнесения приветственной речи из бутылки был выпущен ненадолго под честное слово джин; присутствовал тут и лилипутский вождь-богатырь; а две женщины — бесхвостая и хвостатая — все сыпали и сыпали под ноги почетным гостям золото; Васико же особо было преподнесено серебряное блюдо с присланной самим Стендалем (Анри Бейлем) черной и красной икрой; в толпу встречающих замешались и не виданные под солнцем красавицы, следовавшие за своим господином и повелителем — падишахом, все в черных очках; и чугуретский¹ Диплипито со своей ком-

¹ Чугурети — один из старых районов Тбилиси.

панней; порхала тут же и стайка кинозвезд, вышагивали важно и знатные римляне в окружении почетной свиты, и целые когорты... Ну чего мы, право, чушь по-рем: решительно никто никого не встречал, да и кто бы там устраивал торжественную встречу этим нашим братьям?! Приехали, ну и ладно. Только какой-то паренек, пригнувшись, завязывал шнурки на туфлях да какая-то женщина продавала петрушку, вот тебе и все; но что правда — правда, не лил дождь, да и грома было не слышать, а высоко в небе вовсю сияло солнце — как видно, те края приняли братьев.

И, будто в благодарность за это, средний из них, Васику, хоть и невольно, но все-таки принес жертву — оглядев себя, он заметил, что у него недостает одной из пуговиц. Правда, на пиджаке. Но не из того десятка был Васику, чтоб это его обескуражило: «А ну ее к черту, — подумал он, — эту проклятую пуговицу».

Хо-про-шаа Грузия, хорош, конечно же, и Сачхере. Глянули окрест себя — кругом горы, да и трудно ли увидеть в Грузии горы —пустыки! Хотя глаза-то, глаза вам отнюдь не пустыки. Только горы были здесь какие-то совсем особенные, насквозь пропитанные имеретинским теплом; да и все здесь было словно бы пропитано мягкостью, деликатностью, вежливостью — и люди, и даже небо, так и хотелось стоять и смотреть, смотреть не отрываясь, но поскольку капризная плоть требовала своего, братья попросили того-этого и заглянули в первое же попавшееся на пути кафе, под вывеской «Сею-вею». И, представьте, дело обошлось не так плохо — они убереглись и от отравления, и от всего такого прочего, им даже очень впрок, словно домашний чай и молоко кормилицы, пошли гуляш и кебаб.

Но искусство, как и все прочее в том же роде, тоже ведь требует своего. И вот они, не найдя ничего более подходящего, вступили ногой в парк культуры и отдыха; тут же, при входе, скинули с плеч тяжеленные вещмешки и, поставив их перед собой, присели на скамью. Поначалу они благосклонно разглядывали флору данного сада, но под конец Гриша не выдержал:

— Хотел бы я знать, почему этот парк, или как там

его, называется еще и культурным, узнать бы только, а там хоть и голову под булатный меч.

— И правда, — сразу согласился с ним Шалва, — насчет отдыха это еще куда ни шло, милые вы мои, ну вот сели мы и сидим, но при чем тут культура...

— Да-а, культура — нечто совсем иное, — пригорюнился Васико.

— Все это не совсем так, люди добрые, мы здесь играем в шахматы...

Огляделись — кругом ни души.

— Верно, то была мать-хранительница здешнего парка, — мигом высказал догадку Шалва.

— Какая же из меня мать-хранительница, — сказал даже не подняв головы, словно с неба упавший местный железнодорожник, который сидел на той же скамейке, уткнувшись носом в раскрытую газету. — Вот хоть и ту же газету можно здесь почитать прекраснейшим образом — с чувством, с толком, с расстановкой, и поиграть в шахматы.

— Да что ж это за культура, скажите на милость, — убивать драгоценное время за шахматной доской! — в меру разволновался Васико.

— Значит, шахматы не годятся? — так и не подняв головы, спросил железнодорожник и сам же себе ответил: — Даже простые шашисты объездили весь мир, а вы сидите себе в этом парке... — и вдарил братьям в самое сердце: — благо платить ничего не надо...

«Ну что скажешь о таком, с его черепной коробкой! — с горечью подумал Васико. — Вот таковские-то, с их умишками, и подрывают литературу... Им подавай что-то ошутимое, что-то наличное, дорогие вы мои...»

— Попросил бы вас выразаться повежливее, — одернул железнодорожника Гриша.

— Что я такого особенного сказал, — не пожелал тот отступить. И куда ему было отступить, когда сидел он на скамейке со спинкой. — Разговор зашел о культуре, я вам и высказал свое мнение. Критиковать легко, судари вы мои! С чего вы прицепились к этим драгоценным, будь они трижды неладны, шахматам... Если уж вы такие крепкие ребята, то почему про газету не сказали ничего зазорного? — Подождал. — Сам скажу, — и высоко воздел палец, — потому что в ней есть и хроника культурной жизни, вот почему.

— Отыди, отыди! — взмолился Шалва. Но тот все не унимался.

— Вы слышали, шахматы им не годятся! Ой, горе мне! Выходит, федерация глупее вас. Да если ФИДЕ проведает об этом, с ума сойти! При мне еще ничего, но хоть при других помалкивайте, не то мы, грузины, опозоримся на весь свет. Это-де не культура! Что услышали мои уши, что эти люди мелют, что я должен был выслушивать! — И исчез.

Сказка ведь это, сказка...

Братья вздохнули чуть посвободнее. Но чувство какой-то смутной озадаченности не проходило, и они попытались сами поднять себе настроение:

— Когда приедут эти твои приятельницы?

— Послезавтра, послезавтра, мой Шалва, — оживился Гриша, — мы к тому времени, наверное, станем где-то лагерем, осмотримся немного в той деревне, как следует устроимся, а до этого не стоит их зря мучать.

— Ой, нет, нет, женщину зря не помучишь, — сказал железнодорожник; вы думаете, он не сидел снова на старом месте?! — Это вам боком выйдет... Только гронь ее, она...

— Уж не подосланный ли ты, а? — суровым тоном спросил его Шалва.

— А то как же! — встрепнулся мужчина. — Вы думаете, что только вы одни нужны? — И вкрадчиво добавил: — Вам что, совсем не нужен для вашего дела проходной персонаж?

«Ты посмотри на него, он, оказывается, тоже кое-что кумекает», — чуть не с удовлетворением подумал Васико. А железнодорожник меж тем снова распоясался — ну и что с того, что это сказка, перебарщивать и в сказке тоже ни к чему:

— И хороши собой эти ваши дамочки?

Возмущенный Гриша еще не успел его как следует отбрить, как с другого края скамейки послышалось:

— А почему их дамочки не должны быть хороши, слава богу, сами они ничем не обделены, и не голые, не босые, слава Богу!

Братья с удивлением обернулись: на другом краю скамейки, небрежно закинув ногу на ногу, сидел некто

второй из местных сил: под воротник заправлен носовой платок, одна рука поигрывает пальцами по довольно объемистому брюшку, другая заведена за голову, взгляд устремлен прямо перед собой.

— Мы в окружении! — подумал Гриша.

— Что у тебя за манера — судить обо всем так безоговорочно, — вскинулся железнодорожник, и братья теперь обратили лица к нему, — как будто до сих пор не случалось, чтоб дети достойных родителей имели дело с дурными женщинами?

— Но где ты слыхал про такое все же...

— А эта, Киколина, какова на твой взгляд?

— Да так, ничего плохого.

— Ничего плохого, да? — пристыдил его железнодорожник. — Погляди-ка мне прямо в глаза.

Братья так быстро крутили головами, будто их скамья стояла на теннисных кортах.

— Так возьми и выскажи свое мнение прямо в лицо.

— Ты что, подшутить надо мной собрался, Колиа?

— А к чему? Ты и без того шут...

— Что? Что-оо...

— А то, что мотаешься на своих поездах по белу свету из конца в конец, туда...

Тут Гришу внезапно осенило — выхватив из кармана гребешок, он переломил его надвое и бросил одну половинку в сторону одного, а другую — в сторону второго, так называемого Колии. И какие же вдруг выросли прекрасные горы! Выросли и закрыли собою местные силы...

Отсель не заставляйте меня постоянно повторять, что это сказка...

— А ты хват, Гриша, — одобрил его поступок старший брат, Шалва. — Очень хорошо, что мы сдержались и не вступили с ними в пререкания.

— Ведь мы же договорились, — сказал Гриша таким тоном, будто и в самом деле был хозяином своего слова. — Условились же, что прибережем силы для той деревни, чего же ради было нам связываться с какой-то...

— Швалью! — донесся откуда-то голос железнодорожника.

— Трудный народ, очень трудный, — отметил Шалва, — но дай бог им...

Очень маленький немолодой ослик провез мимо довольно-таки большую тачку, до отказа нагруженную продуктовыми мешками. Как это ни удивительно, никто не погонял: верно, он и без хозяина знал свое дело и свои пути-дороги. По размерам его можно было принять на первый взгляд за осленка, если б не печальные-препечальные глаза, которые ясно говорили о том, сколько томительно длинных, скучных дорог пройдено им в жизни. Но поворот есть поворот, и ослик, свернув за угол, скрылся из глаз.

— Ох, и люблю же я моих ненаглядных паяцев, — с жаром заговорил Шалва, — они были предтечами и основополагателями столь любезной нам комедии дель арте, да и по сию пору в нас еще живег, согревая нам душу, частица их далекой души! Но одно вы должны запомнить раз навсегда и неукоснительно:

— Что...

— Что паяцы были свободны.

— Ты это наверняка знаешь? — нерешительно выразил сомнение Гриша. — Свобода довольно-таки редкая птица...

— Как же это не знаю! — взвился Шалва. — Или зря я перечитал столько литературы? Я все это очень живо себе представляю. Давайте-ка и вы тоже по мере возможности поднапрягитесь и представьте себе Италию одиннадцатого века... Жизнь не только теперь, но и тогда была ключом; яростно колокотала на главной площади — в самом сердце многоцветно-пестрого города, потому что именно здесь шумели большие ярмарки; здесь располагались караван-сарай и тысячи всякого рода мастерских, из которых доносился самый разнообразный перестук, скрежет напильников и шорох пил, треньканье всевозможных колокольчиков; а надо всем этим в воздухе висел густой перезвон колоколов; вокруг бассейна с высокими фонтанами расхаживали горожане, деревенский люд и духовные лица; сельчане, стоя подле своих крытых навесами взов, предлагали прохожим плоды нового урожая и свежие припасы; а тем временем какие-то мужичины с показным равнодушием крутились близ продажного скота; дамы и девушки, с одинаково разгоревшимися лицами, разгля-

дывали привезенные из-за моря украшения и ткани; изящные легкие чаши наполнялись до краев, тяжелея от вина, не знавшего ни малейшей примеси сахара; кругом оглушительно щелкали кастаньеты и трещотки, какой-то неудачливый карманщик из начинающих, явно не в настроении, нахватав, видно, колотушек, освежал лицо холодной водой, а платный глашатай совершенно впустую выкрикивал с напускным воодушевлением какое-то очередное распоряжение высокородных; повсюду царила такая невообразимая кутерьма, с ума сойти, и лишь в одном месте, в тени, собралась довольно большая толпа, и именно оттуда доносились взрывы здорового, искреннего смеха и счастливые выкрики: там перед народом выступал его любимец: вольный бродяга — паяц.

Паяц обычно любил забраться куда-нибудь на возвышение; во-первых, так его было лучше видно... и, во-вторых, каждый художник, думается, где-то в глубине сердца чувствует, достоин ли он высокого места или нет. Приглядев какую-нибудь бочку или надежный ящик, он легко вскакивал на него и принимал грациозную позу человека, свободно владеющего не только словом, но и всем своим подвижным, гибким телом. Его стройную, ладную фигуру тесно облегал кричаще пестрый традиционный костюм, к шапке пучком были приколоты переливающиеся блеском перья заморских птиц, за спиной наискось висела гитара; а на одном плече сидела у него маленькая обезьянка, которая вовсю кривлялась перед народом и строила ему препотешные гримасы. Истинный паяц должен был уметь не только ловко прыгать, кувыркаться и откалывать всякие курбеты, но и обязательно хорошо петь, танцевать и играть на музыкальном инструменте — он ведь в те поры выступал перед публикой совсем один; и, что самое главное, стоя на своей бочке, он мигом откликался, причем лаконично и остро, на любое неожиданно брошенное из толпы слово. Но ведь это был сам талант, так могло ли его затруднить что-либо подобное! Только не всё он веселил народ шутками-прибаутками да хитрыми выходками; нет, под конец, он, бывало, возьмет в руки гитару, привяжет обезьянку к ноге — теперь она на плече ему помеха — и заведет печальную песнь о гибели славного троянского мужа — Гектора.

— Кого-о? Гектора?! — встрепенулся Васико.

— А как же?! Я прочел, что, оказывается, как только один паяц доходил до места, где Гектора должен убить тот человек с особенной пятой, как некий венецианец поспешно совал ему золотой, чтоб он прервал свою песню.

— Это почему же так?

— Почему, Гриша, а чтоб продлить хоть на день жизнь Гектора... Вот вишь как сильно верили слову паяца.

— Ты посмотри, а? И что же дальше...

— А то, что он до тех пор, оказывается, совал паяцу червонцы, пока у него полностью не опустел кошель. Вот так-то, мой Васико...

— И Гектор... умер?

— А вы еще будете твердить, что деньги, мол, ничего не стоят, — втесался в разговор Гриша.

— Неэт, кто говорит... — сказал Шалва и снова обернулся к Василию: — Ты о чем-то спросил меня?

— Да, Гектор, говорю... умер?

— Для того венецианца — да.

— Поди ж ты, какое дело! — чуть не вскричал от восхищения Васико. — Вот это читатель, я понимаю! Ух, золотой мой! — И, не в состоянии скрыть своей радости, добавил: — У него, выходит, был совсем такой же вкус, как у меня, а?! Мой самый любимый из всех героев Гомера — Гектор, потому что хитроумный и изворотливый Одиссей при всей своей отваге всегда готов был при случае к кому надобно подольститься; от подвигов Ахилла я тоже не в большом восторге — помилуйте, почему бы не броситься отважно в гущу боя, если ты твердо знаешь, что, кроме пяты, ты весь абсолютно неуязвим. Скажи мне кто-нибудь вот сейчас: сигани, Васико дорогой, с шестнадцатого этажа, поверь, ты ничем не рискуешь, у тебя и волос с головы не упадет, так плавно ты опустишься на землю, я и спрыгну, а чего мне, если только, конечно, буду знать, что имею дело с человеком слова, и хо-хо каким удалцом я после этого прослыву?! И потом, как можно до такой степени опростоволоситься, чтоб не уберечь ту самую единственную пяту! На что это похоже, правда! Это все ему в наказание за Гектора. К тому же, куда это годится, разобидевшись из-за какой-то бабы, в самый разгар

сражения умыть руки и отлеживаться где-то на боку Троянцам надо было, видите ли, обязательно убит Патрокла, чтоб вновь раздуть в нем боевой пыл. Не ведь не из-за Патрокла же с самого начала шел он в битву?! Нет, ох, нет... Если ты воюешь, дорогой мой, так и войой по-человечески, а не занимайся дележом баб, пусть и отличающихся — каждая в своем роде — необычайными прелестями. А возьмите вы Гектора, — лицо Васико засветилось от умиления, — Гектор даже с законной супругой своей, Андромахой, не мог урвать время повидаться! Если и был кто истинным героем в троянской войне, то это один только, — будь благословенно имя его, — Гектор! Из-за похоти своего легкомысленного братца он постоянно рисковал головой, отражая удары острых, как бритва Котика, мечей Одиссея, Агамемнона.

— А что это еще за Котик... — вяло поинтересовался Гриша.

— Парикмахер один, рядом со мной. Я о том говорю, что вечно подставляя голову под мечи этих чудовищ, он только раз, наконец, выкроил время, чтоб повидаться с женой и детьми, но был настолько выжат, измотан, весь заляпан кровью и грязью, что его, этого статного богатыря-красавца, невозможно было узнать, ибо он перестал походить на человека, так что младенец-сын, которого он подхватил на руки, только глянув на него, разревелся от страха! В какое он после этого должен был прийти настроение... И все это ради кого-то другого.

— По-твоему, брат — это «кто-то»? — удивился Гриша, а потом вдруг ради шутки спросил: — Хорошо, а если бы, например, вот я похитил женщину и из-за этого бы разыгралась страшная перепалка, ты что, не вмешался бы, не помог бы мне, а смотрел бы спокойно со стороны?

— Ты женщину никогда не похитишь, — холодно проговорил Васико; он был обижен, что прервали его восторженные излияния. — Женщины такие дуры, что помани только любую из них пальцем, она и за таким, как ты, сама пойдет.

Теперь уже разобиделся Гриша:

— Что значит, за таким, как я! Как это прикажешь понимать?

— Как хочешь, так и понимай.

У Гриши аж дух занялся от негодования:

— Чего ты нос задираешь, чего кичишься, спрашивается! Ну и что с того, что ты читака? А дальше что! Коли ты напускаешь на себя такой фасон, то что должен делать после этого писатель! Если он тигр, то ты — кошка, кошка!

— Во-первых, никакого фасона я на себя не напускаю, — сверх ожидания спокойно ответил Василий, — во-вторых, писатель писателю рознь, и, в-третьих, хорошие писатели всегда выходцы из числа хороших читателей. И до какого бы крупного тигра писатель ни дорос, все равно скажут, что он из семейства кошачьих, так-то вот... — Приостановился и: — А один из самых знаменитых героев троянской войны — Агамемнон — тоже, мягко говоря, был далеко не без изъяна.

Гриша растерялся, а потом тоже, в свою очередь, надулся, уподобившись Ахиллесу, впадшему в амбицию из-за женщины.

— Душа моя, Васико, — весь так и сиял Шалва, — ты просто создан для одной, самой трудной из четырех главных ролей комедии дель арте. Какой? А вот какой — ученого, или так называемого Доктора — Дотторе. Даю тебе честное слово. Ты тоже должен, подобно ему, смешивать в общую кучу обрывки различных, в основном гуманитарных, знаний и провозглашать во все горло всевозможнейшую чушь, но и для этого надо располагать немалым багажом, чего тебе, слава те, господи, не занимать. Я говорю тебе об этом смело: ты вполне подойдешь; и в тебя я очень верю, мой Григол. Но остановите меня, я и так далеко зашел, а теперь, хорошо, довольно: ведь я обещал вам, что до той деревни не пророню ни слова о нашей будущей деятельности, сегодняшней день скоротаем как-нибудь здесь, а завтра затемно двинемся в путь, так как на рассвете мы уже должны вступить в ту деревню, которая нам приглянется; там мы и раскинем лагерь, а представления будем устраивать в соседней деревне, потому что, поживи малость бок-о-бок со зрителем, так, чтоб он видел, как ты ешь-пьешь да встаешь-ложишься, он привыкнет к тебе, почувствует себя с тобой по-свойски, и после этого грош тебе цена в его глазах, станет он тогда прислушиваться к твоим словам

или верить тебе, особенно в искусстве. Что поделаешь, дорогие мои, так уж устроен человек. А пока что нам надо взять себя в руки, примолкнуть и посидеть тишком-молчком, наслаждаясь прелестью этих исходных для нас рубежей, и попутно — не скажу акклиматизироваться: это не грузинское слово, — освоиться.

...Давайте-ка возьмем теперь мы с вами Грузию, в частности Сачхере, заглянем в тамошний сад, поставим в нем скамейку, усадим на нее всех трех братьев Кержадзе и останемся там ненадолго.

Вот ведь, кажется, условились они на время притихнуть-примолкнуть, да? Но человек, как говорится, рассуждал, а бог посмеивался. В общем, приключилась с ними целая история, и все из-за беспокойного, непоседливого нрава Гриши. Хотя ни один из братьев не отличался особенной рассудительностью, Гриша был все-таки самым чудаковатым из всех троих. Вместе с тем, его невольному преступлению способствовал, как бы нарочно подталкивая его, целый ряд случайностей и непредвиденных обстоятельств. Глянул он ненароком под ноги и — ба! — на земле валяется рогатка. Да не где-нибудь, а прямо тут же, под самым носом. Обрадовался Гриша, вспомнил с трепетом душевным детство и поднял рогатку. Осмотрел — все в порядке. Огляделся по сторонам — пустая консервная банка в парке культуры всегда найдется — и правда, сразу же обнаружил банку из-под шпрот и тут же поставил ее на забор в качестве мишени. По эту сторону красуется пустая банка, по другую — стоит Гриша, а между ними ни реки, ничего — один чистый прозрачный воздух; натянул Гриша рогатку и красиво угодил камешком в мишень. Исполнив свое желание, он сбросил пустую банку — блумп! — за забор. Успех окрылил его, и он, набравшись уверенности, отыскал для себя более трудную мишень — крохотный флакончик из-под пенициллина, — поставил его на забор, натянул рогатку во второй раз и, думаете, не промахнулся? Расстроила его неудача, но Гриша не был бы Гришей, чтоб так просто отказаться от своего намерения, — он все свалил на легковесность камешка и, отобрав подходящий для себя камень, приладил его в соответствующее место, — братья не сводили с него настороженных глаз, — и пустил в цель, изо всей си-

лы натянув рогатку. И — посмейте только сказать, что промахнулся! — не угодил прямехонько камнем в хрустальное стекло двухэтажного особняка какого-то высокопоставленного дэва?!

Вот ведь только один из братьев провинился, да? Но каак все трое улепетывалии! Так, что аж каблуки барабанили по заспанным мешкам. Живо оставив за собой очаровательные сачхерские виды, они стремглав перемахнули перед поспешавшим, подобно черепахе, межрайцентровским автобусом на чиатурскую сторону, лишь изредка боязливо озираясь — не гонится ли за ними ненароком дэв; а дэв тем временем, разумеется, тоже не сидел сложа руки: он натянул на ноги добрые спортивные ботинки, залил в них бензин — в один побольше, в другой — поменьше, так как слегка прихрамывал на одну ногу; сгреб в охалку какие только были штрафные квитанции, а также ордера с правом на самые жесточайшие кары, однако пускаться в погоню не спешил, ибо только-только перед этим плотно позавтракал. Но дэв не был бы дэвом, — не той это породы птица, — чтоб кому-либо что-то прощать, к тому же он был абсолютно прав юридически. С трудом втянув пузо и пригнувшись, он вытащил тщательно запрятанный под кушеткой ковер-самолет, коекак, покряхтывая, выпрямился, и уже готов был, кажется, уступить одолевавшей его лени, когда на глаза ему попало, разбитое стекло, после чего он, заново взъярившись, по-дэвьи тяжело шевельнулся и приоткрыл огромную, до потолка, собранную из крышек красных роялей дверь; но тут его принялся всячески улещивать ангел-хранитель братьев, и хотя этот дэв вовсе не стоил никаких нежностей, тот все-таки постарался его приголубить, обласкать: очень тебе надо, дорогой, пускаться за ними в погоню, оставь ты их, душа моя, пусть себе идут своей дорогой, стоит ли создавать себе беспокойство из-за какого-то одного стекла? Послушайся меня, мой мальчик, брось ты это дело, оно и затрат на бензин не стоит. «Каких денег мне все это обойдется, я и сам хорошо знаю, — подумал дэв, — но я сдеру с них за все десятикратно»; однако сказать-то он сказал совсем другое: нет, но за что мне такое поношение, я до дрожи в теле не терплю несправедливости, ибо сам я неукоснитель-

го справедлив. Но какая уж там справедливость! Злыдень почище любой овчарки и жадина хуже последнего скупца, он схватил в руки дубинку и, чуть не крикнув — давай, пошел! — водрузился на свой ковер. Теперь уж нашим братьям не уйти было от него далеко, и горе бы им, если б, на их счастье, небо вскорости не затянуло темными тучами. Укутавшись в черное покрывало, оно нахмурилось, загремело, загрохотало, покатило взад-вперед свои железные мячи и вдруг рухнуло на землю обвальным ливнем. Раззевался дэв, неохота ему стало болтаться в небе под проливным дождем, — погода настала не очень-то летная, — почесал в затылке; хоть я и усердный служака, но не жертвовать же собой из-за какого-то одного стекла, чтоб черти съели его проклятого хозяина и... всех его близких заодно, подумалось ему довольно путанно, вслух же он произнес: добрая у меня душа, после чего возвратился в свой весьма дорого обставленный — правда, в соответствии с собственным вкусом, — кабинет. Развалился там этот наш грузинский дэв на румынской кушетке и сразу же так захрапел во все носовые завертки, что лежавший у него в изголовье четвертый том книги о Лжерыцаре Вашаломия, составлявшей предмет особой гордости своего владельца, при первом же всхрапе распахнулся на сорок тридцать девятой странице.

Ничего не ведавшие обо всем этом братья сломя голову сбежали вниз по склону, что оказалось не столь уж трудно, ибо этому весьма способствовали всюду налегавшие на плечи увесистые вещмешки; потом перебежали дорогу в задумчивости шагавшему под проливным дождем бедняге Киколи, миновали второй район — известный полезными для промышленности ископаемыми Чиатура — и, на удивление нескольким десяткам там-сям укрывшихся под балконами от дождя чиатурцев, понеслись напрямик к вращающемуся к Навардзети не приведи бог какому крутому подъему и, всюду запыхавшись, одолели его; но подъем не унимался: дальше, на подступах к Навардзети, он набирал еще большую крутизну, к тому же им пришлось изрядно прошлепать по грязи — здесь огромный бронтозавр с хрипом взрывал рылом землю и сыпал ее на дорогу; но разве что могло остановить братьев: не то что там

разглядывать экскаватор, им и на Кацхский столп было недосуг глянуть, даже сам Шалва и то лишь едва скользнул по нем взглядом; дальше, свернув вправо, они пробежали некоторое время по ровному и чуть-чуть отдышались, но не возник вскорости перед ними новый подъем? Однако неустрашимого Шалву было ничем не поразить, и его пример придавал братьям силы. Еще раз набрав в грудь побольше воздуха, они оставили за собой с кряхтением и дрожью тащившийся в гору мокрый автобус, сделали еще один рывок вверх и увидели простенькую, только-только омытую дождем и словно бы покорно их ожидающую, такую приветливую и такую родную с виду деревушку. Это придало им духу, они с ходу влетели, правда, почему-то не в первую же, но во вторую калитку, оставив торопливые следы на молодой мураве, взбежали по лестнице на балкон и всю забарабанили в буковую дверь.

Выглянул хозяин, какой-то невероятно растерянный, с зажатым в правой руке гусиным пером, которое он, видать, не успел отложить. Обе стороны даже позабыли поздороваться друг с другом. Он: Что такое, что случилось? — Они: Скорей! За нами гонится дэв, вы бы не могли нас у себя укрыть?! — Он: Кто? — Они: Да дэв же, дэв! — Он, удивленно: Пожалуйста, заходите, но откуда в наши дни, в последней четверти двадцатого века, взялся дэву? — Шалва: Оо, мы будем это твердить, пока нас всех не сожрут, и только тогда убедимся. Он: Пожалуйста, уважаемые, отдышитесь, отдохните.

Что ж, братья наши остановились посреди комнаты, обвели глазами двери, окна, стены, потолок. Это, казалось, было именно то, что им нужно: простой, деревянный, благословенный старый дом. Хозяин тем временем покончил со своим делом — он собрал в одну кучу какие-то раскиданные по столу исписанные листы, прикрыл их поспешно газетой, подложив под нее и гусиное перо.

Только после этого они вспомнили об обычаях и принятых правилах:

— Здравствуйте, батано, — произнес Шалва, — вы не разрешите нам у вас переночевать?

— Здравствуйте. Но я здесь один и...

— Это очень даже хорошо. Сколькoкомнатная, уважаемый, эта ваша квартира?

— Двухкомнатная.

— Совсем хорошо. Тогда сдайте нам, если можно, одну комнату, мы вас очень просим. А?!

— Для чего мне ваши деньги, уважаемый, но у меня всего одна постель, только для себя, — я здесь временно.

— Об этом не беспокойтесь, мы приехали со своими спальными мешками, с простынями.

— Тогда ради бога, прошу вас.

Шалва грузно поставил на пол вещмешок.

— Пусть наша нога будет счастливой.

— Яхшиол¹... ээ, спасибо.

— Нам пока будет даже слишком просторно, но мы, со своей стороны, ждем двух гостей, и мы поместим их по приезду в комнате, которую вы, по доброте, изволили нам уступить, а сами прекрасно устроимся на балконе.

— Да что вы, не извольте об этом и думать, мы все как-нибудь уместимся.

— Нет, дорогой, это женщины, поскольку комедия должна привлекать глаз своей зрелищностью, кстати, одна из них хорошая канатоходка.

Ничего не поняв, хозяин, однако, протянул из вежливости:

— Аа.

Потом они познакомились друг с другом более основательно, выложив каждый свои данные.

Молвил ястреб ястребице:

— Люба ты мне, голубица... — вы помните?

Фамилия хозяина оказалась Джаши, а звали его Гайозом. Он проводил в деревне свой очередной отпуск.

Отпуска черед настал — он в деревне отдыхал.

5

Миновали одно за другим еще три мирных утра.

Кое-что произошло.

¹ Я х ш и о л — благодарственный возглас.

Прежде всего, к ним приехала лишь одна из двух женщин. Не особый любитель вставать рано, Гриша, тем не менее, не видя иного выхода, соизволил подняться чуть свет и встретил ее на хваленном вокзале райцентра Чиатура, где она и передала ему, по поручению подруги, вот такого неприятного содержания эпистола, написанную не по-гречески: «У меня появилась боянь высоты, на канате мне больше не работать, но, побывав актрисой, я не смогу теперь служить продавщицей или уборщицей; ты все равно бы на мне не женился, поэтому я взяла и вышла замуж за денежного человека, любви нет. К—а».

Оскорбленный в лучших чувствах, Гриша отпустил с миром и вторую женщину: что, мол, тебе здесь делать — жаль тебя. Оставшись один, он, покинутый миджнур,¹ поначалу готов был сокрушить весь мир, но, уже подъезжая в автобусе к Навардзети, безмятежно напевал себе под нос «Мохевку Тину». Ему было немного стыдно перед Шалвой, что он не смог выполнить обещанного, но Шалва: ну и очень, мол, хорошо, нам совсем не нужно искать облегчения за счет женщин. Вот так вот понапрасну заставили тащиться поездом из столицы до райцентра эту вторую, надежную женщину.

Эээто — одно.

А второе то, что по узкой проселочной дороге мимо них частенько слонялся взад-вперед Киколи, только каждый раз в новом обличье. Сидят, допустим, эти наши братья на балконе вместе с Гайозом Джаши, и Шалва рассказывает им, — иллюстрируя кое-что выразительными жестами, — каким был с виду и по характеру один из главных персонажей комедии дель арте — купец Панталоне. Это, оказывается, пожилой вдовый итальянец шестнадцатого века, недалекий, ворчливый, скупердяй, говорит он на венецианском диалекте. Пораженный радикулитом, прихрамывающий, весь какой-то расшатанный, вечно дергающий носом, кашляющий и чихающий. Панталоне, при всем том большой женолюб, постоянно волочащийся за изабеллами, коломбинами и джеральдинами и еще не отказавшийся от намерения снова жениться. Надутый

¹ Миджнур — влюбленный.

спесью, заносчивый, он, однако, вечно оставался в дураках, в основном из-за того, что, пылкий поклонник прекрасного пола, сам отнюдь не пользовался вниманием у женщин. Если же он все-таки пытался добиться своего, то неизбежно попадал в лапы хитрым и ловким слугам, которые всю его облапошивали и под конец все равно оставляли с носом. Но Панталоне не подавал виду и разыгрывал из себя беспечного жуира; ходил он в красном шелковом камзоле и в красном же колпаке на голове, кривые ноги его были засунуты в мягкие туфли с пышными бантами, а на плечи с мнимой лихостью была наброшена черная накидка... Шалико вот так вот рассказывает, его слушают, а глядь — кто это там маячит?

И видят они, бредет по узкому проселку Киколи, понурый, печальный-препечальный. Преградят ему, как добрые разбойники, эти наши братья путь и: что случилось, Киколи, чего ты так закручинился? А он, глядя в землю: — те времена были получше. — Какие де времена? — спрашивают его эти, наши. — Да вот, мол, был как-то год, пришла к нам в деревню голодуха: ни хлеб не уродился, ни лоза не принесла ни виноградинки, а деревья — так те даже и не цвели. — Так что же в том было хорошего? — Теперь объясняй — что! Да то, что тогда люди жалели друг друга. А теперь что? Теперь все мы друг другу завидуем, — сказал так Киколи и продолжил свое печальное шествие по проселку, оставив братьев в глубокой задумчивости.

Но Шалву не так-то просто было остановить. Дальше он пошел рассказывать еще об одном персонаже комедии дель арте — ученом правоведе Докторе Грациано. Доктор, разумеется, был болонцем, ибо как раз в Болонье располагался древнейший на всю Европу университет, и тамошние юристы обрели всемирную известность в силу того, что сумели ловко подогнать древнеримское законодательство под требования средневековья. Однако впоследствии, как это вообще бывает, время и обстоятельства изменились, эти прославленные некогда законоведы постепенно утратили связи с жизнью и, за бесполезностью, остались не у дел, так что до шестнадцатого века дожила лишь блеклая тень их былой славы, чего не скажешь о чувстве соб-

ственного достоинства, которое они сохранили за собой сполна, приняв перед народом позу мудрецов и мыслителей. И народ терпел их, — да и чего только не стерпит народ, — хотя исподтишка и посмеивался над ними, так как, оставшись ни при чем, эти ученые доктора то и дело выплескивали на головы людей уйму всяческих благоглупостей; не прочь они были и как следует заложить за воротник; а поскольку им было известно множество всяких вещей, то они и изрекали, не закрывая рта, свою неупорядоченную премудрость. Шагает, скажем, болонский доктор по Венеции и вещает громогласно на болонском наречии, выявляя следующие свои познания: «Флоренция — столица Тосканы, Тоскана же — колыбель ораторского искусства, королем которого был Цицерон, сенаторствовавший в Риме; в Риме было двенадцать кесарей, по числу месяцев в году; год же, со своей стороны, делится на четыре, что соответствует четырем стихиям природы, как то: воздух, вода, огонь и земля, которую пашут с помощью быков; у быков имеется бычья шкура, из которой тачают обувь, которую мы обуваем на ноги; ноги нужны нам, чтобы ходить; я вот, идучи, споткнулся и пришел сюда, чтобы приветствовать вас — здравствуйте».

Э-ге-ге-гей, Грациано... Доктор, оказывается, дружил лишь с одним человеком, если только это можно назвать дружбой; они с Панталоне вроде бы помогали друг другу в амурных делах, на деле же исподтишка морочили друг друга и обводили вокруг пальца. Но чаще всего, по милости своих же собственных слуг. в конце концов оба оставались в дураках. Однако Доктор Грациано, продолжая при всех случаях хранить собственное достоинство, неизменно вышагивал по мощным улицам с высоко задранном носом, как всегда, в черном сюртуке, черных высоких ботфортах, черных же панталонах и в нахлобученной на голову огромной, чернее сажи, шляпе; но более всего он кичился своей дегтярного цвета мантией ученого. Еще только-только кем-то надутый, потерпевший фиаско в амурных делах, он с горделивым видом заходил куда-нибудь опрокинуть два-три стакана вина, после чего пускался в высокопарные разглагольствования: «Если бы не Геркулес, чушь, Трюю бы так ни за что и не взяли; де-

ревянноконные магараджи возвели бы в Трое пирамиды Хеопса; султаном сидел там у них кесарь, а когда того кесаря беспощадно прикончили, последними его словами были: «И ты, Тесей?!» Рассказывает Шалва братьям и Гайозу Джаши все эти вещи, а они чуть глянули в сторону и что же видят? Видят, бредет по узкому проселку бедолага Киколи и плачет со всхлипом, несчастный, льет и льет горючие слезы, да нет, вконец обессиленный слезами и горем, вяло бьет себя руками по лицу. Преградили эти наши братья ему дорогу: что-де случилось, горемыка, что с тобой стряслось? — Да уж хуже и быть ничего не может, я было совсем голову потерял. — А что же это тогда у тебя, сын благословенных родителей, на плечах? — Это одна только оправа. — Пожалели его братья, погладили по «оправе» рукой: поплачь, мол, поплачь, бездельный, может, хоть полегчает на сердце. А Киколи и впрямь стоит и плачет. Дрогнули у этих наших добрых братьев сердца, и покатались у них из глаз жемчужинами слезы: — Иди, иди, Киколи, пустись снова в свой путь-дорогу, может, еще и встретишь свою судьбу. — Ой ли! — Утер бедовик кулаками слезы и зашагал вниз по склону.

А Гайоз Джаши, улучив минуту, стоял в это время на балконе с высоко задранной головой и сравнивал меж собой сладкозвучные слова. Но вскоре ему опять пришлось сесть: продолжив свой рассказ, Шалва теперь восторженно говорил о роли слуг — этой главной движущей пружины, души и сердца каждой комедии дель арте. На этих двух выходцев из деревни, — в частности, из провинции Бергамо, — приехавших в город на заработки, венецианцы, исполненные к ним глубокого презрения, смотрели свысока, считая, как все горожане, что если мужик глуп, то это уж окончательный болван, если же он умен, то непременно воришка, плут и пройдоха. «Пусть это останется между нами, — понизив голос до шепота, прервал его добряк Гриша, — но в общем это, пожалуй, и правда так... Стало быть, и тогда...» А Шалва уже пошел дальше: «Но удивительнее всего то, — говорил он, — что эти спустившиеся с гор бергамцы отличаются на поверку исключительной живостью ума и находчивостью, чего отнюдь нельзя сказать о жителях равнин, которые выглядят рядом с

ними полнейшими простофилями, а между тем, во многих других странах это совсем наоборот, хм. — И вдруг, расплывшись в широкой улыбке, объявил: — Один из этих двух слуг звался, оказывается, Бригеллой. Матерый хищник, предприимчивый, ловкий, пронырливый, Бригелла в любую минуту ощущает себя как главнокомандующий на боевом аванпосту. Он считает, что ничто не должно происходить без него; он всюду сует свой нос и беспрестанно треплет длинным, хорошо подвешенным языком, объясняя свою чрезмерную болтливость тем, что отец его был немым и ему завещал свои неиспользованные возможности. Он всегда готов признать свою вину и принимает любую вздрючку со смиренным и покаянным видом, но он никогда ни о чем не забывает, и нет случая, чтоб ему не удалось так или иначе отомстить. Лучше Бригеллы никому бы не удалось распустить любую сплетню, поднять невероятнейший переполох, развести страшную сумятицу. С хозяином он — первейший обманщик, с женщинами — балагур и пустобрех, со стариками — наглец. А что касается храбрости, то, как говорится, он молодец на овец, а на молодца и сам овца. Перед человеком, в котором он чувствует силу, Бригелла стелется ковром и навязывает ему любые услуги. Голова у него набита всевозможными хитрыми проделками, он не верит ни в бога, ни в черта и, конечно же, любит золото, вино, женщин; ко всему тому он, негодяй, большой мастер брэнчать на гитаре. Самое разлюбозное для него занятие — это пошататься по ярмарке. В белых брюках и в сорочке из домотканого полотна, с болтающимся у пояса кисетом, он слоняется туда-сюда, заводит, независимо от товара, разговоры с каждым продавцом, болтает, дурачится с ними, сыплет шутками-прибаутками, исподволь все больше подтрунивая над своим собеседником; по-базарному хохочет, вольничает, но на всякий случай постоянно таскает за собой преглуповатого Арлекина, чтоб в случае чего, — если разыграется какой угрожающий переполох, — сразу вместо себя подсунуть его, беднягу, в самую гущу сумятицы или даже потасовки, а самому незаметно отойти в сторонку. И уж как он оттуда, издали, насмеется-нахохочется, этот паршивец. Ненавистнее всего ему скука, и если нечем себя занять и хоть как-то

позабавиться, он находит где-нибудь доктора и начинает с притворным интересом расспрашивать его о тайнах природы или сокровенной сути вещей, а когда тот придя в экстаз, пускается в напыщенное красноречие, приляжет себе на бочок и только исподтишка похихикивает. Прислуживая Панталоне, он то спрячет от него колпак, то запихнет куда-то очки, то опрыскает водою постель, то подсыпет перцу в печенье. Короче, такого слугу и заклятому врагу не пожелаешь.

Гайоз Джаши, причастный к совсем иным сферам, смотрит на улыбающихся братьев с открытым ртом, — что они нашли во всем этом смешного! — и, чтоб преодолеть свою растерянность, обращается памятью к словам, кованым, как халибская сталь, тихо, но твердо повторяя про себя:

Молвил ястреб ястребице:

— Люба ты мне, голубица...

— победоносно взглядывая нет-нет на братьев. На сей раз растеряны они, теперь они глядят куда-то с широко раскрытыми ртами; Гайоз Джаши прослеживает взглядом, на что это они так уставились вытаращенными глазами, и что же видят все четверо: вышагивает этот наш давешний жалкий Киколи по самой середке сельской дороги, важный-преважный, надутый, напыженный, со знаками различия на плечах, и так уж он надменно-горделив, что к нему и не подступись. Только что наряд на нем какой-то странный: поверх чохы с архалуком накинута европейский фрак, как он там называется, на голове — лоснящийся, поблескивающий на солнце цилиндр, пальцы унизаны сверкающими, как звезды полдня, перстнями, в карманах при каждом шаге позвякивает золото, в руках — украшенная жемчугами трость, которая вроде бы ему без надобности — он не хромает и ничего такого; на ноги натянуты мягкие азиатские сапоги, под поясом колышется жирное брюхо, на грудь ниспадает двойной подбородок; следом за ним поспешают проворные слуги, несут мебель, серебро, скатерть-самобранку, дачу, хрусталь, еще и еще что-то, гонят скот; поглядел Киколи на этих наших братьев и как будто бы при-

нал их, потому что чуть заметно вскинул-опустил сросшиеся брови, — а, впрочем, может, он этим подал какой-то особый знак, ибо шустрые слуги тотчас же поднесли ему золотой потир с чем-то белым. — Что это? — спрашивает Киколи. — А это-де птичье молоко, великий господин. Отпил глоток Киколи, глянул вверх, повел глазами в одну, в другую сторону: да ничего, мол, нет в нем такого особенного, оказывается, дребедень какая-то, зря только расхваливают. А потом тут же: устал я. Подвели ему пегую, точно смесь разносортной икры, лошадь и принялись подсаживать его в седло, да уж до того засуетились, до того перестарались, что Киколи возьми да и плюхнись наземь по ту сторону коня. Пыль поднялась... аж свет застило. А когда пыль улеглась, приподнял Киколи голову, но уж без цилиндра — свалился цилиндр — и давай костить вдоль и поперек: бууу-бу-бу, такие вы, разэдакие, да и хуже таких-разэдаких, кроет, материт направо и налево, хорошо хоть голос хриплый, зато глазами сверкает — ууу! — громы-молнии мечет да и только. Засуетились вокруг него слуги-прислужники, подняли всего вывалявшегося в пыли-грязи, почистили спину и пониже павлиньими перьями, привели в изначальное состояние фрак, до блеска начистили цилиндр, посадили вновь на пегую лошадь и двинулись за ним следом под гору.

Только один слуга остался сидеть с каким-то вроде бы горестно-отчужденным видом у края проселка, держа в руке плетку. Очень уж он казался чем-то опечаленным.

Подошли к нему братья.

— С чего это ты так пригорюнился?! — поинтересовался склонный любопытствовать Гриша.

— Люблю, — сказал тот, и не вспомнив про плетку.

— Кого любишь?

— Мохевку Тину.

Братья смерили его взглядом с головы до ног.

— Очень любишь?

— Да-ах!

— А она любит тебя?

— А откуда мне знать.

Правдолюб Гриша усомнился:

— Кабы ты сильно любил, то отводил бы душу в слезах и стенаниях.

— А чего мне плакать-то — пренебрежительно поглядел на них тот снизу вверх, — я же вам не Тариэл.

— А как звать тебя?

— Авто¹.

Братья заново к нему пригляделись.

«Может, я и вправду утопист, — подумал, маясь душою, Васико. — Как покинул четыре стены, так даже в беседу вмешаться не могу».

— Эх-ма, нет больше любви, — на словах опечалился Гриша. — Эх-ма, не плачут больше из-за любви.

— Как так нет, — всполошился пригорюнившийся и распахнул грудь, — а это тогда что такое?

На сердце снаружи было написано — «Тина».

— Это ты натворил зря, право слово, зря, — нахмурился Гриша. — Я, брат, чувствую по всему, что не так уж и любишь ты эту женщину. Может статья, ты какую-нибудь другую возьмешь в жены, допустим, Ахметскую невесту, или очень хорошо знавшую дорогу к роднику Тэбронэ, или привезенную через Каркучи прекрасноволосую Маико², что «не перестает сверкать черными глазами», — и вот тогда эта татуировка будет постоянно наводить твою жену на подозрения, и будет тебе от того вечная доука.

— Нашлись тоже... Лучше своими делами займись, — сказал сомнительный влюбленный и застегнул пуговицы.

— Уй, правда, наше дело! — засуетился Шалва. — К балко-ону... шагом...

На балконе они застали Гайоза Джаши; Гайоз Джаши глухо безмолвствовал: его ведь оторвали от дела, а Шалва тем часом рассказывал, что Арлекин — не дурак и не хам, не разиня и не растяпа, не потешный придурок и даже, представьте, не простофиля, а все это вместе взятое, — он просто чистейшая бестолочь, олух царя небесного. Он, конечно же, не блистал ни умом, ни сообразительностью и ловкостью, но

¹ Авто — сокращенное от Автандил.

² Перечисленные Гришей женщины, включая и упоминающуюся ранее мохевку Тину, — персонажи популярных песен.

зрители все же очень его любили за беспечную веселость и простодушие. Истое дитя по натуре, он вечно было влюблен в какую-нибудь Коломбину и, будучи словно не от мира сего, постоянно витал в облаках. В отличие от Бригеллы, Арлекин никогда заранее ничего не планировал, при надобности сделать первый шаг, он делал сразу четвертый и, конечно же, во всех своих смелых затеях терпел крах. да еще при этом и удивлялся: ведь он так прекрасно сделал первые шаги... в мечтах... в воображении... Действительность — вот что было для Арлекина первейшим врагом. Не умея ничего загодя взвесить и прикинуть, он прямо — трах, и поше-ол, а потому и оказывался под конец битым, да еще как битым. Однако его беспомощность каким-то непонятным образом таила в себе удивительное очарование. Плохой слушатель, вечно занятый самим собой, он не умел извлечь решительно никакой пользы из всего того, что никогда бы не ускользнуло от внимания Бригеллы; он не искал ни в чем прибыли или выгоды, не умел дурачить людей и вымогать, — все это ему было совершенно чуждо, зато он умел быть во всем безупречно верным и преданным: он хотел служить лишь одному господину, жаждал иметь единственную царицу сердца, хотя и менял частенько в мечтах этих своих цариц, но только потому, что его самого отвергали, а помечтать-то ведь никому не заказано. Доверчивый добряк, никогда и в мыслях не имевший кого-то обмануть, шалопай и лодырь Арлекин послушно ходил на поводу у Бригеллы, которому стоило какой-нибудь нехитрой лжи, чтоб избитый накануне Арлекин вновь всем сердцем к нему расположился; идучи пошататься по ярмарке, Бригелла вечно тянул за собой Арлекина, однако вечером они возвращались разными дорогами; Бригелла — с потяжелевшим кисетом, Арлекин — с окруженными синевою глазами. Грустный и печальный, присаживался он на лестнице в доме Панталоне или Доктора и вдруг — дитя, истинное дитя, — уже совершенно счастливый, принимался весело, от всего сердца хохотать над самим собой. И как же любил его зритель... Для Арлекина весь мир подернут, окутан чем-то розоватым и голубоватым, и он, хоть и попростецки, непоколебимо верит в добро и правду, но

бывало, темными ночами, в бессонницу, присядет он где-нибудь на холодный камень и, если в тот день его била особенно тяжелая рука, призадумается, ^{21 вер}но, взгрустнувши: почему так странно устроен этот мир? Ведь он, Арлекин, всегда желал людям добра, а они его били-колотили; ведь он так сильно любил, что ничего не жалел для своей любимой, но она лишь смеялась над ним... Почему же это все так уж чересчур... И что это за штука такая — посаженная на плечи человеческая голова, в чем секрет того различия, что некоторые, благодаря своей голове, живут себе припеваючи, ни в чем не зная отказа, тогда как он, Арлекин, частенько мечтает о корке хлеба и луковичке... Или почему это так происходит, что...

Рассказывает обо всем этом Шалва, и тут вдруг что они видят:

плетется по дороге этот наш незадачливый Киколи, от былого величия не осталось и следа, вместо свиты за ним следует только лай собак, голое тело кое-как прикрыто дерюжным мешком, и не то что золота, серебра и жемчуга, ломаного гроша у него, верно, в кармане не сыщется, да и откуда бы на мешке быть карманам; и уж такой он жалкий с виду, дрожит, ежится от холода, весь подавленный; на одной ноге ботинок, на другой — калоша, на голове заместо шапки — птичье гнездо. — Что случилось, Киколи, что с тобой стряслось, бедняга? — Они. — Ээх, — вздыхает он. — Как же это, в чем же ты просчитался? — Они. — Эээх, эх, — говорит он, — не сумел я рассчитать, а дэв возьми да и отними у меня все. — Оглядели они его со всех сторон и так, и сяк. — Не голоден ли ты? — спрашивают. — Голоден, да еще как! Вынесли ему хлеб, вино, яйца, соль. Большое, говорит, спасибо, и ушел.

Проводили они его с печалью во взглядах, но тут же и забыли о нем, когда Шалва снова вернулся к характеристике — на сей раз второстепенных — героев комедии дель арте. Это были: Коломбина — веселая и простосердечная служанка, чье имя произошло от голубя; разновидность слуг — Ковиело, Пульчинелла, Труфальдино и препотешный Капитан Спавенто, что означает Капитан-гроза, Капитан, наводящий ужас. Звался он еще и по-другому — Матаморосом, то есть

истребителем мавров; сам же Капитан величал себя «Огнем и кровью» и считал прародителями своими землетрясение и молнию. Этот далекий предтеча Тартарена из Тараскона, лихо подбоченившись одной рукой, а другой подкручивая ус, нарочито баяя, рассказывал, что, коль скоро на земле не нашлось такого медведя, с которым бы ему, свирепейшему и неодолимому Капитану СпаVENTO, не унизительно было вступать в единоборство, то он и поднимался на седьмое небо, где успешно охотился на состоящую из семи звезд Большую Медведицу. А когда-де, слетевши обратно на Землю и оказавшись в самом сердце Константинополя, он горделиво открывал великому султану свое широко прославленное имя, великий султан мигом соскакивал со своего прекрасного коня и бросался лобызать ему, Капитану, ноги; то же самое проделывала и целая гурьба способных и на худое и на хорошее главных визирей, а все воинство себялюбивых янычар молило его, чуть не вывихнув поясницы, навсегда остаться в Константинополе, но Капитан задерживался там лишь до тех пор, пока не познавал на убранном парчой и шелками ложе любовь всех четырехсот жен великого султана, и лишь после этого возвращался в Венецию. В комедии вы всегда бы встретились с влюбленной парой — сыном Панталоне Орацио, и дочерью Доктора Изабеллой. Однако купец Панталоне желал бы женить сына на более богатой девушке, с большим приданым, и поэтому создавал сыну уйму всевозможных препятствий. Бедные влюбленные! Но разве же не было у них под боком Бригеллы? А самому Панталоне была очень по вкусу юная, рано осиротевшая Фламиния, к которой он и близко никого не подпускал, якобы из опекунского рвения, а на деле втайне рассчитывая самому на ней жениться. Но сердце Фламинии с трепетом устремлялось сквозь узкую прорезь окна к Капитану СпаVENTO, ибо она и минуты не сомневалась в героических подвигах устрашителя мавров. И что зоркий глаз Панталоне, когда рядом все тот же Бригелла. В это же время Арлекин всем сердцем вздыхал по Оливете и, глядя ногами снизу вверх на луну, лил столь обильные слезы, будто бы это была не луна, а солнце...

Шалва все рассказывает и рассказывает, как вдруг

до них доносятся чьи-то охи, стоны, что-то грохает, ухает, земля дрожит. В страхе спустились осторожно все четверо вниз по лестнице и, затаив дыхание, беззвучно приникли к стене; глядят и что же видят: забастал трехголовый дэв этого нашего Киколи и за что-то ради чего-то и почему-то мнет, тискает его своими лапищами так, что аж кости трещат у бедняги. Потом надоедает ему напрасно трудиться: Киколи-то уже валяется кулем, будто опоенный маком, — поглядит-поглядит он на него да и развалится сам и захрапит во все лопатки, а этот Киколи полежит-полежит мертвец мертвцом, ан глядь, будто тихо-тихо цвет лица к нему возвращается; оклемается он чуток, обмажется бальзамом врачевателей Турманидзе, наложит на ушибы и переломы пелены Карсанидзе и Георгадзе, омочит рот вином и, набравшись силенок, врежет похрапывающему дэву увесистую затрещину в самое рыло. Вскочит озленный дэв, схватит в охапку этого нашего Киколи и ну его снова тискать да мять, а то так потянет за уши, что они соединятся на самой макушке, или так щелкнет по лбу, что у Киколи аж искры из глаз, или еще подбросит в воздух да не поймает; потом снова сграбастает, швырнет в яму и засыплет его разлохмаченную башку землей, а сам снова бухнется наземь и захрапит. Очухается понемногу Киколи, обмажется бальзамом, наложит на переломы пелены, встрепнется, подобно птице, пройдетя взад-вперед по своей яме, найдет кувшин с вином, пригубит — и уж смотришь, приосанился, затянул ари-арале. Оглядится потом Киколи в яме — она-то ведь была немалая, — пройдетя туда-сюда, подойдет к свинье, вороне, квочке, мыши, кошке, что-то захлопочет, завозится старательно, попыхтит-попыхтит, вырвет под конец у свиньи щетинку, совет веревку, приторочит к ней крючок, подбросит вверх, а как крючок зацепится, взберется по веревке вверх; увидит, что дэв дрыхнет, и думаете, не кинется на него снова, не развернется да не звезда-нет его опять со всего маху по чем попало? Выпучит глаза дэв...¹ А Шалва уже вел рассказ о том, что комедия дель арте во многом послужила таким великим

¹ Перипетии стычки человека с дэвом — популярный мотив грузинской народной сказки.

творцам, каковыми были... и с просиявшим лицом назвал первыми художников — Калло и Ватто; затем — Чимарозу, Моцарта, Россини; но тут восторженный Гриша, настройщик пианино, перебил его, чуть не в голос крича, что это они, благословенные, создали нам на радость такие расчудесные оперы, как «Свадьба Фигаро», «Севильский цирюльник»... и что изображенные в них слуги как две капли воды схожи с Бригеллой, а опекуны — с Панталоне, судя по чему, сомнения быть не может, что они и в самом деле вышли из комедии дель арте. А тут уж Васико, любитель литературы и вообще человек знающий, перебил его и стал, с озаренным радостью лицом, называть одного за другим и шекспировских слуг с их вольной, обильно насыщенной хитрыми намеками и подчас довольно двусмысленной речью, упомянув следом Гольдони, Лопе де Вега, Доде, Распе; он бы, верно, перечислил и еще многих, если бы словом вновь не завладел Шалва, и о-хо-хо что он им поведал: итальянская, говорит, комедия обошла множество европейских стран, и примечательно, что у Капитана СпаVENTO был слуга, который наподобие еще не родившемуся Санчо Пансе, покорно сносил не раз и не два завиральные речи своего хозяина, и кто знает, может, и Санчо тоже коснулся хотя бы слабый ветерок грубовато-лукавой мудрости слуг комедии дель арте. Пораженные столь смелой мыслью, все было с перепугу примолкли, а потом вдруг единогласно заключили, что им необходимо полностью использовать эти два дня для непрерывной, усиленной тренировки разума и тела, чтоб постановка разновидностей комедии дель арте получилась у них здесь, в Верхней Имерети, по-настоящему убедительной, и что для них, для братьев Кежерадзе, через каких-нибудь три считанных дня, наступит расцвет главного утра мира...

6

И вот то главное утро мира наступило... Трое из четверых пребывали в страшном возбуждении, и только один Шалва сидел в глубокой задумчивости, нет-нет исподтишка устремляясь взглядом в направлении той деревни, куда они должны были подняться...

ся под вечер, чтоб там, в скальной пещере, под названием Хергула, дать свое первое комическое представление. Гайоз Джаши чем дальше, уже и волноваться был не в силах, будучи весь, до основания, потрясен: как это он, тайный, замаскированный поэт, предстанет перед людьми с громкими речами, и что он может им сказать при своей полнейшей неопытности... Особенно сильно переживал Василий, ибо, по его глубокому убеждению, сегодня, именно сегодня, должно было быть доказано, утопист ли он на самом деле или... Но все-таки сильнее всех волновался и тревожился Гриша, он просто места себе не находил, мечась как зверь в клетке. Но, как оказалось, предмет его тревог были вовсе не комедия, как таковая, а нечто совсем другое, потому что сразу после обеда он, не в состоянии больше сдерживать себя, сказал:

— Не отыскал бы нас и здесь этот проклятый.

— Какой еще проклятый... — весь передернулся Гайоз Джаши.

— Ты еще его не знаешь... Это тот самый тип, что про нас написал.

— Что...

— Что написал? Какую-то чушь собачью...

— В виде поэмы?

— Какая там поэма... Для поэмы, дорогой ты мой, требуется мастерство, это не так-то просто. Ну разве этому нашему под силу сочинить Джона Грея?.. Он же ведь так — шалай-валяй. Безответственный тип, говорю же я.

Гайоз Джаши снова ушел в себя, а Гриша вновь выразил свое опасение:

— Если он и здесь до нас доберется, я за себя не ручаюсь. Живого места на нем не оставлю! В клочья разорву!

— Не бойся, мой Гриша, — обнадежил его Шалва, — ну как ему сыскать нас — мы же из сказки... ?

— А разве сказка не принадлежит прозе?! — вяло усомнился Васико.

— А тебе-то что за забота! — разозлился Гриша. — Тебя он вывел чересчур образованным и весьма остроумным, а вот я ему чем помешал, что он завертел-закружил меня в гуще каких-то болванов! Захотелось

потешить досужих бездельников? Или смешнее нас никого не нашлось!

— Нет, просто это один из литературных приемов, — попытался Васиکو успокоить Гришу, — к тому же весьма древний. Давным-давно в Греции киликийские писатели облекали свои не очень веселые замыслы в легкое сказочное одеяние, чтоб тем легче довести их до читателя.

— Что-о? В сказочное одеяние?! Получается, что он и здесь нас настигнет. Так?

— Успокойся, будет тебе...

— Успокаивай лучше сам себя, — рассердился теперь уже и Гриша на старшего брата. — Не воображай, что с тобой самим все обстоит так уж хорошо, не бойся, и тебя тоже он вывел изрядным пустобрехом. А ты давай побольше за него заступайся! Так тебе и надо, даруй бог силы его рукам!

— При чем тут руки, он же не дровосек! Тебе следовало сказать об одной руке — пишут-то, слава богу, не обеими руками, — сорвался и Васиکو.

— Да пропади они пропадом, и его руки, и голова в придачу, чего он только к нам привязался, звали мы его, что ли?

— А нас к себе звал этот человек? — кивнул Шалва в сторону Гайоза Джаши. — Однако он нас принял. Гриша примолк, что же до самого Гайоза Джаши, то он сидел погруженный в себя и ничего не слышал.

Затем Гриша снова взялся за свое:

— Мы к этому человеку сами пришли, а тому что за дело было до нас?

— Может, и к тому мы тоже сами пришли, что же ему оставалось, мой Гриша...

Ну-у, тут уж Гриша окончательно вышел из себя...

— пришли к нему! — раскричался он бессвязно. — Не пианино ли настраивать, а?! Безответственная он личность и ничего больше... Я его видел как-то в Сололаки антитрезвым!.. Ишь, мастер слова выискался! Ничего, он уже получил свое. Много он знает, где я в поезде проснулся? Выше кандидата ему все равно не подняться... Подумаешь, ростом взял... Велика, как говорится, фигура!.. То ли дело маленькие, да удаленькие профессора...

Была пятница.

— Хорошо, уймись, — повысил голос непоколебимый Шалва, — сегодня займемся только нашим делом.

— Да, но ты уверен, что народ, правда, придет?
— Гришу внезапно как подменили.

— А как же... У меня есть один знакомый в той деревне, Северионэ, хороший человек, между прочим, очень даже хороший, я знаю, он соберет народ.

И действительно, люди собрались, да еще как собрались... По пологому склону шли и шли к скальной пещере давиды, бесарионы, шалвы, георгии-жоры, саши, симоники, константины, миши, вахтанги, гиви, фирузы и маргалиты, кетэваны, русуданы, верико, тины, вали, маквалы, дареджаны; продираясь сквозь колочки, пробивали они себе грудью дорогу; потом пройдут немного по открытому месту и приступают к подъему, ведущему к скальной двухъярусной, или, так сказать, двухтеррасной, пещере Хергула. Только верхнего яруса им, простите, не было видно — он скрывался за синим переливчатым занавесом, натянутым от края до края. А по самой середке стоял перед занавесом брат — предводитель — Шалва, встречавший людей вежливыми «пожалуйста, пожалуйста, мол, дорогие», «всех милости просим». Кто из них не бывал в этой хергульской пещере, но сейчас, в сумерки, при неярком свете факелов, все воспринималось как-то по-новому, по-особому, а если еще к тому же учесть, что когда-то давным-давно, очень много времени тому назад, эта высеченная в скале пещера была обиталищем первобытного человека — археологи обнаружили здесь кремниевые орудия той поры и множество звериных костей, что оведало эти места серой дымкой таинственности, — то ко всему этому еще следует присовокупить столь присущее нам всем: «Ах, это представление непременно надо посмотреть!» — ведь кто из грузин не любит представлений, да что еще у нас есть, кроме представлений! Вот и стремились сюда все наперебой, быстро заполняя собою нижний ярус; один человек даже, боясь опоздать, так и явился впопыхах с поля, не успев сменить га-лоши, и рядом с ним весьма странное зрелище представляла собой наевшая телеса бухгалтерша, выря-

дившаяся в туфли на высоких каблуках; они были двоюродные брат и сестра...

Поначалу все скромно стояли молчком, потом, по мере нарастания ожидания, задвигались, заговорили — один попросил у другого табачку; почему не поднялся вечером ко мне? — крикнул третий седьмому; здесь порасспросили друг друга о делах-здоровье; там восемнадцатый поинтересовался у кого-то: не видел, мальчик не погнал моих индюшат домой? — и, чтоб все это не переросло в общий галдеж — тем более, что, как считал Шалва, все, кто собирался идти, уже пришли, — он, выждав минуту относительного затишья, вскинул вверх ладонь:

— Премногоуважаемые верхнеимеретинцы!

Воцарилась глубокая, пещерная тишина, прибавившая цену факелам.

— Здравствуйте, — продолжил Шалва.

— Здравствуйте, батано... Приветствуем вас и желаем здравия и успехов.

— И мы тоже именно для этого поднялись сюда, так как Верхняя Имерети, по моему глубокому убеждению, более всего Грузия, наша Грузия! — при этих словах он горделиво вскинул голову, — поскольку как раз именно здесь, на этой земле, продолжающей Картли, замечательно слились друг с другом восток наш и запад... Я говорил уже о том, что мы, три брата и уважаемый Гайоз Джаши, решили именно вам показать ту комедию, которая ставилась еще до рождения ваших предков, да и еще раньше, ставится она и сейчас в целом ряде дальних стран, а чем мы, близживущие грузины, хуже других, чтоб и нам тоже не отведать этого плода...

— Да поможет вам бог! — от всего сердца воскликнул один из бесарионов.

— Не прерывай...

— Наоборот, наоборот, мой Северионэ, — озарилось лицо у Шалвы, — каждый из вас, только пожелай, в любой момент может включиться в комедию или поправить нас, если что кому не понравится, это будет совершенно свободное представление... и посмеяться от души вам тоже никто не запретит, мы ведь не враги; но одно вы должны нам простить — так как в этом представлении около десяти действую-

щих лиц, а нас всего четверо, то иногда одному цело-
веку придется исполнять целых три роли и...

— Ну и что же!

— Так разрешаете? — обрадовался Шалва. — Очень хорошо, тем более что маски и одежду мы будем менять, и вам будет нетрудно разобраться, кто из нас кто. Все артисты у нас мужчины, так что некоторым из нас, господа, — улыбнулся Шалва народу, — придется играть и женщин. Ведь вы поверите нам?

— Поверить-то поверим, батона, но, — возразил после недолгого молчания один из датико, — но каково это вам самим?

Шалва от всей души расхохотался:

— Вот это здорово! — воскликнул он, очень довольный, — именно так вы и должны подключаться, — и поднял повыше правую руку: — Нуу, начали!

Ого, в расчудесной пещере начиналось представление комедии дель арте..

Занавес открылся!

...На верхнем уступе пещеры стоял, спрятав лицо под маской с багрово-красным носом и кутаясь в черный плащ, Василий Кежерадзе. Остальных пока не было видно, ибо они стояли за не до конца отдернутым занавесом, куда устремился и Шалва; у ног их были разложены самые разнообразные вещи и одежда.

Васико стоял на виду у всех, не в состоянии произнести от волнения ни слова.

— Давай, Васико, давай, дорогой, — приглушенным голосом крикнул ему Шалва, — давай начинай, брат Василий! Раз, два и три..

И Васико начал:

— Я болонский доктор Грациано, а Флоренция — столица Тосканы; Тоскана — колыбель ораторского искусства, королем которого был Цицерон, сенаторствовавший в Риме; в Риме было двенадцать касарей, столько же, сколько месяцев в году, год же, в свою очередь, делится на четыре, что соответствует четырем стихиям природы, как то: воздух, вода, огонь и земля, которую пашут с помощью быков; у быков имеется бычья шкура, из которой тачают обувь, которую мы обуваем на ноги; ноги нужны нам, чтобы ходить; я вот, идучи, споткнулся и пришел сюда, чтобы приветствовать вас, — здравствуйте!

Стояла могильная тишина.

«Что за чепуху несет этот человек», — мелькнуло в голове одного из саш, но громко он этого не сказал: имеретины ведь, в основном, вежливый народ.

«Плохи дела», — подумал Шалва, который сквозь дырку в изрешеченном пулями занавесе напряженно вглядывался в людские лица, одновременно натягивая наугад одежду Панталоне; однако он не поддался: «Не робей, Василий, — снова приглушенно крикнул он брату, — не падай духом, давай, жми!..»

— Если бы не Геркулес, — продолжил напуганный молчанием народа Васико, — Трью бы никаким родом не взяли; деревянноконные магараджи возвели в семивратной Трое пирамиды Хеопса, а султаном у них сидел кесарь, когда того кесаря беспощадно прикончили, его последними словами были: «И ты, Тесей?»

«Что за белиберду несет этот человек», — подумал один из жор, но тоже не выразил этого вслух: имеретины ведь, в основном, исключительно терпимы в отношении гостей.

Однако предусмотрительный Северионэ, который почитал братьев за своих гостей в этой деревне, коротко крикнул на всякий случай в публику:

— Тсс... Тише!

«Я утопист?!» — горестно подумал Василий, совсем растерявшийся от этой камнем нависшей тишины. Он совершенно не представлял, что бы еще ему сказать, как повести себя, и все-таки нашел выход:

— Ооо, а вот и он, мой любезный друг Панталоне!

«Горе мне!» — только и подумал Шалва и, согнувшись вдвое, вышел, прихрамывая, на авантеррасу:

«И с чего он охромел за какие-то две минуты», — подумал один из константинэ, уже явно враждебно.

А Шалва на авантеррасе вовсю расчихался, раскашлялся, расперхался, он будто вот-вот собирался что-то сказать, но ему не давал кашель. И все-таки в конце концов он кое-как начал:

— Я — купец Панталоне, влюбленный во Фламинию, здравствуйте. Ааа-пчхик!

Не пещерная стояла тишина, а безмолвие гробницы.

«Я утопист! — с ужасом подумал Васико. — Утописты мы — и оба мои брата, и я!»

— Переходи на Капитана... — шепнул ему Шалва. Но Васико уже утратил свой недавний запал; все

что ему удалось, это только промямлить:

— Поди сюда, Бригелла!

Некоторое время ничего не было слышно, потом Гриша откликнулся:

— Бегу, сеньор, вот только лицо сполосну!

Плохо было дело... На дворе стояла непроглядная тьма.

— Переходи на Капитана, говорю, — снова Шепнул Шалва, — Капитан наверняка возымеет свое действие...

Другого выхода не было. Мигом сбросив накидку и сорвав маску, Васико прищлепнул себе толстые усы, выхватил пластмассовый меч и:

— Я — Капитан СпаVENTO, — по возможности браво начал он, — огонь и кровь, первенец землетресений и молний. Истребитель мавров, сеющий вокруг себя ужас и смерть, я, не найдя на земле подходящего медведя, с которым мне не стыдно было бы померяться силой, поднимаюсь на седьмое небо, где весьма успешно охочусь на состоящую из звезд Большую Медведицу. А теперь вот я пришел к вам, здравствуйте!

— Хорошо, хорошо, поняли, батона, ну здравствуйте, привет вам, еще раз здравствуйте, — не вытерпел один из датико. — Ладно, здравствуйте. А дальше?..

Самый вспыльчивый из всех сельчан — Вахтангия — уже вот-вот собирался выкрикнуть: «Над собой, над собой лучше посмейтесь, господа хорошие», как вдруг...

— Я — майор Гратишвили, — внезапно выпалил Васико, и у Шалвы странно дрогнуло сердце. — Я — гордость артиллерийского подразделения и без труда на лету могу сбить из пушки воробья, хотите — самца, хотите — самочку, мне все едино, — и, подкрутив ус, добавил заносчиво: — С того и сохнут по мне все женщины.

— Чтоб ты подох! — беззлобно вырвалось у зрителя в галошах.

— Я, полный майор Гратишвили, из всех влюбленных в меня женщин выбрал одну — ту, что прославилась своей красотой и прелестью от Чиатура, миная Кацх-Зестафони, аж до деревни с легким свирским вином, чем, не то чтоб огорчил целую уйму остальных,

но разжег в их сердцах такой буйный огонь, какой не пылал и на заводе ферросплавов!

— Ауф! — довольно выкрикнул один из датико.

— Но один негодяй очень мне мешает. — Он обернулся к Шалве. — А коль скоро вы являетесь опекуном этой девушки, я просил бы вас дать нам разрешение обвенчаться, мой... Пантелеймон!

— Кто это тебе «мой Пантелеймон!» — притворно возмущился образованный Шалва, — как ты смеешь... Я — дворянин, а ты кто такой!

— А я — князь! — горделиво выпятил грудь Васиکو.

— Гратишвили, да чтобы князь — не слышал, не слышал.

— И не могли бы услышать, — не сдавался Васиکو, — потому что Гратишвили — псевдоним нашего рода; а псевдоним нам понадобился потому, что дядя моего дедушки, Алмасхан Орбелиани, заколол своего господина, как пестрого борова. Вот мы и взяли себе чужое имя, чтоб нас никто не прижал.

Пантелеймон было призадумался, но вскоре лицо у него прояснилось:

— Какую фамилию носил ваш господин, извините? Если вы Орбелиани и если вы убили своего господина, то им должен был быть сам царь — Багратиони! Что-то я не припомню этого из истории.

Поднялся смех, все зашумели: «Верно, правильно...»

Но Васиکو все не отступал:

— Алмасхан Орбелиани тогда был на практике в далекой Новой Зеландии.

— И убил тамошнего царя?

— Ну да?! — согласился Гратишвили. — Из тете.

Пантелеймон на минуту задумался и:

— Но где было, парень, тогда тете?

— Где могло быть, — в руке.

Публика почему-то поддержала обманщика Васиکو:

— Молодцом, так его...

А в адрес Шалвы понеслось:

— Отвяжись..

— Не приставай!..

— Ничего я не знаю! — пришел в ярость Пантелеймон. — Воспитание-образование Фламинии... ээ... Маргалиты стало мне в двадцать тысяч новыми, воз-

мести мне расходы и бери ее, пусть она будет твоей
Всего хорошего.

— Откуда мне взять двадцать тысяч? — с горечью промолвил Васико.

— А ты нарисуй, нарисуй! — посоветовал кто-то из симонов, и снова поднялся смех.

— Как нарисовать, — затосковал Василий Гратиашвили, — у меня нет денег даже на карандаш... все спустил...

— Почему, чертяка ты эдакий? — поинтересовался единственный в своем роде Миша.

— Истратил на плохих женщин.

— Не смог усидеть, да? — крикнул ему человек в галошах.

— Не смог, — грустно подтвердил Васико.

— Почему, голова...

— Люблю женщин, что тут будешь делать...

— Провались ты! — воскликнула пышная бухгалтерша и залилась смехом, от чего ямочки на ее ярко-красных щеках стали еще глубже.

«Кажется, я не утопист! — радостно подумал Василий, — кажется, не утопист я...»

В это время, откуда не возьмись, появился этот наш Гриша и в один миг, — каков подлец, а! — покорил людские сердца, упав как бы невзначай и перекувырнувшись вверх тормашками. Поднялся хохот, но какой хохот, потому что хоть все мы вообще добрые, очень добрые, но все-таки — что греха таить! — радуемся падению человека, — и грузинами остаемся, хлоп-прихлоп в ладоши, танцуй-пляши!..

И завертелся этот вроде бы грузинский вариант комедии дель арте: слуга Гриша выманил у Гратиашвили саблю, пообещав ему взамен руку и сердце Маргалиты; затем Василий тут же превратился в прелестную дочь Доктора, прямо на глазах у всех нацепив женское платье и шарф, и хотя он, вроде какой-нибудь Изабеллы, очень кокетливо хлопал глазами, люди ржали во весь рот, потому что — ненароком то или нарочито — на лице у него сохранились усы. Но тут взял да и вышел тайный поэт Джаши; став лицом к людям, он впервые, при мятущемся свете тех факелов, вынес на свет божий своего «Ястреба»: «Ястреб молвил ястребице, — начал он и, припав вдруг на оба ко-

лена, молитвенно воздел руки в сторону Васико: «Люба ты мне, голубица...» Народу это пришлось по душе: мы же, в основном, любим поэзию. Поэта охотно поддержали, и он, Гайоз Джаши, выбравшийся наконец из тайного укрытия, заговорил, словно с цепи сорвавшись, дрогнувшим от поэтического трепета голосом: «Ты, такая вся белая, плескалась в синей воде; я глядел и глядел на тебя; щитом мне служил фиговый лист». А Васико тем временем, нежнейшим образом олицетворяя саму плещущуюся в воде красоту, грациозно поводил руками в засученных рукавах, сгибая и разгибая запястья, так что люди то смеялись, глядя на Васико, то взволнованно прислушивались к словам поэта. Да и как тут было не разволноваться? «Только лишь увидев тебя, я признал в тебе богиню красоты, давай проведем вместе много бессонных ночей, ты и я». Но тут внезапно скрутило Пантелеймона, он и так и смяк, нет, ни в каком разе не может выпрямиться и криком кричит: «Вот проклятье, это схватило, так схватило!..» — «Что, поясница, батано?», — весело крикнул ощутивший себя уже совсем по-домашнему человек в галошах. «Нет, любовь...» — признался Пантелеймон, чему все мы вместе от души посмеялись, а меж тем Гриша, ничем не сумев остановить вошедшего в раж раба розовоцветного пышнословия — поэта Гайоза Джаши, взял да и ущипнул его, и это тоже очень всех позабавило; а Пантелеймон, воспаривший на трепещущей волне Гайоза Джаши, воскликнул, воздев к небу руки: «Только ты могла придумать такие муки, чтоб заставить меня лить горькие слезы, моя девочка!!!» И на сей раз его чихание возымело прекрасное действие: козий хвост тебе, проклятый! — закричали ему. Следом появился глупый слуга, Гриша, в костюме Арлекина, сшитом из пестрых треугольных лоскутов, и, подойдя к занавесу, принялся старательно его выколачивать, но когда, плавно покачивая станом, мимо него прошел переодетый в женское платье Шалва с нацарапанной на спине чем-то вроде мела надписью «Тася», Гриша, проводив его взволнованным взглядом и недолго подумав, огрел палкой своего оказавшегося поблизости сеньора — вновь закутанного в плащ Доктора — Васико. Ах так, мол! И Василий—ну тuzить его бездушной дубинкой,

да с таким жаром, что чуть семь шкур с него не содрал, после чего пустился вдогонку за Тасей. Оставшись один, Арлекин кое-как поднялся на ноги, хмуря брови, осторожно ощупал себя руками — плечи и голову, — народ глядел на него, затаив дыхание: ведь я же говорю, что мы добрые, — затем сел на авантеррасе по-персидски, с трудом подобрав под себя ноги, и печально уставился на людей, да вдруг как прыснет, как расхохочется, как зальется безудержным смехом над самим собой!.. И люди тоже давай хохотать вместе с ним, да как хохотать, до слез, от всего сердца; и что тут вам сказать: это был какой-то особый смех, добрый, искренний, очищающий душу. Хоть, правда, спроси вы их, что послужило причиной столь бурного веселья, вряд ли бы кто из них сумел на это ответить, но, вероятно, уже одно то хорошо, что им всем в кои веки раз так сильно захотелось посмеяться. Но вы должны были видеть, что за хохот стоял, когда Шалва, вновь обратившийся в хитрого пройдоху-слугу, пообещал Доктору — Васику и слуге его Грише, каждому в отдельности, свести их с Тасей, выставив, однако, перед каждым из них свои условия. Доктору он сказал, что ему следует переодеться в женщину, ибо Тася-де постесняется войти в дом свиданий вслед за женщиной; а Грише — что ему придется войти в дом в женском наряде — иначе его туда не впустят, — а уж там он застанет распростершуюся в ожидании его на кушетке, готовую ко всему Тасю, и, конечно же, вытянул у них у обоих денежки; и вот, на авантеррасу, возбужденно беседуя сам с собой, выходит и там же укладывается доктор — Василий, а чуть позже туда же прошмыгивает одетый в женское платье слуга — Гриша, который в пещерной полутьме, весь охваченный любовным трепетом, приближается к своему дрожащему от нетерпения господину; но только они потянулись друг к другу воплотившими саму нежность руками и уже готовы были слиться в блаженных объятиях, как — ба! — столкнулись нос к носу... Ну и хохотали же мы, откинув в изнеможении назад подрагивающие от смеха головы и утирая слезы сведенными от счастья пальцами; покатывались, складываясь от смеха пополам и — «Оой, мама родная!» — хватаясь за животики. От нашего хохота аж громом гремела

пещера и прыгало, словно пустившись в пляс, пламя факелов; но внезапно все перекрыл какой-то ужасный, потрясающий рев:

— Э-эх, вы, грузины!!

Ошеломленные, мы застыли в оцепенении, уставив глаза на стоявшего на верхней террасе Шалву; никто уже больше не только не хохотал, но и просто не улыбался. Окаменев от растерянности, с отвисшими от недоумения челюстями, пялили мы глаза на устрашающе грозного Шалву; а Шалва вновь погромел с небывалой силой:

— Грузины, стойте!!!

Но куда там было уйти, одеревенелые, мы только потеснее жались друг к другу у этой первобытной пещеры, в зыбком, мятущемся свете факелов, нас, убоявшихся столь яркого гнева Шалвы, неудержимо потянуло друг к другу; даже двое недругов, вот уже десять лет ни разу не перекинувшиеся словом, так тесно приникли друг к другу, что — хоть это и сказка была, но все равно чудеса да и только! — превратились в одного человека...

— До смеха ли вам? — гремел Шалва. — Мы, три родных брата, и с нами еще один человек, радостно мучаясь и страдая, вознесли к вам сюда, в эту деревушку, возвращенный вдали цветок свободы, само воплощение вольной воли — итальянскую комедию дель арте, а чтоб вы полнее вкусили от ее благодати, мы даже наспех переделали ее для вас на грузинский лад, но, простите, чего мы этим добились! Вы только хихикали или ржали во весь голос; стало быть, в этой свободе вы не увидели ничего, кроме потешной забавы, да? Э-эх, вы!

Да, сказка то была сказка, и поднявшиеся сюда поглазеть на зрелище люди теперь поджали от страха хвост и рады были бы поскорее дать тягу, да только кто бы их отпустил, кто бы разрешил им переступить с места хоть на единый шаг, и они невольно, все более льнули друг к другу, все плотнее сгучиваясь, сливались один с другим, и это тоже, наверно, было негоже — и без того малочисленные, они все убывали в числе, их уже оставалось всего несколько человек, но и те уже смыкались, сливались друг с другом.

— Кто вам может запретить улыбаться и смеять-

ся! — от сердца вопил над этими несколькими оставшимися Шалва. — Но надо знать, когда уместно и когда неуместно смеяться. Неужели вы не почувяли той воли и свободы, о которых каждому из вас только мечтать... Нет, односторонней воли, свободы для себя, у вас хоть отбавляй, но откуда, как?! Это можно с ума сойти!..

Осталось всего два человека, и они тоже устремились друг к другу!

— Колх-иберы! — захохотал Шалва. — Да напрягите же вы слух и глаза...

Теперь уже оставался только один человек, и такой он стоял жалкий, понурый, нахохленный, что Шалва, немного смягчившись, прыгнул к нему на нижнюю террасу, а за ним последовали и его сотоварищи. Шалва подошел к тому самому человеку, чуть приподнял ему голову, подложив два пальца под подбородок, и что же видит: да это ведь наш Киколи...

Стоит он один-одинешенек, вокруг ни души, только галоша на земле валяется.

«Что случилось, Киколи, почему ты так пригорюнился?» — это Шалва. А тот: «Да не знаю, мол». «Нет, нет, — Шалва ему, — скажи все же, с чего это ты стоишь как в воду опущенный?» А он: «Да насмеялся я больно над комедией-то, вот с того и одолела меня печаль». «Брось, парень! — говорит ему Шалва, — чем на других смотреть, сам бы искал выход». «Рад бы, — это Киколи, — да только как мне его сыскать». «А ты, — говорит Шалва, — не сиди сложа руки, походи, поищи, сунься туда-сюда, может, и тебе еще выпадет счастье».

Киколи уже собрался было отойти, как Шалва: погоди, дескать, маленько, и, отведя на минуту от него глаза, глянул на своих комедиантов, смерил их каждого взглядом с головы до ног, а когда вновь обернулся на Киколи, видит — что же он видит? — разлегся себе беззаботно этот наш Киколи и невесть с каких трудов отдыхает.

Разозлился Шалва, не приведи бог:

— Вставай, ты, бездельник, развалился, точно колода! И с чего это тебя вдруг так развезло, небось лень-матушка заела?

А Шалва:

— Сказал бы ты, брат, что повеселее.

— Правда? — обрадовался Киколи. — Скажу тебе, что не сказать...

— Ты — моя великая надежда,

Башня, сложенная из камня;

Вы — мои коса и серп,

Поющие с раннего утра,

В лесу срезанная стрела (мы),

В городе крашенная хной,

Голубая рубашка из мови (ткань).

В семи местах застегнута на пуговках,

Родник бессмертия (мы),

Текущий по золотой трубе,

Насытиться бы, находясь рядом с вами,

Трезвостью и сном...

Распрявился, приосанился Киколи, во всю ширь развернул плечи, глянул на свои руки и говорит:

— Я и храм сложить умею, и стены его могу разрисовать. Хочешь, покажу?

— Верю, Киколи.

Наплывают слова на этого нашего Киколи, хочет, силится он еще и еще что-то сказать... Однажды царский сын изволил отправиться на охоту, заехал в дремучий лес, видит — стоит прекрасный распрекрасный дворец, а в пышных покоях того дворца — невиданная под солнцем красавица; и запала ему девушка с первого взгляда в душу. Глядел он, глядел на нее издали, и не стало у него больше мочи, пришпорил он своего крылатого коня и подъехал поближе. Еще краше показалась вблизи ему девушка, совсем обуяла его любовь, спрыгнул он с коня... А где-то горько плакала осиротевшая мать: как ехали они к царю, предала ее сестра — глянь, говорит, какое наливное яблочко, прямо на тебя смотрит, полезай на дерево, сорви, я тебе спину подставлю... Возьми да отдай сестре на руки, сиротинушка, своего ребенка; та подставила ей спину, и взобралась злосчастная мать на дерево. И не бросили ее тут одну? Нет и нет, не может она спуститься на землю... Разрыдалась, расплакалась она горькими слезами, и уж столько стенала, столько плакала,

инда истекла вся слезами и кровью на землю. А в том месте, куда пали ее кровь и слезы, поднялся высокой стеною тростник. Зашумели-зашелестели травы, распустились тысячи всяких цветов. Тяжко призадумался наш Киколи, трудно ему собраться с мыслями, столько их теснится в голове... Но все-таки снова заговорил:

— Ходит-бродит, обливаясь слезами, несчастная мать:

Встретился в пути моему сыну разъяренный тигр... Душат Киколи слезы, никак не складываются у него слова, только и бормочет он отрывочно: тигр оказался не из трусливых, но и не на робкого он напал... Ты не умер, сынок, ты спишь, утомленный трудами... Все ж таки вырастила я сына, отважившегося сразиться с тигром... А другой раз ей думалось: ведь ни одно дитя на свете не выросло без матери, может, и тигрица плачет, подобно мне, по сыну днями и ночами...

Примолк Киколи, льются из глаз его слезы. Да и Шалве не лучше, у него аж волосы на голове шевелятся:

— Но тебе надобно знать и другое!

— Что... — вздрогнул Киколи.

— А вот это! — Шалва обхватил Василия руками да как швырнет и его тоже.

Киколи прокашлялся:

— Не возможно, а несомненно Сервантес и Толстой, дорогие мои, более великие писатели, но Флобер — единственный человек, написавший два поистине великих — без сучка и задоринки — романа: один из них — о своих современниках; действие же второго он развернул в Карфагене. Нет, все же что это за божья милость, люди добрые, — впал в экстаз Киколи, — что раз и навсегда родились Данте, Стендаль, Мериме. Пушкин, Фолкнер...

И тут Шалва взял его за запястье...

— Но моего Шота, моего Илью, Бараташвили и Гурамишвили, Акакия и Важа, Важа я люблю больше самого себя! — взволнованно воскликнул Киколи, и это потому, что они совсем-совсем мои... И еще есть одна любовь, о которой вслух и не скажешь: слова замирают на губах, — обернулся он к Шалве. А того глядь, и след простыл; должно, и сам Шалва тоже

слился с ним, с Киколи? Так остался Киколи совсем один.

Что же мне теперь делать, куда податься?—думает. Глянул окрест — кругом тьма-тьмушая... Вздрогнул было Киколи со страху и руки от растерянности опустил, да нет, собрался все же с духом — видать, силы-то у него теперь прибыло; взбодрился, приосанился он и двинулся в путь: может, думает, найду я еще свою судьбу. Ветер ревет, ливень вовсю хлещет, но Киколи идет, не останавливается, хоть и холод его пробирает, голод мучит. Идет и вдруг видит какой-то слабенький свет впереди брезжится...

Ну вот и подошла история к концу, но коль скоро это была сказка, то и кончим ее по-сказочному:

И радость здесь, и горе здесь,

И мука здесь, и отсев здесь.

Танцуй-пляши, таш-туш!!.

Перевод Ирины ГРЖЕНДЗИЦА.

СРЕДИ МЕРТВЫХ

РОМАН

ЧАСТЬ II

Глава I

— Вдохните!.. Покашляйте!.. Еще раз вдохните!.. Так, хорошо. Ну-ка послушаем ваше сердце... еще раз... Не дышите... Хм!.. Да, состояние ваше оставляет желать лучшего... Одевайтесь.

Врач внимательно посмотрел на Флавьера; тот надевал рубашку, а затем, смущаясь, отвернулся, чтобы застегнуть брюки.

— Скажите, вы женаты?

— Нет, холост... Я только что вернулся из Африки.

— Вероятно, вам пришлось побывать в плену?

— Нет, я уехал туда еще в тысяча девятьсот сороковом году. Меня освободили от воинской повинности в связи с тем, что в 1938 году я болел плевритом.

— Вы намерены поселиться в Париже?

— Еще не знаю. Я открыл в Дакаре адвокатскую контору, но попытаюсь все же возобновить свою прежнюю практику во Франции.

— Вы адвокат?

— Да, вот только моя квартира оказалась занятой, а подыскать себе что-нибудь по нынешнем временам...

Поглаживая свое ухо, врач наблюдал за Флавьером, которому никак не удавалось завязать галстук, и он из-за этого нервничал.

— Вы, наверное, употребляете алкоголь, не правда ли?

Продолжение. Начало см. в № 5.

Флавьер пожал плечами:

— А что, это сразу бросается в глаза?

— Это ваше личное дело, — ответил врач.

— Да, бывает, выпиваю, — признался Флавьер.

Жизнь зачастую не такая уж и приятная штука.

Врач сделал какой-то неопределенный жест рукой, затем сел за стол и снял колпачок с ручки.

— Ваше общее состояние вызывает некоторые опасения, — заметил он. — Вам необходим отдых. На вашем месте я бы поехал на постоянное жительство на юг... Скажем, куда-нибудь в Ниццу... или Канн... Что же касается ваших навязчивых мыслей... то по этому вопросу вам следовало бы проконсультироваться со специалистом. Я напишу вам записку к моему коллеге — доктору Баллару.

— А как по-вашему, это очень серьезно? — спросил Флавьер.

— Вас по этому поводу проконсультирует доктор Баллар.

Перо закрипело по бумаге, а Флавьер достал портмоне.

— Вы пойдете в отдел продовольственного снабжения, — сказал врач, продолжая писать, — и по этой справке вам должны выдать дополнительные карточки на мясо и жиры. А особенно вы нуждаетесь в тепле и отдыхе. Избегайте волнений, никаких писем, никакого чтения. С вас триста франков. Все. Спасибо.

И он поспешно направился к двери, опережая Флавьера, в то время, как очередной пациент уже заходил в его кабинет. Недовольный Флавьер спустился по лестнице. Проконсультироваться у специалиста! У психиатра, который вытянет из него все его секреты и заставит признаться во всем, что он знал о смерти Мадлен! Нет, это исключено! Он предпочитает жить со своими кошмарами и каждую ночь блуждать во сне по лабиринтам, кишасим негодьями, и кого-то звать в темноте... Он дошел в этой Африке до такого состояния из-за жары, а вот теперь он спасен.

Подняв воротник пальто, Флавьер направился к площади Тэрн. Он никак не мог узнать этот погруженный в туман Париж, эти широкие пустынные площади и авеню, по которым проезжали лишь джипы. Он даже чувствовал некоторую неловкость от того, что был сли-

шком хорошо одет. Он зашагал быстро, как и все, потому что идти прогулочным шагом тоже считалось роскошью. В тумане смутно вырисовывалась Триумфальная арка. Все вокруг было окрашено в цвета прошлого, цвета памяти. И что это за угрюмый праздник всех святых? И зачем он вообще приехал сюда его отмечать? Не лучше ли было бы ему остаться там? Чего ожидал он от этого паломничества? За это время у него были другие женщины, да и старые раны зарубцевались. Мадлен теперь уже не была даже призраком...

Он зашел в ресторан «Дюпон» и сел у окна. Кроме него в огромной ротонде находилось еще несколько офицеров; никаких звуков, кроме посвистывания кипяильника для кофе. Угрюмый официант пристально разглядывал его, оценивая сукно, из которого было сшито его пальто, и замшевые туфли на каучуковой подошве.

— Рюмку коньяку, — прошептал Флавьер. — Только настоящего!

В кафе и ресторанах он умел говорить тихо и быстро. В этих случаях он принимал достаточно внушительный вид, вероятно, из-за страсти, сковывающей его лицо. Он залпом выпил принесенный коньяк.

— Неплохо, — сказал Флавьер. — Принесите еще одну. — И бросил на столик перед собой купюры — привычка, появившаяся у него в Дакаре. Он напускал на себя вид человека пресыщенного, бросая эти мятые бумажки так, словно возвращался откуда-то с края света, а все эти люди были перед ним в неоплатном долгу. Скрестив руки, он созерцал жидкость, которая так ловко вызывала образы призраков. Нет, Мадлен вовсе не мертва. С той минуты, когда он сошел на вокзале, мысль о ней не переставала терзать его. Бывают лица, которые просто забываешь, они стираются в памяти, время подтачивает их, словно те каменные статуи, стоявшие при входе в храм. А вот Мадлен осталась неприкосновенной. Солнце былых дней сияло вокруг нее, словно нимб. Та последняя кровавая картина на кладбище уже стерлась и была лишь докучавшей мыслью, которая при желании легко могла исчезнуть, зато все другие картины были поразительно свежи и новы, обладали какой-то притягательной силой. Скрестив руки на животе, он сидел неподвижно и думал. Он ощущал теплоту майского дня, он видел, как вокруг Триумфальной

арки кружат машины, а вот идет и она, держа сумочку под рукой. Глаза ее подкрашены тенью, падающей от элегантной небольшой вуали... Она склоняется над мостом, выпуская из рук красный цветок... Она разрывает письмо, клочки которого разлетаются... Допив коньяк, Флавьер тяжело облокотился о стол. Теперь он уже стал стар. Так что же ожидает его впереди? Одиночество? Болезни?.. В то время, как выжившие после войны пытались собрать остатки своих пожитков, отыскать жилища, возобновить прежние дружеские связи и строить будущее, ему оставалось лишь перебирать пепел прошлого. В таком случае зачем отказываться от того, что...

— Принесите еще одну!

На этой он, пожалуй, остановится. Он не любил алкоголь, ему только хотелось разжечь в своей душе небольшой уголок, в котором теплилось немного надежды. Выйдя, он закашлялся от резкого воздуха. Однако теперь город его больше не отпугивал. Дойдя до площади Этуаль, он остановился на краю тротуара, будто бы ожидая кого-то. Февральский морозящий дождь, рассыпаясь на мелкую пыль, проплывал, словно бледное облачко по искрящимся светом улицам. Она больше не придет. Жевинь, возможно, тоже уехал из Парижа... Выйдя на авеню Клебер, Флавьер взглядом поискал тот самый дом. Ставни третьего этажа были закрыты. Шикарная машина Жевиня была по-видимому реквизирована армейским командованием. А картины... портрет мечтательной женщины, висящий над камином... райские птицы?.. Что случилось со всем этим?.. Флавьер решительно вошел в парадное. Консьержка как раз подметала пол, и он спросил у нее:

— Могу ли я видеть месье Жевиня?

— Месье Жевиня?

Она посмотрела на Флавьера, явно не понимая.

— Бедный месье Жевинь, — продолжала она, — он же давно умер.

— Как? Поль умер? — изумленно пробормотал Флавьер.

Но к чему продолжать? Значит, вот что суждено ему находить на каждом шагу: смерть, и только смерть!

— Проходите, — пригласила его консьержка и открыла дверь лоджии.

— Я уехал из Парижа еще в тысяча девятьсот со- роковом году, — пояснил Флавьер.

— А-а, вот оно в чем дело.

Возле окна стоял старик с железными очками на носу и задумчиво рассматривал туфель, в который он засунул ногу. Когда они вошли, он поднял голову.

— Прошу вас, — сказал Флавьер, — не беспокойте- сь.

— Даже картона нет для ремонта туфель, — про- ворчал старик.

— Вы были другом месье Жевинья? — продолжала консьержка.

— Другом детства. Он как-то позвонил мне и сооб- щил о смерти жены, однако в тот день мне было не- обходимо выехать из Парижа.

— Бедный месье Жевинь! Он ведь даже не осме- ливался вернуться в эту квартиру один... Рядом с ним тогда никого не было. Лишь одна я сопровождала его и помогла одеть его бедную супругу. потому что вы са- ми понимаете...

— «...А во что вы ее одели? В ее серый костюм?» — чуть было не вырвалось у Флавьера.

— Присядьте, — пригласила консьержка... — У вас ведь найдется минута-другая?

— Я совершенно случайно узнал, что его допраши- вали относительно смерти его супруги.

— Допрашивали... Еще бы! Скажите лучше, что его чуть было не арестовали.

— Поля?.. Хотели арестовать? Однако... я полагал, что его жена покончила с собой.

— Да, так оно и было, разумеется, но вы же знаете эту полицию! У бедного месье Жевинья было немало за- вистников... А когда начинают копаться в жизни супру- гов... Они приходили сюда, уж и не скажу даже сколь- ко раз, со своими бесконечными вопросами о нем и его жене... Все допытывались, ладили ли они, был ли месье дома в этот день, и то, и се... О, господи, боже мой! Ты помнишь, Шарль?

Старик вырезал стельку кухонным ножом из кры- шки картонной коробки.

— Да, неразбериха была большая, как, впрочем, и сейчас, — пробурчал он.

— А от чего же умер месье Жевинь? — спросил Флавьер.

— Он был убит на дороге, под Мансом. Однажды утром он спустился вниз в очень возбужденном состоянии. «Я уже сыт по горло!» — сказал он. С нами он никогда не стеснялся в выражениях. «Я сматываюсь! Если они хотят меня упечь, то пусть бегут за мной». И с этими словами, побросав свои чемоданы в машину, он уехал... А потом мы узнали... Машина была изрешечена из пулемета. А бедный месье Жевинь, пока его везли в больницу, умер... Нет, он этого не заслужил!

«Если бы я в то время был здесь, — подумал Флавьер, — ему не нужно было бы уезжать и с самолета обстреляли бы кого-то другого, а он остался бы жив. Тогда я смог бы поговорить с ним сейчас, объяснить ему...» Крепко сжав кулаки, он подумал, что ему не следовало бы приходить сюда.

— Им не повезло, — продолжила консьержка. — А вместе с тем они очень хорошо ладили друг с другом!

— А не была ли его жена немножко нездоровая? — скромно поинтересовался Флавьер.

— Нет... У нее был такой печальный вид... в этих ее темных нарядах, но это просто характер у нее был такой.. А когда им случалось вместе идти куда-нибудь, она, напротив, была такая радостная.

— Только вот случалось это нечасто, — сказал старик.

Она повернулась к говорившему:

— При его служебном положении у него совсем не было времени. Ему беспрестанно приходилось ездить в Гавр. Нужно же было понимать это!

— А где ее похоронили? — спросил Флавьер.

— На кладбище Сент-Уэн. Однако злосчастный рок преследовал ее и там. Когда американцы бомбили Ла Шапель, то вся та часть кладбища, растянувшаяся вдоль дороги, была разворочена: повсюду валялись камни и кости. По этому поводу даже состоялась какая-то религиозная церемония.

Флавьер стал дрожать в своем пальто, поднятый воротник которого почти закрывал его лицо.

— И что же осталось от ее могилы? — прошептал он.

— Говорю же вам, что в той части кладбища больше никаких могил. Туда привезли землю и засыпали ямы, или воронки, как они говорят. Склепы будут восстановлены несколько позже.

— Да что за чушь ты мелешь! — возмутился старик. — Жалеть нужно не мертвецов, а живых!

Флавьер боролся с представившейся ему картиной и почувствовал, как его начинают душить горькие слезы, которые никогда не потекут по щекам. С этим было покончено навсегда: эта страница его жизни была перевернута, и Мадлен улетучилась при одном лишь прикосновении. Словно в древности ее сожгли на костре, а пепел рассеяли по ветру. Теперь это лицо, которое все еще виделось ему, было уже ничем, совсем ничем. Нужно будет восстановить его с наступлением ночи и, освободясь, попытаться начать жить заново...

— А что с их квартирой?

— Она закрыта. Ее унаследовал какой-то дальний родственник, кажется, кузен с ее стороны. Все это весьма печально

— Да, — сказал Флавьер.

Встав, он тщательно запахнул пальто.

— Когда узнаешь о смерти своих близких людей, то всегда испытываешь потрясение.

Старик громко стучал молотком, чиня тувель, зажатый между коленями. Флавьер почти бегом выскочил на улицу. Морозящий дождь неприятно обдал его лицо. Флавьер почувствовал, что его вот-вот снова начнет лихорадить. Он зашел в маленькое кафе и сел за столик. Это было кафе, где он прежде встречался с Мадлен.

— Что-нибудь покрепче, — попросил он.

— Хорошо. — с пониманием отозвался хозяин кафе. — У вас такой вид, будто вы не в своей тарелке. — Оглянувшись кругом, он добавил: — Быть может, рюмочку виски?

Флавьер облокотился о столик. Большая волна тепла растекалась по его груди. Ужас отступал, рассеивался, начинал таять, словно кусочек льда, и превращался в спокойную меланхолию. Врач был прав: уход, солнце, покой, душевное равновесие — вот что было

главным. Особенно душевное равновесие! Не думать больше о Мадлен! По пути в Париж он намеревался засыпать ее могилу цветами. И вот надо же! Нет больше никакой могилы! Вот такие-то дела. Последняя связь, и та оказалась разорванной. Паломничество заканчивалось в этом быстро, перед этим наполненным солнечной жидкостью стаканом. Все, что он любил: женщина на портрете, та нежная незнакомка, уведенная им за руку далеко от этих теней, в которых она бы наверняка затерялась — все заканчивалось в стоящем перед ним стакане виски. Сон, зачатый в момент опьянения! И все же нет, это еще не конец — ведь у него осталась зажигалка. Поднеся ко рту сигарету, он достал золотую зажигалку, посмотрел, как она лежит на ладони. Быть может, нужно выбросить ее, потерять исподтишка, словно животное, от которого хочешь избавиться? Попозже, а сейчас... Он только что решил, а точнее кто-то как всегда, только что решил за него. Поставив стакан, он щедро расплатился. Ему нравилось наблюдать, как лица становились рабскими.

— Нельзя ли вызвать такси?

— Гм! — хмыкнул хозяин кафе. — Это, пожалуй, будет непросто. А вы далеко собираетесь ехать?

— В сторону Манта.

— Ну что ж, попытаться можно.

Он позвонил несколько раз, не переставая улыбаться Флавьеру. Затем положил трубку.

— Густав вас отвезет, — сказал он, — Возможно, он запросит слишком много... Но вы же знаете, сколько стоит сейчас бензин на черном рынке!

Вскоре приехало такси — старая таратайка марки «С4». Флавьер заплатил до поездки. Когда он хотел реализовать какой-то план, у него пропадало все самолюбие. Он терпеливо объяснял Густаву:

— Поедем на север от Манта... там есть между Сайи и Дрокуром небольшая деревушка с колокольней... Я покажу вам дорогу... А затем мы вернемся более коротким путем. Я там долго не задержусь.

Наконец они тронулись. Зимние дороги повествовали им мрачные истории — истории сражений, разрушений, расстрелов и бомбардировок. Окоченевший, забившийся в угол машины, Флавьер смотрел сквозь налипавшую на стекла изморозь на темные поля, напрас-

но пытаюсь припомнить цветущие деревья, белые склоны цветущих ромашек. На этот раз образ Мадлен постепенно отдалялся и начинал действительно умирать. Ну, еще раз! Еще одно усилие! Флавьер прекрасно сознавал, что его сердце ни разу не было в плену, и никогда он так ясно не вглядывался в свою душу, как сейчас. Поэтому он и начал пить, чтобы заставить замолчать свое второе я — этого скептика, свидетеля, насмешника, на все наплевавшего, обвиняющего его в том, что он вечно придумывает себе что-то и играет бесконечную элегию, дабы потешить свою страсть к несчастью, одиночеству и бессилию. Теперь ему нужно было все больше и больше маленьких рюмочек для того, чтобы отшвырнуть этого внутреннего рассудительного свидетеля в небытие. Когда оцепенение овладевало всем телом Флавьера, тогда вновь появлялся нежный и милосердный образ Мадлен, говоривший ему о жизни, которая могла бы у них быть, и у Флавьера чуть ли не кровоточило сердце от счастья. И совсем другой Флавьер просыпался утром: злой, извергающий оскорбления.

— Вождь и Сайи! — прокричал Густав.

Кончиками пальцев Флавьер протер стекло.

— Сверните вправо, — сказал он. — Эта деревушка должна быть километрах в двух-трех.

Такси поползло по дороге, изрытой колдобинами. Почерневшие от дождя деревья нависали над заполненными листьями ямами. Время от времени появлялся домик, над которым вился синий дымок.

— Вон виднеется высокая колокольня, — сообщил Густав.

— Да! Это здесь... Подождите меня возле церкви.

Машина повернула, как и в прошлый раз. Ступив на землю, Флавьер поднял голову к галереям, огибавшим колокольню. Он не чувствовал волнения, и тем не менее его охватил какой-то могильный холод. Он отошел в сторону, ища дома, крыши которых он видел оттуда, сверху, когда боролся с приступом головокружения. Они были здесь, напротив, спрятавшиеся среди каштанов с оголенными ветками... Десяток серых лачуг, вокруг которых бесшумно копошились цыплята. Здесь же была невысокая лавчонка с витриной со стершими буквами. Флавьер вошел в нее. Внутри пахло све-

чами и керосином. На этажерке желтели какие-то почтовые открытки.

— Что вам угодно? — спросила вышедшая из лавки старуха.

— Нет ли у вас случайно яиц? — спросил Флавьер. — Или немного мяса? Я болен, а у нас в Париже нет никакой возможности достать продукты.

Однако тон его был недостаточно искренним, а вид недостаточно жалким, поэтому он заранее знал, что она ему откажет. Он рассеянно рассматривал открытки.

— Тем хуже, — пробормотал он. — Ладно, поеду, спрошу в другом месте. А вот открытку с видом этой церкви... я, пожалуй, возьму... Интересно, значит, она называется Сен-Николя?.. Это название мне кое-что напоминает. Погодите-ка, в сороковом году... мае сорокового года... газеты, кажется, писали о каком-то самоубийстве?

— Да, тут одна женщина упала с колокольни.

— Точно, точно... Теперь я вспомнил. Жена одного промышленника, не так ли?

— Да, мадам Жевинь. Я помню ее имя — это ведь я нашла ее под колокольней. С того времени произошло много событий... Однако я так и не смогла забыть эту несчастную женщину.

— Возможно, у вас есть хоть немного водки, а то я никак не могу согреться, — спросил Флавьер.

Она подняла на него глаза, которые давно уже ничего не выражали:

— Возможно, — ответила она.

Флавьер положил открытку в карман и выложил несколько монет в тот момент, когда она отправилась за бутылкой и стаканом. Виноградная водка оказалась отвратительной и обжигала горло.

— Странная мысль, — заметил он, — броситься вниз с колокольни.

Она медленно упрятала руки в платок. Возможно, она не находила эту мысль столь уж сумасшедшей.

— Она, наверное, была уверена, что достигнет своей цели, — ответила старуха. — Колокольня более двадцати метров в высоту, а она упала головой вниз.

«Ясно», — чуть было не вырвалось у Флавьера. И хотя дыхание его участилось, однако страданий он уже не испытывал. Просто он почувствовал, что образ Мад-

лен покидает его и что она умирает окончательно. Каждое слово старухи было как бы комком земли, брошенным на гроб.

— Я тогда одна была в деревне, — продолжала она, — здесь не осталось ни одного мужчины! Все были демобилизованы, а женщины были в поле. В шесть часов я пошла в церковь, потому что мой сын находился во французской армии...

Она вдруг замолчала на мгновение и показалась ему еще более чахлой в своей черной одежде.

— А вышла через ризницу. С обратной стороны церкви есть дверь... Просто мне ближе домой идти через кладбище... Именно в тот момент я и увидела ее... Понадобилось довольно много времени, чтобы сообщить в полицейское отделение...

Она, несомненно, вспоминала страх и усталость того дня: приехали наконец полицейские, стали ходить туда-сюда по кладбищу, освещая землю электрическими фонариками, а затем, немного позже, приехал муж. Он все время, что находился здесь, не отрывал носовой платок от лица...

— Это были, наверное, горестные моменты для него. — сказал Флавьер.

— Да, особенно, когда полицейские крутятся у вас целую неделю. Они вообразили, что несчастная женщина была сброшена вниз...

— Сброшена?.. Почему они так решили?

— Потому что люди из Сайи заметили во второй половине дня направляющуюся сюда машину, в которой сидели мужчина и женщина.

Флавьер раскурил сигарету. Так вот в чем дело. Свидетели, оказывается, приняли его за мужа, это подозрение и привело к гибели Жевиня.

Сейчас уже ни к чему возражать и объяснять старухе, что тот мужчина не был Жевинем и что все это — чудовищная ошибка. Эта история уже больше никого не интересовала. Осушив стакан, он поискал глазами, что бы еще купить, однако в лавке больше не было ничего, кроме метелок, вязанок хвороста и катушек шпагата.

— Спасибо за водку, — пробормотал он.

— Не за что, — ответила старуха.

Выйдя из лавки, Флавьер выбросил сигарету, из-за которой закашлялся. Приблизившись к церкви, он в

нерешительности остановился. Нужно ли ему войти, чтобы еще раз остановиться у алтаря, перед которым она молилась? Ее-то молитва все равно оказалась бесполезной. Она ведь все равно растворилась в пространстве. Он подумал о христианской доктрине, о воскрешении плоти. Каким же образом в Судный день тело Мадлен сможет снова воскреснуть из этих разрозненных атомов, превратившихся в элементарные частицы? «Прощай, Мадлен!» — прошептал он, глядя на крест, вокруг которого летали вороны.

— Ну что, возвращаемся, шеф? — спросил шофер.

— Да, возвращаемся.

А когда такси тронулось, он решил удостовериться, глядя через заднее стекло, как удаляется колокольня и что прошлое тоже отступает, навсегда исчезает за поворотом дороги. Закрыв глаза, он дремал до самого Парижа.

После обеда, не в силах устоять, Флавьер отправился к доктору Баллару и рассказал ему свою историю, словно духовнику, не называя тем не менее имени Жевиня и не рассказывая о юридических последствиях драмы. Больше он уже не мог держать этого в себе, а говорил чуть не плача.

— Короче говоря, — сказал психиатр, — вы все еще ищете ее и отказываетесь поверить в ее смерть.

— Это не совсем так, — возразил Флавьер. — Она, разумеется, мертва, я в этом уверен. Но вот я думаю... и это ненормально, если хотите... я все думаю о ее бабушке, этой Полине Лажерлак... В общем, вы понимаете, что я хочу сказать... они обе были одним и тем же человеком.

— Иными словами, эта женщина — Мадлен — уже умерла однажды, верно? Вы это хотите сказать? Вы в это верите?

— Нет, доктор, это не вера. Я знаю то, что я сам видел и констатировал...

— Короче говоря, вы полагаете, что Мадлен могла бы вновь ожить, так, как это уже однажды с ней произошло.

— Ну, если вы представляете вещи подобным образом...

— В вашей голове они, разумеется, менее четки.

Вы подсознательно пытаетесь их затушевывать. Прилягте, пожалуйста.

После долгой проверки его рефлексов врач скривился.

— А до того вы пили?

— Нет, пить я начал постепенно, в Дакаре.

— А наркотики вы никогда не употребляли?

— Нет, никогда.

— Не знаю, действительно ли вы очень хотите выздороветь.

— Разумеется, хочу, — пробормотал Флавьер.

— Ну, тогда вам необходимо придерживаться следующих рекомендаций: во-первых, больше не пить; во-вторых, навсегда забыть эту женщину, повторяя себе ежедневно, что она действительно умерла и что умирают раз и навсегда. Вы слышите меня? Навсегда... Вы должны стараться из всех сил.

— Да.

— Только в таком случае вы сможете избавиться от всяких сомнений. Я напишу вам записку к одному моему другу, который содержит санаторий под Ниццей.

— А меня там не госпитализируют?

— Ну что вы! Вы не до такой степени больны. Я посылаю вас в этот санаторий, потому что там подходящий для вас климат. Такому человеку, как вы, приехавшему из Африки, необходимо много солнца. У вас есть деньги?

— Да.

— Предупреждаю вас, что это надолго.

— Я пробуду там столько, сколько будет нужно.

— Превосходно.

Флавьер присел, так как у него обмякли ноги. Он больше не обращал внимания ни на слова врача, ни на свои жесты, повторяя лишь про себя: «Выздороветь... Выздороветь»... Он уже сожалел, что полюбил когда-то Мадлен, будто эта любовь таила в себе смертельную опасность. Ах, как ему хотелось снова зажить нормально, начать все сначала, видаться с другими женщинами, быть таким, как все!.. Врач все увеличивал число своих рекомендаций, а Флавьер принимал их и обещал все выполнить. Да, он уедет прямо сегодня вечером.. Да, он перестанет пить. Да, он будет отдыхать... Да... Да...

— Если хотите, я могу вызвать такси, — предложила медсестра.

— Я предпочел бы пройти пешком.

Он отправился в агентство путешествий. Записка, приколотая к окошечку кассы, сообщала, что билеты на все поезда уже проданы на неделю вперед. Достав бумажник, Флавьер купил билет на поезд, отправляющийся сегодня же вечером. Ему оставалось лишь позвонить во Дворец Правосудия и в свой банк. Уладив все свои дела, он решил побродить по городу, в котором чувствовал себя чужим. Поезд на юг отправлялся в девять часов вечера. Затем он пообедал в своей гостинице, но у него оставалось четыре часа, которые он не знал, как убить. Тогда он зашел в первый попавшийся кинотеатр, его даже не интересовало, какой именно фильм идет — ему просто нужно было как можно скорее забыть свой визит к Баллару и вопросы доктора. Да, он никогда серьезно не думал над тем, что рискует превратиться в сумасшедшего, а теперь ужасно испугался, и от этой мысли по спине побежали мурашки, а желание выпить иссушило горло. В нем с новой силой вспыхнули ненависть и отвращение к себе.

Вспыхнул экран, и грохочущая музыка возвестила о начале кинохроники. Визит генерала де Голля в Марсель. Мундиры, флаги, автоматы, с трудом сдерживаемая на тротуаре толпа. Лица схвачены крупным планом, чей-то открытый рот, выкрикивающие приветствия, которые нельзя было разобрать. Какой-то толстяк, подбрасывающий свою шляпу, какая-то женщина, медленно поворачивающаяся лицом к камере: видны были ее очень светлые глаза, ее худощавое лицо, похожее на портрет кисти Лоуренса. Прокатившаяся по толпе волна внезапно скрыла ее, но Флавьер успел узнать ее. Он привстал, потянувшись к экрану всем телом. Лицо его выражало неопишуемый ужас.

— Сядьте! — прокричал кто-то. — Сядьте!

Он расстегнул воротник, чувствуя, что теряет сознание, а с трудом сдерживаемый крик распирает его грудь. Ничего не соображая, он смотрел на фуражки, приветствия, мелькание горнов. Чья-то мощная рука заставила его наконец сесть.

Нет, это, наверное, была не она... Оставшись на второй сеанс, Флавьер заставил себя хладнокровно смотреть на экран. Он ожидал появления лица, сосредоточив все свое внимание и приготовившись уловить и запомнить этот образ. Наконец ее образ вновь появился на какую-то секунду. Какая-то часть его застонала снова в то время, как другая даже не дрогнула. Ошибиться он не мог: женщине на экране около тридцати лет, она, похоже, довольно полная... что еще? рот... у нее были не такие контуры губ... Вместе с тем явное сходство нельзя было отрицать. Особенно глаза... Флавьер скривился, пытаясь сравнить недавнее воспоминание с прежним и в конце концов увидел лишь разноцветные круги, будто бы долго смотрел на яркий свет. Вечером он снова пошел в кино. Ну что ж, ему придется уехать завтрашним поездом, тем хуже... Во время вечернего сеанса он заметил еще одну деталь: мужчина, которого показывали крупным планом перед тем, как появлялось на экране лицо незнакомки, он явно был с ней. Наверняка это был ее муж или любовник. Он сопровождал ее, держа под руку, несомненно для того, чтобы не потерять ее в толпе. И еще одна деталь, прежде ускользнувшая от Флавьера: мужчина был хорошо одет. На галстуке у него была огромная жемчужина, а на незнакомке была меховая шуба... Флавьер заметил еще что-то, но вот только что?.. Из кинотеатра он вышел сразу же по окончании новостей. Улицы были слабо освещены, по-прежнему шел дождь, и Флавьер нахлобучил шляпу, потому что к тому же дул пронизывающий ветер. Этот жест напомнил ему сцену в Марселе: мужчина был с непокрытой головой, несмотря на то, что был одет в пальто, а на заднем плане смутно виднелась гостиница и три, расположенные по вертикали буквы: «РИЯ». Вероятно, это было название отеля, расположенное на стене здания и освещенное по вечерам. Пожалуй, нечто вроде АСТОРИЯ... Ну хорошо, и что дальше? А дальше ничего... Теперь Флавьер лишь забавлялся тем, что восстанавливал в памяти лицо женщины, мелькнувшее в хронике — он давно уже не предавался страсти к логическим рассуждениям. Тем не менее, ему было приятно отметить, что мужчина и жен-

щина, по всей вероятности, вышли из гостиницы, чтобы присутствовать при прохождении кортежа. Что же касается схожести... Да, эта женщина действительно похожа на Мадлен. Ну и что?.. Какое ему до этого дело! Есть повод волноваться! В Марселе живет счастливый мужчина вместе с женщиной, глаза которой... Но ведь теперь повсюду видишь счастливых людей! Необходимо привыкнуть к мысли, даже если от нее становится не по себе!.. Флавьер в нерешительности остановился в баре гостиницы. Да, он, конечно, пообещал врачу... но ему ведь необходимо было пропустить стаканчик-другой, чтобы вычеркнуть из памяти этих путешественников из «АСТОРИИ».

— Виски!

Он выпил три рюмки, но сейчас это не возымело никаких последствий, поскольку ведь он все равно решил серьезно заняться своим лечением, а виски все же эффективнее коньяка. Он решительно подавил в себе сожаления, подозрения и горечь — оставалось лишь чувство огромной несправедливости, но его ничем нельзя было приглушить. С мыслью, что глупо было бы откладывать свой отъезд, Флавьер лег спать.

На следующий день он, опустив несколько купюр в карман контролера, устроился в купе первого класса. Эта бесконечная упоительная власть денег появилась у него слишком поздно. Но несмотря на обладание ею, он был лихорадочно возбужденным, усталым и угрюмым. Если бы он был богат еще до войны... если бы он мог предложить Мадлен... Ну, вот, снова о том же! Но ведь сохранил же он зажигалку, быть может, из-за этой дурацкой хроники. Впрочем, ничто не мешало ему опустить окно и выбросить ее. Есть некоторые вещи, обладающие тайной силой, выделяющие нечто вроде невидимого яда, медленно отравляющие жизнь. Бриллианты, например. Так почему же это не может быть зажигалка? Но наверное, он никогда так и не сможет от нее избавиться. Она ведь является доказательством того, что он чуть не стал счастливым. В завещании он требует, чтобы его похоронили вместе с этой зажигалкой. Ложиться в гроб с зажигалкой! Вот еще одна сумасшедшая мысль!.. Под мерный стук колес он мечтал... он забавлялся этой мыслью... Так почему же тайна лабиринтов всегда привлекала его, преследовала? Этот

шум падающей в глубине подземелья воды, затхлое дыхание ночи, ощущавшееся сквозь лабиринты переходов, узких тоннелей, этот застывший, извилистый, разветвленный мирок рудников, озер со стоячей водой, драгоценных камней в своих оболочках? Когда он был в Сомюре... все началось там, быть может, из-за его одинокого детства... Он постоянно читал и перечитывал, дрожа нервной дрожью, старую книгу мифов — почетный приз, полученный его дедом... На форзаце был написан девиз по латыни: «Все побеждает упорный труд». Листая покрывшиеся рыжими пятнами страницы, он рассматривал очаровавшие его гравюры: Сизиф с камнем, Данаиды... и выходящий из подземного мира Орфей, ведущий за руку Эвридику. И несмотря на свой скрытый вуалью греческий профиль, она походила на девочку из книги Киплинга... Голова Флавьера мерно покачивалась в такт движению поезда. Ему было хорошо, он наслаждался самим собой, своей усталостью, своей вновь обретенной свободой. В Нице он, возможно, купит себе виллу где-нибудь на окраине. Днем он будет спать, а по вечерам в час, когда летучие мыши машут крыльями, словно черные бабочки, будет бродить по берегу ни о чем не думая... О! Ни о чем не думая! Он все глубже погружался в небытие дремоты, словно странник, постепенно узнающий свою страну и начинающий идти все увереннее.

Неожиданно Флавьер сошел с поезда, когда тот остановился в Марселе. Разумеется, и речи быть не может, чтобы оставаться в этом городе. Впрочем, он все же решил выяснить этот вопрос у служащего вокзала.

— Ваш билет дает вам право продолжить путь в течение восьми последующих дней.

Итак, бесполезно хитрить и обманывать самого себя, ему вскоре придется отсюда уехать. А это простая остановка в пути, ни к чему его не обязывающая. Он только проверит, и ничего больше. Флавьер поднял руку, останавливая такси.

— В «Асторию».

— В «Уолдорф Асторию»?

— Ну, разумеется, — сказал Флавьер.

В холле огромной гостиницы он осторожно осмотрелся. Флавьер прекрасно знал, что это была игра —

он играл в данный момент в страх, который сам на себя нагнал. Ему нравилось это волнение и ожидание неизвестности!

— Вы надолго заказываете номер?

— Э... да, возможно, на неделю.

— У нас свободен только один большой двухкомнатный номер с гостиной на втором этаже.

— Мне все равно.

Ему это даже почему-то нравилось: сказывалась привычка к роскоши, чтобы поверить в комедию, которую он сам для себя играл. Поднимаясь в номер, он спросил лифтера:

— Скажите, какого числа генерал де Голль приезжал в Марсель?

— В позапрошлом воскресенье.

Значит, прошло двенадцать дней, подсчитал Флавьер. Это много.

— А вы случайно не встречали здесь мужчину средних лет, элегантного, с жемчужной булавкой в галстук?

Ожидая ответа, он чувствовал, как под ребрами покалывает предательская боль, хотя он заранее знал ответ.

— Нет, я не помню, — ответил лифтер. — Здесь за день проходит столько людей!

Черт возьми! Да это и так ясно! Вовсе не из-за чего разочаровываться. По старой привычке Флавьер закрыл дверь на ключ. У него всегда была страсть к разного рода задвижкам, надежным замкам, но теперь она просто переросла в манию. Побрившись, он изысканно оделся. Это тоже входило в правила игры. Его руки слегка дрожали, а глаза, отражение которых он видел в зеркале в ванной, блестели, словно у актера перед выходом. Небрежной походкой он спустился по широкой лестнице и направился к бару, держа одну руку в кармане своего наглухо застегнутого пиджака, так, словно он ожидал встречи с каким-нибудь своим старинным другом. Его взгляд быстро забегал по сторонам, останавливаясь на женщинах. Увидев свободное место у стойки, он сел.

— Виски!

По обе стороны узкой танцевальной площадки сидящие в креслах люди о чем-то болтали. Какие-то муж-

чины с сигаретами в руках беседовали стоя. В стаканах стояли маленькие флажки, на каждой бутылке играли отблески, исполняемая синкопами музыка медленно билась, словно в лихорадке, и жизнь начинала походить на сказку. Флавьер пил виски быстрыми жадными глотками, и его тоже начала охватывать лихорадка. Он чувствовал себя уже готовым. Только вот к чему?..

— Еще виски!

Наверное, он был готов, не дрогнув, вынести присутствие той пары из кинохроники. Хорошенько рассмотреть их, а затем уйти. Большого он не просил. Быть может... они в зале ресторана? Он направился в огромный зал, в котором к нему подскочил гарсон и тут же подвел его к столику.

— Месье один?

— Да, — рассеянно ответил Флавьер.

Несколько ослепленный светом и смущенный, он неловко сел на предложенный стул, не осмеливаясь до поры до времени рассматривать посетителей. Почти наугад он выбрал несколько блюд, а затем со скучающим видом начал медленно, осторожно разглядывать сидящих в зале. Было много офицеров и очень мало женщин, и на него никто не обращал внимания. Одинок сидящий в своем углу, он никого не интересовал. И вдруг понял, что попросту теряет время, что его умозаключения были нелепыми и что та парочка вовсе не останавливалась в этой гостинице. Камера случайно зафиксировала их двоих, остановившихся на тротуаре. Они вполне могли выйти из машины или же прийти из соседней гостиницы. Так что же делать? Обыскивать город? С какой стати? И для чего? Для того, чтобы найти женщину, смутно напоминающую... Чтобы вернуть к жизни превратившуюся в пепел любовь?..

Он заставил себя поесть. Да, он был до ужаса одинок. Он навязал себе эту поездку и путешествие в Ниццу, чтобы погрузиться в огромную волну шума, радости и ненависти, омывающую Европу. Что же касается его паломничества, так это не более, чем предлог. И этим вечером он был ничем иным, как обломком, выброшенным на берег прибоем. Ему оставалось лишь вернуться назад, в Дакар, и снова заняться своими монотонными делами. Если уж на то пошло и ему так хочется излечиться, то ведь там тоже есть клиники...

— Вам кофе с ликером?

— Да.

Время шло. Флавьер курил, беспокойно шаря глазами, чувствуя, как у корней волос выступает пот. Вокруг него под звон приборов и подносов поднимались и садились люди. Так что абсолютно бесполезно оставаться здесь восемь дней. Завтра же ему необходимо уехать в Ниццу и немного передохнуть, прежде чем еще раз распрощаться с Францией. Встав, он почувствовал, как ломит все его кости и насколько он разбит после этого путешествия. Зал уже опустел. Зеркала бесконечное число раз отражали его отощавший силуэт, лавирующий между столиков. Он медленно поднялся по лестнице, дабы предоставить себе последний шанс, однако ему повстречались лишь два американца, которые скатывались вниз, перепрыгивая через ступеньки. Зайдя в номер, Флавьер разделся и швырнул свою одежду в кресло, лег и повернулся на бок. Заснул он с трудом, и даже во сне ему казалось, что он ищет что-то, постоянно ускользающее от него.

Утром, открыв глаза, он ощутил во рту как бы привкус крови и почувствовал себя крайне уставшим. Без всякого энтузиазма поднялся. Вот до чего он дошел по своей же собственной вине! Если бы он забыл Мадлен еще тогда, в сороковом, если бы он не находил удовольствия в трауре по ней, если бы он не пренебрег своим лечением... А теперь он, возможно, обречен. О! Как он сейчас себя возненавидел! Как он злился на себя за то, что был человеком со сложными чувствами, эстетствующий, культивирующий подозрительные, приводящие в смятение чувства! Он осторожно помассировал свои веки, затем жестом, ставшим для него привычным, приложил руку ко лбу... Он болен!.. Он просто болен!.. Отныне все будут ласково беседовать с ним... Закончив свой туалет, он поторопился просмотреть железнодорожное расписание. Марсель, со своим дымом, шумом и слишком оживленной жизнью, бурлящей на улицах, казался ему городом ненадежным. И ему хотелось, чтобы за ним по-матерински ухаживали одетые в белое женщины, ему хотелось тишины, он мысленно придумывал очередной роман, чтобы победить ту ужасную мысль, которая несмотря ни на что, время от времени проры-

валась в нем, словно артерия, наполненная черной кровью: «Я пропал!»

Одевшись, он вышел в длинный коридор, устланный ковром. Голова у него по-прежнему болела. Тогда он спустился по лестнице, ступенька за ступенькой, вздохнул поглубже и направился к дежурному. В небольшом зале, расположенном напротив кассы, завтракали постояльцы — солидные мужчины, челюсти которых с отвратительной методичностью сжимались и разжимались. Флавьер посмотрел на одного полного мужчину... Не сон ли это?.. У мужчины на галстук... о боже!.. Неужели это он?.. Элегантный мужчина лет пятидесяти разрезал надвое хлеб, беседуя с молодой женщиной. Последняя сидела спиной к Флавиеру. Это была брюнетка с очень длинными волосами, наполовину спрятанными шубой, брошенной на ее плечи. Для того, чтобы увидеть ее лицо, нужно было бы войти в зал... Да, он сейчас войдет... Но немного позже. В настоящий же момент он чувствовал себя слишком взволнованными. Эти глупые эмоции были ему совсем ни к чему. Машинально он вынул сигарету из портсигара, но тут же положил ее на место. Никаких опрометчивых поступков! И прежде всего этот мужчина с женщиной никоим образом не интересуют его. Облокотившись о стол, он тихо и доверительно спросил у служащего:

— Скажите, этот господин, который сидит вон там... ну, тот, несколько лысоватый... видите... ну, тот самый, что разговаривает с женщиной в шубе... вы не назовите его имя?

— Алмариан.

— Алмариан!.. А чем он занимается?

Служащий подмигнул:

— Всем понемножку... Сейчас есть возможность подзаработать денег... Вот он и зарабатывает!

— А это его жена?

— Уверен, что нет... Знаете, он никогда не оставляет ее надолго.

— Есть ли у вас железнодорожное расписание?

— Разумеется, месье.

Сев в кресло в холле, Флавьер сделал вид, что листает расписание, а сам поднял глаза. Отсюда ему легче было наблюдать. И уверенность зажглась в нем,

словно темное солнце... Мадлен! Это была она! Да и как вообще он мог сомневаться?.. Правда, она изменилась, постарела, ее лицо отяжелело... Это была не-множко другая Мадлен, но все же это была Мадлен... Все та же!

Флавьер медленно соскользнул в глубину кресла, откинув голову на спинку. У него не хватило сил достать носовой платок, чтобы вытереть пот, обильно выступивший на лице. Возможно, он потерял бы сознание, если бы попытался сделать какой-нибудь жест или же сформулировать какую-нибудь мысль. Он не шевелился, а образ Мадлен снова присутствовал в его памяти, молниеносно носился в его сознании, пылал под смежившимися веками. «Я просто умру, если это действительно она», — подумал он. Расписание, выскользнув из его рук, упало на пол.

...Медленно, неуверенно, Флавьер все же взял себя в руки. Не станет же он в конце концов терять голову из-за того, что увидел двойника Мадлен! Он открыл глаза. Нет, это не двойник! Но кто может сказать, почему мы так уверены, что узнаем кого-то. Теперь-то он знал, что Мадлен здесь, рядом с этим толстым Алмарианом, точно так же, как он знал, что это все не сон, что его точно зовут Флавьер и что он сейчас испытывает адские муки. А испытывает он муки от того, что так же точно знает и сам лично убедился в том, что Мадлен уже была мертва...

Поднявшись, Алмариан предложил своей даме руку. Склонившись над расписанием, Флавьер так и застыл в этой позе на время, пока парочка выходила в холл и проходила мимо него. Он заметил полу шубы и элегантную обувь... Подняв голову, он увидел их сквозь решетку лифта, рисующую на лице Мадлен тонкую сеть теней, похожую на вуаль, и он снова испытал тот горький привкус старой любви. Флавьер поднялся и, сделав несколько неуверенных шагов, бросил расписание на стол, задаваясь вопросом: узнала ли его она?

— Месье сохраняет за собой номер? — поинтересовался служащий.

— Разумеется! — буркнул Флавьер.

Этот ответ заранее предрешал его судьбу, и он это прекрасно понимал.

Все утро Флавьер бродил под теплыми лучами сол-

нца на подступах к старому порту. Здесь сновали спекулянты. При прохождении составов старые камни мостовой дрожали, словно кратер вулкана. С опаской он попытался предаться шуму и сиянию толпы. Сколько бы людей ни было рядом с ним, они все равно не смогут развеять этот страх... Ведь он же видел ее труп собственными глазами... Да и Жевинь его тоже видел, и та старуха, которая готовила Мадлен в последний путь... и полицейские, уполномоченные вести это дурацкое расследование. Человек десять наверняка опознали ее... Значит, спутницей этого Алмариана была вовсе не Мадлен...

В баре на улице Канебьер он выпил анисового ликера... Всего лишь одну рюмку, однако сразу же почувствовал, как погружается в легкое забытие. Он раскурил сигарету при помощи зажигалки, той самой зажигалки, которая не могла обманывать, которая лежала в его руке, согретая его пальцами. Мадлен умерла там, у подножия церкви... а до нее умерла Полина... И все же... Он заказал виски, поскольку мысль, мелькнувшая в его сознании, была до такой степени странной, что ему необходимо было сконцентрировать все свои силы, чтобы рассмотреть ее под всеми углами. Он без труда припомнил их беседу в Лувре. «Я уже была здесь с каким-то другим мужчиной, — сказала тогда Мадлен... — Он был похож на вас, вот только он носил бакенбарды...»

Как неожиданно все прояснилось! В то время он еще не мог этого понять, так как был полон жизненных сил и ослеплен предрассудками. Ведь тогда он еще не испытывал ни несчастий, ни болезни... А сейчас был готов принять ту невероятную и утешительную истину. Так же, как и Полина использовала тело Мадлен, так и теперь эта Мадлен... Да и он сам, в какие-то давние времена, о которых он, возможно, уже забыл, видел это фиолетовое море, эти коричневые паруса... Быть может, он тоже умирал?.. Интересно, сколько раз?.. О боже, если бы только можно было быть уверенным, по-настоящему уверенным... А Мадлен, она ведь все знала!.. Тогда почему же он боялся? Чего он опасался? Проснуться? Не верить больше в чудо? Оказаться ужасно обманутым? Нет. Он боялся лишь вновь увидеть ее в ситуации, когда не сможет помешать себе заговорить с ней. Он хотел обязательно поговорить с этой Мадлен. Одна-

ко сможет ли он вынести взгляд ее глаз? Без дрожи слышать звуки ее голоса?

Шатаясь, Флавьер поднялся и побрел в гостиницу, чтобы переодеться к ужину. Он оделся во все черное, считая, что ему по-прежнему следует носить траур. Как только он переступил порог бара, так сразу же заметил ее в зале ресторана. Она, казалось, мечтала, опустив подбородок на скрещенные руки, в то время, как Алмариан что-то тихо говорил мэтр-дотелю. Присев, Флавьер поднял палец, и гарсон, уже хорошо знавший его, поставил перед ним рюмку виски.

На узкой танцевальной площадке кружились пары, а через широко открытую в зал дверь были видны медленно движущиеся посетители. Она выглядела грустной, и именно эта грусть очаровывала Флавьера. Уже тогда... А Жевинь ведь ласкал ее! Забавно, что все ее вещи унаследовали незнакомцы и, наверное, теперь она оказалась бедной и вынуждена была жить с этим Алмарианом, похожим на очень хитрого халифа. У нее в ушах были безвкусные серьги, ногти ее были ярко накрашены. А ведь раньше Мадлен выглядела куда более элегантно! Флавьеру казалось, что он смотрит плохо дублированный фильм с актрисой, случайно снявшейся в роли звезды. Она почти ничего не ела, а лишь время от времени пригубливала бокал. Когда Алмариан встал, она, казалось, испытала некоторое облегчение. Войдя в бар, они поискали свободный столик. Флавьер развернул вертящееся сидение, но вдруг услышал, как Алмариан у него за спиной заказал два фильтра. Быть может, сейчас?.. Нет, у него не хватит духу. Протянув гарсону купюру, он сполз со стула. Теперь ему нужно было обернуться и сделать еще три шага. И тогда четыре года страха перестанут висеть над ним, прошлое и настоящее соединятся, и Мадлен будет здесь, словно они расстались с ней накануне после прогулки по Версалию. И, возможно, она даже забудет, как она ускользнула...

Он вдруг резко ступил три шага и, церемонно склонившись к молодой женщине, пригласил ее на танец. В течение нескольких секунд он видел этого Алмариана вблизи: желтоватого оттенка щеки, увлажненно-бархатно-черные глаза, и рядом поднятое лицо Мадлен, ее блеклый взгляд, выражавший лишь скуку. С хмурым

видом она согласилась. Может ли быть такое, что она еще не узнала его? Прижавшись друг к другу, они танцевали. У Флавьера перехватило горло, ему показалось, будто бы он преступает какую-то важную грань.

— Меня зовут Флавьер, — прошептал он. — Это имя вам ничего не напоминает?

Лишь из вежливости она сделала вид, что пытается припомнить.

— Нет, извините меня... но оно мне действительно ничего не напоминает.

— А вас как зовут? — поинтересовался он.

— Ренэ Суранж.

Флавьер хотел было запротестовать, но вдруг понял, что она, разумеется, должна была изменить свой гражданский статус, и его волнение усилилось. Исподтишка он рассматривал ее. Лоб, голубизна глаз, линия щек, каждая деталь этого любимого лица, сотни раз возникающего в его памяти — все было таким же, как прежде. Если бы он закрыл глаза, то подумал, что перенесся в залы Лувра, где он в первый и последний раз держал Мадлен в своих объятиях. Однако прическа новой Мадлен была не элегантной, и губы ее, несмотря на кремы и помаду, увяли. Но так было даже лучше. Она уже не пугала его. Он осмелился прижать ее к себе и почувствовал, что она так же полна жизни, как и он, хотя смутно опасался, что обнимает тень. Он чувствовал женщину и злился на себя за то, что уже желал ее.

— До оккупации вы, наверное, жили в Париже?

— Вовсе нет. В то время я была в Лондоне.

— Неужели? А вы не занимаетесь живописью?

— Нет, не занимаюсь... Правда, в свободное время я немного рисую, но не более.

— Вы никогда не бывали в Риме?

— Нет.

— А почему вы пытаетесь обмануть меня?

Она посмотрела на него своими светлыми, пустыми, забываемыми глазами.

— Я не обманываю вас, уверяю.

— Сегодня утром вы видели меня в холле и узнали. А теперь вы делаете вид...

Она попыталась высвободиться, но Флавьер еще сильнее прижал ее к себе, благословляя оркестр, игравший непрерывную мелодию.

— Простите меня, — продолжал он.

Впрочем, ведь Мадлен в течение многих лет тоже не знала, что она была Полиной. Ничего удивительного в том, что Ренэ не знает еще, что она Мадлен. «Я совершенно пьян», — подумал Флавьер.

— А он ревнив? — спросил Флавьер, указывая глазами на Алмариана.

— Увы, нет! — грустно ответила она.

— Ну и, конечно же, он промышляет на черном рынке, не так ли?

— Разумеется, а вы?

— Я нет. Я — адвокат. Он очень занятой человек?

— Да, он часто и довольно надолго исчезает по делам.

— Значит, я могу увидеть вас в течение дня?

Она не ответила, а он опустил свою руку на ее талию.

— Если я вам понадобится, — прошептал он, — то знайте, что я живу в семнадцатом номере... Вы запомните?

— Нет... А теперь мне нужно вернуться к нему.

Алмариан курил сигарету и читал «Дофина либере».

— Полагаю, что он прекрасно обходится без вас, — сказал Флавьер. — До завтра.

Поклонившись, он вышел, пересек холл, забыв, что даже не поужинал. Поднимаясь к себе, он справился у лифтера:

— В каком номере живет месье Алмариан?

— В одиннадцатом, месье.

— А как зовут даму, которая живет вместе с ним?

— Ее зовут Ренэ Суранж.

— Это ее настоящее имя?

— Ну конечно же. Это имя записано в ее удостоверении личности.

Флавьер, который никогда не делал никаких подарков, почувствовал вдруг, что стал щедрым. Он отдал бы все, что угодно, лишь бы только узнать... Только бы узнать! Прежде чем лечь спать, он выпил несколько стаканов воды, но так и не смог рассеять туман, в который медленно погружался. Теперь он снова должен был признаться себе, что опять испытывал страх. Даже несмотря на то, что выпил, он прекрасно отдавал себе отчет,

что она не могла не узнать его. В противном случае, либо она потеряла полностью память, либо ломала ко-
медию, либо она была не Мадлен!

Проснувшись на следующий день, он в бешенстве задал себе тот же вопрос и со злорадством заключил, что ему самое время поехать провериться к психиатру в Ниццу. Вспоминая свои вчерашние разглагольствования, он краснел. Впрочем, в Марселе ему больше нечего было делать. Здоровье прежде всего! И к черту эту девушку, похожую на Мадлен!

И тем не менее, дождавшись ухода Алмариана, он подошел к его номеру и постучался, словно был старым знакомым.

— Кто там?

— Флавьер.

Она открыла дверь. У нее были красные глаза, опухшие веки, и она еще не успела одеться.

— Что с вами? Что все это означает?

Она опять заплакала, а Флавьер, закрыв дверь, задвинул защелку.

— Ну-ну, малышка, объясни мне, в чем дело.

— Это все из-за него, — пробормотала она. — Он собирается меня оставить...

Флавьер откровенно разглядывал ее. Ну, конечно же, это была Мадлен. Правда, Мадлен, изменившая ему с Алмарианом, а, возможно, и с другими. Сжав в кулаки засунутые в карманы руки, он криво улыбнулся.

— Подумаешь, трагедия! — сказал он игриво. — Ну и пусть себе оставляет! А я зачем здесь, по-вашему?

Ренэ разрыдалась еще больше.

— Нет! — прошептала она. — Нет!.. Только не вы!

Глава 3

И мею честь сообщить Вам, что указанная Вами сумма была переведена в Марсель на Ваш счет. Этот перевод не слишком сказывается на общей сумме капитала, тем не менее, должен привлечь Ваше внимание на неправильность подобной операции, которая, в случае возобновления, не пройдет, не нанеся ущерба нашей конторе. Надеюсь, Ваше здоровье уже перестало доставлять Вам хлопоты и вскоре мы

будем иметь счастье услышать о Вашем возвращении. У нас здесь все нормально. Дела идут довольно сносно.

Примите, господин директор, мои искренние заверения в самых преданных к Вам чувствах.

Ж. Траубль.»

Флавьер в бешенстве порвал письмо — сейчас малейший пустяк выводил его из себя.

— Что, плохие новости? — поинтересовалась Ренэ.

— Да нет. Этот идиот Траубль вывел меня из себя.

— А кто это?

— Мой заместитель... Послушать его, так завтра нужно ожидать конца света. А ведь доктор Баллар рекомендовал мне длительный отдых... Отдых!

— Иди сюда! — сказал он вдруг резко. — Пойдем подышим воздухом!

Флавьер сожалел, что покинул просторные номера в «Уолдорфе»; комнаты номера «Отель де Франс» были маленькими, мрачными и, кроме всего прочего, страшно дорогими. Однако здесь они могли не опасаться встречи с Алмарианом. Вытащив из портсигара сигарету, он прикурил от спички, так как не осмеливался больше пользоваться зажигалкой с тех пор, как встретил снова Мадлен... Стоя перед зеркалом шкафа, она поправляла прическу.

— Мне не нравится эта прическа, — пробурчал он. — Ты не могла бы немного изменить ее?

— Как изменить?

— Ну, почему я знаю? Завязать волосы, например, узлом на затылке.

Говорил он, конечно, не задумываясь, и тут же разозлился на себя за сделанное им замечание. К чему вновь возобновлять ссору, длящуюся уже не один день и чередующуюся с изнуряющей грубостью и обманчивым успокоением? Они крутились друг возле друга, словно два животных, заброшенных в одну клетку, рыча, показывающих клыки друг другу или же лежащих и отвлеченно мечтающих о свободе.

— Я жду тебя внизу.

Он спустился напрямик в бар и бросил гневный взгляд на улыбавшегося гарсона. Все они походили друг на друга там за своими стойками — такие мягкие, вкрадчивые, все понимающие, шепчущие на ухо

свои предложения, словно они старались обмануть какого-то подозрительного свидетеля. Флавьер выпил рюмку. Он мог себе позволить пить, потому что теперь был во всем уверен. И напрасно она все отрицает — он все равно уверен! В нем жила абсолютная, глубокая уверенность, идущая от плоти и крови, словно Мадлен была его ребенком, а не любовницей. Впрочем, то, что она была любовницей, значило несравненно мало. Ведь он прекрасно обходился и без плотской любви. И даже был несколько разочарован, убедившись, что Мадлен тоже доступно телесное наслаждение. То, что ему всегда нравилось в ней, было что-то такое... он даже не знал, как это выразить... Наверное, это было то, что она представлялась ему не совсем реальной. А вот теперь, напротив, Мадлен, казалось, старалась походить на всех женщин, так как изо всех сил стремилась быть Ренэ. Она просто беспощадно цеплялась за эту новую оболочку, лишенную всякой таинственности. Но вместе с тем... Если бы она только согласилась раскрыть свою тайну! Тогда бы он почувствовал себя чудесным образом исцеленным от одиночества! Ведь это он был мертвецом, а она — вполне живым человеком!

Она спустилась по лестнице, а он с какой-то гримасой на лице наблюдал, как она подходит к нему. Платье на ней было неприятного цвета, вдобавок претенциозное и плохого кроя, да и туфли были на недостаточно высоком каблуке... И потом... Ей необходимо пользоваться совершенно другой косметикой: немного румян, чтобы сделать щеки немного впалыми и придать скулам их волнующую выпуклость, а вот несколько штрихов карандаша придали бы бровям их былую растерянность. Вот они-то и выдавали былую Мадлен. Заплатив, Флавьер пошел навстречу даме. Ему хотелось заключить ее в объятия, чтобы или нежно обнять, или задушить.

— Я торопилась, чтобы побыстрее прийти, — сказала она.

Флавьер чуть было не пожал плечами. Она уже не умела находить слова, которые он от нее ждал. Даже то, как она просовывала свою руку ему под локоть, злило его. Кроме того, Мадлен стала слишком кроткой и боязливой и даже немного побаивалась Флавьера, а его эта боязнь особенно раздражала. Они оба медлен-

но шли рядом. «Если бы мне предложили подобное место тому назад, я бы умер от счастья», — подумал он. Но вместе с тем он никогда еще не чувствовал себя таким несчастным, как сейчас.

Проходя мимо витрин, она замедлила шаг и заметно повисла на руке Флавьера, а тот кипел от возмущения, считая подобную фривольность вульгарной.

— Во время войны тебе, должно быть, многого недоставало?

— Мне всего недоставало, — прошептала она.

И это признание растрогало его.

— Это Алмариан одел тебя в такое тряпье?

Он знал наперед, что это слово обидит ее, и вместе с тем не смог удержаться, чтобы не произнести его. Ее пальцы судорожно сжались в его руке.

— Я была очень рада, что мне посчастливилось зацепиться за него.

Теперь настал его черед снести обиду. Но такова была игра, хотя он и не мог с этим смириться.

— Послушай, ты! — в бешенстве начал он...

Впрочем, к чему продолжать?

Флавьер привел ее в центр города.

— Не иди так быстро, — попросила она, — мы ведь гуляем.

Но он не удостоил ее ответом, а лишь рассматривал витрины магазинов. В конце концов он нашел то, что искал.

— Пойдем!.. Вопросы будешь задавать потом.

У входа в магазин им церемонно поклонился служащий.

— Где отдел готового платья? — отрывисто спросил его Флавьер.

— На втором этаже. Лифт в глубине зала.

На этот раз он был настроен решительно, и его заместителю Траублю придется еще раз раскошелиться. Душу Флавьера обжигало какое-то горькое наслаждение. Теперь-то она точно во всем признается!.. Ей придется признаться! Лифтер закрыл решетку, и кабинка поползла вверх.

— Дорогой! — прошептала Ренэ.

— Замолчи!

Он подошел к продавщице.

— Покажите, пожалуйста, нам наиболее эlegantные платья, какие только у вас имеются?

— Хорошо, месье.

Флавьер присел. Он немного запыхался, словно после утомительного упражнения. Разложив на длинном столе платья всевозможнейших фасонов, продавщица попросительно посмотрела на Ренэ. Однако Флавьер тут же вмешался, ткнув пальцем:

— Вот это.

— Черное? — удивилась продавщица.

— Да, черное, — ответил он и добавил, поворачиваясь к Ренэ: — Надень его... доставь мне удовольствие....

Сперва она в нерешительности остановилась и под взглядом наблюдавшей за ними продавщицы покраснела, но затем решительно вошла в примерочную. Встав с места, Флавьер принялся расхаживать взад-вперед. Его вдруг охватили былые ожидания и все та же то появляющаяся, то исчезающая тревога, те же спазмы в груди — словом, он вновь зажил прежней жизнью.

Он крепко сжимал в кармане зажигалку. Заметив, что время идет слишком медленно и что его руки начинают охватывать нервная дрожь, он решил поискать на вешалках подходящий женский костюм. Флавьеру непременно хотелось, чтобы он был именно серого цвета, однако ни один из имеющихся в магазине не понравился ему, так как не походил на тот, что хранился в его памяти... Не идеализирует ли его память подобные детали? Точно ли он их запомнил?.. Когда скрипнула дверь примерочной, он резко обернулся и испытал тот же шок, что и в «Уолдорфе», тот же шок, пронизавший все клетки тела. Его взору представилась вновь воскресшая Мадлен, вначале застывшая на месте и как бы узнавшая его. Несколько побледневшая и идущая ему навстречу все с тем же грустным вопросом в глазах, что и прежде. Он сперва было протянул к ней свою похудевшую руку, однако тут же опустил ее. Нет, облик Мадлен был еще несовершенным. И как это он раньше не заметил этих сережек, отблеск которых полностью разрушал линию нежного профиля?

— Сними это, — тихо попросил он.

Но поскольку она смотрела на него непонимающим взглядом, он сам чуть ли не сорвал с нее эти крича-

щие серьги. Отступив на шаг, чтобы получше рассмотреть ее, он испытал разочарование художника, которому не под силу полностью реализовать свое видение картины.

— Ладно, — сказал он, — обращаясь к продавщице. — Мадам пойдет в этом платье... И вот тот костюм, это ведь тот же размер, да?.. Заверните его. И еще покажите нам, где у вас находится обувный отдел.

Ренэ полностью доверилась Флавьеру в подборе обуви. Она, наверное, понимала, почему он так долго изучает каждую пару и, похоже, спорит с самим собой, критикуя про себя изгиб каблука или рисунок стяжки. Наконец он выбрал маленькие блестящие туфельки и подал их Ренэ.

— Ну-ка! А теперь пройдишь в них!

И она пошла, покачиваясь на высоких каблуках, с целеустремленным видом. Обтянутые черной тканью платья, ее бедра начали понемногу оживать.

— Достаточно! — крикнул Флавьер.

Но так как продавщица подняла на него удивленный взгляд, он поспешил добавить:

— Мы берем их, а остальные сложите в одну коробку.

Взяв свою спутницу под локоть, Флавьер подвел ее к зеркалу.

— Посмотри на себя, — прошептал он. — Посмотри же на себя, Мадлен!..

— Прошу тебя, не надо! — умоляюще проговорила она.

— Ну посмотри же! Еще одно усилие... Посмотри в зеркало на эту женщину в черном... Ты же сама прекрасно видишь, что ты не Ренэ! Ну же, вспомни!

Часть ее лица свело от страха, рот напрягся, зато другая часть лица, в свою очередь, хоть и неравномерно, но оживала, излучая неуловимый отблеск. Он повел Мадлен к лифту. Что касается прически, то с ней они разберутся попозже. А вот духи — этот призрак прошлого — необходимо отыскать и как можно быстрее. Теперь дороги назад уже нет и... будь что будет...

Оказалось, что нужные ему духи уже не выпускались, и Флавьер совершенно напрасно тратил время, объясняя продавщице, что он хочет.

— Нет... я не понимаю, о каких духах вы говорите... — отвечала ему девушка.

— Ну как же... Я просто не знаю, как вам это объяснить... эти духи пахнут как бы свежей землей и увядшими цветами...

— Может быть, это «Шанель № 3»?

— Да, наверное.

— Но эти духи больше не выпускаются, месье. В каком-нибудь маленьком магазинчике вам, возможно, и удастся их отыскать, но у нас вы их напрасно ищете.

Ренэ тянула его за рукав, а он все стоял, ощупывая изящные формы флаконов. Без этих духов ему не удастся полностью восстановить прежнюю Мадлен. В конечном итоге ему все же пришлось уступить, однако прежде чем покинуть магазин, он купил Мадлен шляпку из кротового меха с изощренно загнутыми полями. Расплачиваясь, Флавьер краем глаза следил за так хорошо знакомым силуэтом, стоящим возле него. Сердце его неожиданно смягчилось, и он сам взял Мадлен за руку.

— К чему все эти сумасшествия? — спросила она.

— К чему?.. Да к тому, что я хочу, чтобы ты вновь стала прежней. Я хочу, наконец, знать правду.

Она находилась в напряжении, и он почувствовал ее враждебность, отчужденность, но продолжал держать ее, крепко прижав к себе. Она больше не ускользнет от него, и ей, в конце концов, придется уступить.

— Я хочу, чтобы ты была самой красивой, — продолжал он. — И забудь Алмариана, — он никогда не существовал.

В течение нескольких минут они шли, прижавшись друг к другу, и он не мог удержаться, чтобы не сказать:

— Не может быть, чтобы тебя звали Ренэ. Ты видишь, я вовсе не сержусь на тебя... и говорю совершенно спокойно.

Но стоило ей только вздохнуть, как его тут же понесло:

— Да, да, я знаю! Тебя зовут Ренэ и ты до войны жила в Лондоне со своим отцом, братом и дядей Шарлем. А родилась ты в Дамбремоне, в Вогезах, в крошечной деревушке, стоящей на реке... Ты уже мне рас-

сказывала все это, однако все это не так. Ты ошибаешься.

— Давай не будем опять начинать все сначала, сдерживая слезы, попросила она.

— А я и не начинаю. Я только предполагаю, что с твоей памятью не все в порядке. Должно быть, в такой момент ты чем-то заболела, чем-то серьезным.

— Уверяю тебя...

— А некоторые болезни оставляют после себя страшные последствия.

— Что-то я не припоминаю таких болезней... В десять лет я, правда, переболела скарлатиной, вот, пожалуй, и все мои болезни.

— Да нет, не все.

— Ну сколько можно, в конце концов!

Он попытался проявить терпение, словно Мадлен была хрупким и больным существом, к которому опасно было прикасаться, однако подобное упрямство выглядело просто невыносимым.

— Ты почти ничего не рассказывала мне о своем детстве, — продолжал он. — А мне бы очень хотелось узнать о нем поподробнее.

Они как раз проходили мимо музея, поэтому Флавьер поспешно добавил:

— Давай зайдем! Здесь никто не мешает нашей беседе.

Но как только они вошли в вестибюль, он сразу же понял, что его беспокойство оживет с еще большей силой и будет терзать его сильнее прежнего. Шорох их шагов, висящие на стенах картины, портреты и царящая вокруг тишина — словом, все будет мучительно-настойчиво напоминать ему об их прогулке по Лувру. Чтобы не нарушать безмолвия залов, его спутница понизила голос, и неожиданно к ней вернулись интонации, присущие Мадлен, и то самое приглушенное контральто, придававшее ее откровениям еще большую цену. Флавьер слушал не столько ее слова, сколько чарующую их мелодию. Она рассказывала ему о своем детстве, и это детство, разумеется, было почти в точности похоже на детство Мадлен. Она тоже была единственным ребенком... сиротой... До получения аттестата училась на подготовительных курсах. Затем уехала в Англию, работала там переводчицей. И рука Флавьера ощу-

шала то же хрупкое, волнующее его тело, которое ему еще сильнее захотелось сжать в объятиях. Остановившись перед картиной с изображением старого порта, дрогнувшим голосом он спросил:

— Тебе нравятся такие картины?

— Нет... Я не знаю... Честно говоря, я ничего не смыслю в живописи.

Вздыхнув, он увлек ее дальше, в макетный зал, к каравеллам, галерам, трехмачтовому кораблю с точной копией всех его пушек и паутиной крошечных канатов.

— Ну, ну, рассказывай дальше.

— Что рассказывать?

— Да все: чем ты раньше занималась, о чем думала.

— О! Я была девочкой, такой же, как и все... Разве что, может быть, менее веселой. Я очень любила читать, особенно легенды.

— И ты тоже?

— Как и все дети! Прогуливаясь по окрестным холмам, я придумывала различные истории. Я смотрела на жизнь, как на сказку...

Они вошли в зал, посвященный античному Риму. Вдоль стен стояли мечтающие на своих цоколях и консолях статуи и бюсты с пустыми глазницами и вьющимися волосами. Флавьеру еще больше стало не по себе. Эти лица консулов походили на размноженную посмертную маску Жевиня, и Флавьер, помимо своей воли, вспоминал некоторые слова своего друга: «Мне бы хотелось, чтобы ты присмотрел за моей женой... Ее поведение тревожит меня...» Теперь оба они были мертвы... И не только голоса, но и внешний облик... А Мадлен, как и прежде, шла рядом с ним.

— И тебе никогда не приходилось жить в Париже? — спросил он.

— Нет. Я была там только проездом, когда уезжала в Англию, вот и все.

— А когда умер твой дядя?

— В мае прошлого года... Вместе с дядей я потеряла работу, поэтому мне пришлось вернуться.

«Ей-богу, — подумал Флавьер, — я задаю ей вопросы так, словно она совершила какое-то преступление!»

Он уже сам не очень хорошо осознавал, чего он хочет от нее добиться. Он испытывал горечь и разочаро-

вание. Рассеянно слушая Мадлен, он все время спрашивал себя: не лжет ли она ему. Однако зачем ей нужно было лгать? И как можно придумать все эти подробности, которыми она буквально ошарашивала его? Даже самый подозрительный человек, и тот поклялся бы, что она никто иная, как Ренэ Суранж.

— Ты не слушаешь меня, — сказала она. — Что с тобой?

— Ничего... Я немного устал. Здесь душно.

Быстро миновав оставшиеся залы, они, к большой радости Флавьера, очутились опять на улице, где светило солнце и откуда доносились шумы. Ему захотелось побыть одному, пойти выпить.

— Я оставлю тебя здесь, — сказал Флавьер. — Мне необходимо пойти узнать насчет дополнительного питания, которое мне положено... А затем я загляну в комиссию по снабжению. А ты пока погуляй... Можешь купить все, что тебе понравится. Вот, держи!

С этими словами он вынул из кармана кучу скомканных банкнот и тут же пожалел об этом жесте, похожем на раздачу милостыни. И зачем только он сделал ее своей любовницей? Ведь он сам все перепутал. Он создал какого-то монстра, который не был ни Ренэ, ни Мадлен.

— Не задерживайся там, — бросила она ему вдогонку. И пошла по залитому солнцем тротуару. Вот она отошла на двадцать, на тридцать метров, и... он чуть было не бросился за ней вдогонку — до того ее движения, жесты, плечи и стремительная походка напоминали Мадлен. Вот сейчас она уже у перекрестка. О боже! А вдруг она навсегда покинет его?! А ведь он сам разомкнул руки и позволил ей сбежать... Да нет же, дурачок, она не сбежит... Этого не стоит опасаться!.. Она не настолько глупа. Вот увидишь, она будет послушно дожидаться тебя в гостинице.

Не в силах больше бороться со своим желанием выпить, он зашел в первое попавшееся кафе.

— Анисового ликера!

Окончание следует

Перевод с французского Алексея ДРОЗДОВСКОГО

ИСТИНА ЕСТЬ ПОБЕДА

(С писателем **ГУРАМОМ ГЕГЕШИДЗЕ**
беседует журналист **АВТАНДИЛ ГВЕЛЕСИАНИ**)

Автандил Гвелесиани: «Неужели?» — этот знаменательный, я бы сказал, мучительный вопрос поставил в свое время Илья Чавчавадзе перед грузинской общественностью. По сути своей вопрос этот социального, нравственно-этического характера, похоже, он никогда не утратит своей актуальности, ибо и сегодня — перед нами немало проблем, требующих своего разрешения.

Гурам Гегешидзе: Вся история Грузии — это борьба за существование. Тяжелая борьба, оставившая глубокий след в психике грузинского народа. В сравнении с Грузией эпохи Давида Строителя и царицы Тамар, когда она была независимым государством и имела высокую по тем меркам культуру (достаточно упомянуть только Шота Руставели), Грузия сегодняшняя переживает упадок. Но если сравнить нынешнюю нашу жизнь с положением дел в последующих веках, хотя бы в XVII-XVIII-XIX, то мы не так уж беспомощны и несчастны. Правда, у нас есть потери, но есть и достижения. Хотя глядя на сегодняшнюю Грузию, можно помечтать о лучшей доле, но все мы помним и гораздо худшие времена. Взять хотя бы XIX век: грузинская церковь и грузинская школа упразднены; грузинский язык скомпрометирован; Грузия как административное единое целое не существует. Сегодня, я думаю, мы в гораздо лучшем положении. Тогда наша страна даже не называлась Грузией, сегодня она — Грузинская республика. Среднее образование, равно как и высшее, мы получаем на родном языке, и если уровень его не так высок, как хотелось бы, то это уже другой вопрос, не о нем сейчас речь. Сегодня много говорят о морально-нравственном упадке, но ведь корни его лежат глубоко, это явление имеет свою историю. В последнее

время я прихожу к мысли, что социал-демократическое движение в Грузии, одной рукой боровшееся с царизмом, другой под- держивавшее его тем, что вело войну с национально-освободительным движением у себя на родине, оказывало пагубное влияние на национальное самосознание грузинского народа, попросту уничтожало его. Не думаю, что пятьдесят лет назад, в конце 30-х годов, дело обстояло лучшим образом. Сегодня очевидно для всех, что люди того поколения без всяких на то оснований, не щадя, губили друг друга. Был разгул низменных страстей, в обществе царила атмосфера клеветы, навета, доносительства, и все это ради получения лишней жилплощади, ради продвижения по службе. Достаточно бывало ничтожной причины, чтобы родственник обрел на смерть родственника, обвинив его во вредительстве, друг — друга, сосед — соседа. Так что людям этого поколения (безусловно, имеются в виду далеко не все) похвастать нечем, им бы лучше помалкивать. Может быть, все это — следствие гражданской войны? Не исключено, что гражданская война оказывает губительное воздействие на психику нации: когда брат не щадит брата, а родич — родича, то уже не кажется массе злом. Наркомания и взяточничество тогда, правда, не поражали размахом, зато был политический фанатизм и близорукость, в результате чего люди, совершенно невежественные и бездарные, выдавая себя за строителей нового общества, разрушали все вокруг. С другой стороны, то время гораздо богаче настоящими патриотами, истинными интеллигентами, сформировавшимися в предыдущую эпоху, возвращенными национально-освободительными идеями, проникнутыми их благороднейшим духом, и несмотря на то, что преследование их носило почти тотальный характер, они умудрялись делать воистину великие дела во славу родной науки, литературы, искусства, что сегодня случается гораздо реже.

Так что я не могу сказать, что мы откатились назад, хотя и особого прогресса не наблюдается. Что и говорить, от передовых стран и народов мы весьма ощутимо отстаем. Культура нашего быта очень низка. А достижения духовной культуры имеют ценность в том случае, когда к ним приобщается весь народ, во всяком случае, когда они оказывают определенное влияние на его жизнь, в противном случае это — никому не нужный клад. Кто в наши дни следует заветам Руставели? Большинство, может быть, и не читало его. Но в этом повинны не только наши национально-генетические свойства, но и та сложная эпоха, в которую мы живем. Если условия изменятся

к лучшему, я надеюсь, грузинский народ найдет в себе силы сделать шаг вперед на пути своего развития и совершенства.

А. Г. — Воздух свободы, ворвавшийся в нашу жизнь, порой несет с собой определенные сложности и трудности. В ряде случаев мы не готовы к ним. Наверное, надо учиться жить новой жизнью, что, в свою очередь, требует нового мышления. Свобода включает в себя и понятие ответственности, а ответственность — определенную «школу», твердые гражданские и профессиональные навыки, социальные нормы. Мы — порождение определенной инерции, называемой периодом застоя, ее участники и свидетели — практически учимся заново. Что вы можете сказать по этому поводу?

Г. Г. — Вы совершенно правы, мы еще не готовы к свободному мышлению, попросту у нас нет практики свободно высказывать свои мысли. И это имеет свою историю. Свободная мысль в Российской империи всегда подавлялась, «грузинский феномен», как думают некоторые, здесь ни при чем. Культ Сталина — это одно, Грузия и грузины — другое. Сталин, как и Орджоникидзе, Берия и многие им подобные, вовсе не являются национальными деятелями. Грузинский феномен — это Илья Чавчавадзе, но Илья не оказывал никакого влияния на русскую историю. К нашему несчастью, грузины, деятели Российской социал-демократической партии, приняли его учение в штыки. Они всячески старались растлить возрожденное Ильей и его соратниками грузинское национальное самосознание. Они были противниками не только политической независимости Грузии, но и ее культурной автономии. Грузинский университет, основанный выдающимися нашими патриотами, им удалось на какое-то время преобразовать в обыкновенный педагогический институт. Интересно, кому из тогдашних руководителей мы должны быть благодарны за это?! В те же годы Руставели и Илья Чавчавадзе были фактически под запретом в Грузии. Могут ли деятели, с благословения которых происходило подобное, считаться грузинскими деятелями? Это были люди с чудовищной амбицией, одержимые национальным нигилизмом, их не смущало то, что при жизни их именами называют целые города и поселки, не говоря уже об улицах. Назовите хоть один город в Грузии, носящий имя какого-либо нашего великого предка, в то время как у нас есть города Махарадзе, Цхакая, Гегечкори и проч.

В этом смысле сталинизм — негрузинское явление, а сталинские репрессии — продолжение деспотической политики

Ивана Грозного и Петра I. Напрасно иные современные борзописцы забывают общеизвестные факты из собственной истории.

Если три миллиона грузин сумели навязать свои правила и обычаи двухсотмиллионному народу, тогда плохи его дела, и над этим стоит задуматься. И тот факт, что вышеупомянутые борзописцы пытаются объяснить репрессии сталинского режима грузинским феноменом, говорит об отсутствии у них элементарной объективности, способности да и желания нести какую-либо ответственность за это.

На страницах сегодняшней русской прессы часто можно встретить унижительные, порой даже оскорбительные высказывания в наш адрес с обывательских позиций. И мы из страха, что нас обвинят в национализме и провинциализме, не можем защитить себя и объяснить, откуда все наши боли и проблемы.

Иные историки полагают, что по таким вопросам специалистам высказываться не стоит, ибо они, оказывается, не имеют доступа к документам. Знание документов, безусловно, обязательно — двух мнений тут быть не может, но, с другой стороны, не всякому документу можно верить. Всем известно, что документ можно и состряпать, такой документ представляет действительность в ложном свете. Никакая бумажка никогда не заменит то, что сохранила народная память. В данном случае народная память — самый правдивый документ, поскольку речь идет о нашем ближайшем прошлом, которое все помнят и которое все еще волнует нас.

В народной памяти сохранился факт физической ликвидации Сачхерского и Чиатурского обществ в первые годы установления Советской власти в Грузии, когда совершенно безвинных людей загнали в железнодорожные вагоны и на станции Аргвети безжалостно расстреляли из пулеметов. Пусть ответят нам специалисты по истории партии, кто организовал эту бойню, какую цель преследовала она, какое отражение нашла в документах. В памяти народной она осталась как жуткий пример нечеловеческой жестокости. Я сознательно не называю имя человека, нашего соотечественника, обвиняемого в этом страшном преступлении. Не называю потому, что без абсолютной уверенности нельзя предъявлять кому-либо столь тяжкое обвинение. Беспристрастный ответ на этот вопрос должны дать именно историки, довольно затушевывать и замалчивать его.

Наверняка не нашел отражения в документах и другой факт — перед смертью один из известных «деятелей» того времени, оказывается, воззвал к своим единомышленникам,

пришедшим его навестить: неужели же мы родились на свет для того, чтобы уничтожить грузинскую нацию?! Как видно, иных из них мучила совесть за пролитую на собственной земле кровь, а крови они пролили более чем достаточно. Свидетели событий тех лет живы и поныне.

Раз уж мы дожили до гласности и получили возможность говорить правду, надо, наконец, прямо сказать и то, что часть грузинской общественности весьма негативно оценивает деятельность Серго Орджоникидзе в Грузии. Его также обвиняют в жестоких репрессиях и самоуправстве в определении границ Грузии. В последнее время стало известно отрицательное отношение Ленина к национальному нигилизму Орджоникидзе, великодержавным настроениям Орджоникидзе и Сталина по отношению к Грузии и так называемым «национал-уклонистам». Поэтому, коли уж пришло время гласности и мы не должны прощать Сталину, возглавлявшему и, я бы сказал, упрочившему советское государство, совершенные им преступления, мы не можем прощать их и деятелям более низкого ранга. Необходимо с этой точки зрения пересмотреть их биографии, их деятельность в Грузии.

Пользуясь случаем, хочу задать вопрос нашим историкам: поскольку им известно, что существует определенное общественное мнение об ошибках С. Орджоникидзе или его ошибочной позиции по ряду существенных вопросов, кто как не они должны сказать истинную правду об этом, ведь источники и архивные материалы им гораздо более доступны, чем кому бы то ни было (во всяком случае сегодня!). Кто, как не они должны назвать явления и предметы своими именами, чтобы положить конец досужим разговорам. Правда, сталинские репрессии достигли невиданных масштабов, но почва для них была подготовлена гражданской войной и предшествующим ей периодом истории.

Когда Сталина называли родным отцом и учителем всего Союза, вождем мирового пролетариата, гением всех времен и народов и бог знает еще кем, скажи тогда кто-нибудь из нас, что Сталин наш, грузин, язык бы вырвали у него: что значит ваш, грузин, этот гений в равной степени принадлежит всему миру! Это не могло не вызывать у грузин чувства гордости и преданности, что естественно для любого уважающего себя человека и уважающего себя народа, впрочем и тогда было достаточно людей, оценивавших личность Сталина по справедливости. Не исключено, что наша вера в Сталина явилась в определенной мере результатом подсознательного стра-

ха или отчаяния. Дело в том, что до Сталина Грузия на протяжении столетия с лишним находилась под жестоким гнетом Российской империи, этой «тюрьмы народов». Великодержавная Россия в течение целого века делала все, чтобы убить в грузинском народе национальный дух, русифицировать его, ее колонизаторская политика была направлена на его вырождение, уничтожение. Поэтому, когда после четырех лет независимости, Грузия вновь оказалась в составе той же державы, грузины, как утопающий за соломинку, ухватились за национальность Сталина в надежде, что он, грузин, пощадит свой родной край. Однако именно Сталин руками Берия и других своих клеветников уничтожил весь цвет грузинской интеллигенции, лучшую часть нации, ее ведущую силу. Этот удар оказался слишком мощным для такого малочисленного народа, как наш, дорого обошелся ему. Мы потеряли самую передовую и сознательную часть нашего общества и по сей день не можем восполнить эту утрату. Несмотря на это, грузины продолжали верить Сталину, потому что, занимая в течение долгого времени определенную позицию, трудно в один миг, как по мановению волшебной палочки, сменить ее на совершенно противоположную. Это свидетельствует только в пользу грузин, говорит, что по природе своей они надежные люди, верные своим убеждениям, редко изменяющие им. Это свидетельствует о врожденной устойчивости грузинской психики, но, с другой стороны, и о том, что мы — тугодумы, нам не хватает политической эластичности, умения быстро оценивать явления, живости. И все же, несмотря на это, признаки прогресса — налицо. Молодое поколение, передовая наша молодежь абсолютно трезво оценивает роль Сталина в истории и твердо стоит на намеченной Ильей Чавчавадзе национальной позиции. И чем скорее займет эту позицию весь грузинский народ, тем для него лучше. Пора наконец понять, что национальными героями Грузии являются не Сталин и ему подобные, обуреваемые национальным нигилизмом деятели, но Парнаоз и Вахтанг Горгасал, Давид Строитель и Георгий Блистательный, царица Тамар и Кетэван-мученица, Дмитрий Самопожертвователь и Шалва Ахалцихели, Цотнэ Дадиани и священник Тэвдорэ, Илья Чавчавадзе и Иванэ Джавахишвили и многие другие, благодаря мужеству и самоотверженности которых жив по сей день наш народ, его национальное самосознание и любовь к Отчизне, которая — дар от Бога, пренебрегать ею по каким-либо причинам — преступление не только

перед собственным народом, не только перед человечеством, но и перед Природой и Провидением.

Если Сталин виновен (а это безусловно так), то виновен не он один. Кроме Ежова, Ягоды и Берия, виновны также его ближайшие соратники: Орджоникидзе, Микоян, Каганович, Молотов, Ворошилов, Калинин, Жданов, Хрущев, Маленков и многие другие, все кто стоял рядом с ним, когда он планировал свои ужасные преступления. (Впрочем, что спрашивать с этих людей, они, оказывается, вооруженными являлись на заседания Политбюро, как мы узнали из статьи Ф. Бурлацкого, опубликованной в «Литературной газете»). Виновны целые поколения, миллионы простых людей, виновны целые армии партийных работников и работников МВД, практически осуществлявших эти жуткие акции, а не грузинский народ, как это представляется некоторым.

А. Г. — Назначение, призвание писателя, творца, Мастера — служить человеку, помогать ему в любой сфере жизни и в определенной степени направлять его. Если каждый из нас изо дня в день будет заботиться о том, чтобы стать лучше, благороднее, богаче в духовном отношении, то и мир вокруг нас изменится — придет пора умиротворенной зрелости. Все познают радость совершенства. Писатель одновременно и психолог, и физиолог, и политик, и социолог, и боец, и летописец, рассказывающий об отношениях человека с окружающим его миром и оставляющий потомкам портрет своего времени...

Г. Г. — На мой взгляд, пора мира и зрелости не наступит никогда, она вообще невозможна. Чтобы познать радость совершенства, нужно достичь его. А я сомневаюсь, возможно ли это. Жизнь — ведь вечное движение, изменение, непостоянство... Ну а в том, что писатель — летописец своей эпохи и времени, я с вами совершенно согласен.

А. Г. — Перестройка, поворот к демократизации общества вызвали своего рода «издержки производства» в литературе — активизировались дилетанты, субъекты, лишенные вкуса, эстетических идеалов, далекие от профессионализма, а это в свою очередь привело к засилью эпигонов. В то же время перестроечное мышление, животворность ее идеи, жизненность определяются не только пафосом утверждения, но и в не меньшей степени — отрицания. Прежде чем лозунги и призывы претворятся в дела и те, кто больше всех говорят, займутся наконец делом, пройдет, наверное, какое-то время. В одном, как мне кажется, мы уверились окончательно — жить так, как мы жили, нельзя. Надо менять жизнь, и самому меняться вме-

сте с нею. Сегодняшний ретроград, карьерист или бюрократ гораздо хитрее и «совершеннее» вчерашнего. Он по-другому ведет себя, у него другой образ мышления, но от того, что он призывает помнить песни, что «пели наши предки у камина», он не перестает быть временщиком.

Г. Г. — Перестройка, ускорение, утверждение демократии дали нам возможность вслух говорить о бедах нашего общества. Выяснилось, что у нас много наболевших проблем, и все они гораздо более значительны, чем активизация дилетантов или лишенных вкуса субъектов. Среди этих проблем есть и такие, что, не решив мы их вовремя, нам не позавидуешь. Одна из важнейших проблем — падение рождаемости, грузины перестали размножаться и не могут освоить собственной территории. В Месхети-Джаваheti, в Нижней и Внутренней Картии грузинское население сегодня составляет меньшинство — это, безусловно, заслуживающее внимания и тревожное с точки зрения нашего будущего явление. Для того, чтобы поправить положение дел, необходимы рост рождаемости и возможность естественной миграции. Я уже не говорю о том, что пустеют Рача и горные села. Это, естественно, результат действия определенных социально-экономических и вытекающих отсюда психологических факторов, но факт остается фактом: отсутствие естественного прироста грузинского населения на сегодняшний день — печальная для нас реальность.

В связи с этим хочу обратить внимание и на следующее: у нас принято представлять Грузию этнически весьма пестрой республикой и при этом делать вид, будто это большое счастье. Ни для одной страны этническая пестрота не может быть счастьем, ибо она — следствие тяжелых времен в ее жизни. И то неверно, будто в Грузии живут представители приблизительно ста национальностей. В Грузии, кроме грузин, живут русские, абхазы, армяне, азербайджанцы, осетины, курды, греки, евреи, кистинцы, лезгины, эстонцы... Допустим, я упустил еще десять или, если угодно, двадцать национальностей, все равно до ста далеко. Живи в Грузии пять негров или четыре эскимоса, мы же не станем утверждать, что Грузия заселена неграми и эскимосами. Ассимилировавшийся иноземец не должен восприниматься иноземцем, так что утверждение, будто на территории Грузии живут люди почти ста национальностей, вольно или невольно льет воду на мельницу тех, кому нужно разрушить национальное самосознание, его единство. С этим надо бороться. Мы по-дружески относимся ко всем пришельцам, живущим на нашей территории, и наше отношение

к ним не изменится, если они будут изучать наш язык и приобщаться к нашей культуре. Человек же, который живет на нашей земле, но не знает ни нашего языка, ни нашей культуры, не может считаться нашим другом. Это мы должны, наконец, осознать.

Кроме демографической проблемы на поверхность всплыли и такие страшные социальные явления, как наркомания, пьянство и др. И если мы, наконец, заговорили о них, то об убийстве, не менее распространенном у нас явлении, храним почти полное молчание. Этого рода преступление всегда было и, наверное, будет характерно для человеческого общества. Смятение вызывают его масштабы. Случаи убийства настолько участились, что мы просто обязаны бить тревогу. Какое преступление может быть более тяжким и страшным, чем убийство, а в нашей республике, похоже, убить человека ничего не стоит. Закон же проявляет непонятное и удивительное благодушие по отношению к убийце. Дело дошло до того, что взяточников и растратчиков судят гораздо более сурово, чем человекоубийцу. Это ненормально. Безусловно и вор, и растратчик, и взяточник — язвы на теле общества, но разве убийство не более тяжкий грех перед законом и страной? О каком культурном прогрессе может идти речь, когда общество так или иначе мирится с убийцей, терпит его, не наказывает со всей строгостью? Сколько семей у нас несчастны без вины и сколько убийц свободно расхаживают по улицам? Наши молодые люди, особенно несовершеннолетние, по пустякам пьют друг друга ножами. Нередки случаи, когда из-за бутылки пива и двух хинкали человека лишают жизни. Большого падения нравов представить невозможно. Ни одно преступление не сравнится с этой дикой и трусливой жестокостью, с ненавистью к ближнему. Никто не может быть гарантирован от того, что его не пырнут ножом, если он попросту поспорит с кем-нибудь на улице или в трамвае. Закон недопустимо снисходителен к убийцам, и люди с неустойчивой психикой не щадят человеческую жизнь в надежде, что останутся безнаказанными. А что если бы у них не было этой надежды? Будь моя воля, я приговаривал бы всех убийц к пожизненному заключению, но поскольку у нас нет такой меры наказания, за убийство и даже попытку к убийству надо воздавать самым суровым образом, если мы хотим покончить с этим постыдным, достойным всяческого осуждения явлением, физически и психически растлевающим народ. Здоровое общество не может мириться с ним, оно влечет падение нравов, их дегенерацию.

Неужели не пришло время всем в один голос потребовать пересмотра соответствующих параграфов УК Грузии и ужесточить наказания за убийство? Откровенно говоря, я отнюдь не уверен, что это поможет искоренению зла, поскольку кроме всепрощающего закона существует еще множество дополнительных факторов, но ведь недаром говорится: попытка не пытка, а спрос не беда. Сидеть и ждать, сложив на груди руки, когда преступник вернется на путь истины и добра, просто нельзя. Дело уже дошло до того, что в случае убийства не только ближайшие родственники преступника, но и просто знакомые делают все возможное, чтобы вырвать его из рук правосудия или любым способом облегчить его участь. Таких постыдных фактов на сегодня — великое множество. Остается впечатление, что в некоторых кругах разрешение спора с помощью ножа считается чуть ли не геройством. А это явный признак вырождения, падения нравственных устоев. Земля должна гореть под ногами убийц. И если это зло не будет искоренено, говорить о каком-либо общественном прогрессе совершенно излишне.

А. Г. — Что доминирует на сегодняшний день в грузинской литературе, в частности прозе — «ответ» или «вопрос»? Вопрос обычно многозначен и дать на него исчерпывающий ответ подчас нелегко.

Г. Г. — В постановке вопроса, говорят, уже заложено стремление к ответу. Но одной постановкой вопроса делу не поможешь. Необходимо действие, решение проблемы, а для этого нужны соответствующие условия. Именно из-за отсутствия последних у нас накопилось столько проблем. Скажем, проблема известна, мы говорим о ней, обсуждаем ее, но решить не можем, потому что нет соответствующих условий. И это уже — отдельная проблема. Таких проблем в нашей действительности — хоть отбавляй. В грузинской литературе — я имею в виду произведения лучших ее представителей — сильны боль и озабоченность нынешним положением нации, нарушением нравственно-этических норм, экологическим положением страны, опустением и разорением грузинских сел. Делаются попытки найти выход из создавшегося тупика, но поскольку писатели не до конца откровенны, в частности, не могут назвать все причины, по которым мы оказались в нынешнем положении, ответы на поставленные вопросы зачастую носят весьма поверхностный характер. Если не сказать всей правды, вопроса положительно никогда не решить. Мне кажется, пришло время дать возможность республикам самим

решать свои внутренние проблемы. Большая часть негативных явлений — порождение строгой централизации и одинакового подхода к различным регионам без учета особенностей каждого. То, что приемлемо для России, может быть чуждо Грузии, но это чуждое упорно внедряется у нас, что порождает немало трудноразрешимых проблем. Причины возникновения их известны, но ничего для их решения мы сделать не можем.

А. Г. — Природа порой награждает человека особенным даром, формирующим из него если не гения, то светлую разумную личность, которая оставляет след в жизни общества...

Г. Г. — Согласен, есть эпохи, когда гениальный человек накладывает отпечаток на свое время или является лучшим выразителем его духа. Мне кажется, гении для того и рождаются, чтобы оставить след в жизни человечества, не взирая ни на какие условия. И вообще думается, для гения или человека талантливого не существует преград. Всякого рода препятствия, препоны они, сами того не ведая, используют на пользу своему делу, своему призванию. Горький опыт для них — источник вдохновения, позволяющий приблизиться к Истине. В этом гениальность этих людей.

А. Г. — В эпоху перестройки, утверждения демократических принципов, отрицания шумных юбилеев, даже простые, теплые слова, сказанные в адрес человека, вполне заслужившего их, воспринимаются «словесной взяткой», но когда за человека говорят «дела его», такие слова, мне кажется, сказать ему просто необходимо. Народ, общество, по-моему, должны воздавать должное словом и делом лучшим своим сынам.

Г. Г. — К сожалению, на практике народ и общество редко воздают должное — и словом и делом — лучшим своим сынам. Особенно равнодушны к ним мы, грузины. Редко кто из выдающихся деятелей Грузии при жизни пользовался тем почетом, коего был достоин. Может быть, в этом и нет нужды, ибо тот, кто воистину составляет гордость страны, трудится не ради почета, да и потом только время может показать, кто действительно достоин почета. Последующие поколения, возможно, совершенно по-иному взглянут на того, кто сегодня находится на вершине славы, и наоборот. Короче, решающее слово здесь принадлежит времени, ну, а о том, что истинные ценности в природе не теряются и рано или поздно заявляют о себе, спорить не приходится.

А. Г. — Шота Руставели, Илья Чавчавадзе, Важа Пшавела — славные сыны Грузии. Каждый почитающий их гру-

зин в определенной степени является носителем страстей Дидгори и Крцаниси...

Г. Г. — Безусловно. Грузин по сути своей всегда является носителем того самого духа, которым были преисполнены его предки, победившие в Дидгорской битве. Грузины не раз доказывали, что умеют сражаться, хотя часто и оказывались в роли побежденных. Поэтому мы несем в себе и ту разочарованность в надеждах, которую испытали наши предки, потерпевшие поражение в Крцанисской битве. И какой дух проявится в нас в тот или иной момент, зависит от исторических обстоятельств.

А. Г. — В жизни радость и горе, счастье и скорбь, победа и поражение идут рука об руку. Не надо забывать, что когда ты счастлив, кто-то где-то страдает, скорбит...

Г. Г. — Человек — живое существо, обладающее даром сочувствовать чужому горю. Тот, кто не способен на это, не может считаться нормальным человеком.

А. Г. — Со времен Гипократа известно, что лечить надо не симптомы болезни, а причину, вызывающую ее. Мы же нередко носимся с симптомами наших «недугов», наверное потому, что найти их причины гораздо сложнее.

Г. Г. — Конечно, бывает, что мы не можем определить причину нашей «болезни», но случается и такое: причина известна, но у нас нет возможности говорить о ней вслух или тем более принимать какие-либо меры... Истина рождается только в споре. А ведь в Грузии сегодня, стыдно признаться, найдется немного людей, обладающих культурой ведения беседы или спора. Никто не удосуживается выслушать собеседника, все говорят одновременно, слушают только себя, а это, согласитесь, тревожный симптом. Вообще пренебрежение противоположной точкой зрения, нетерпимость к ней, преследование порождают произвол, догматизм, жестокость, которые не могут не привести отдельного человека или государство в целом к трагическому исходу. Подтверждение этому — история Советского Союза, эпохи Сталина, Хрущева, Брежнева.

А. Г. — Временщик и время...

Г. Г. — Временщики — люди без твердых принципов. Они могут быть в какой-то степени талантливыми, но ни в коем случае принципиальными. А беспринципность, на мой взгляд, равняется бездарности, каким бы изворотливым ни был беспринципный человек, он все же бездарен. Потому и страшны временщики, окопавшиеся в литературе, искусстве, науке. Главное для них — собственное благополучие, слава, и они

ничем не гнушаются для достижения ее. Им невдомек, что такой славе, которая создается их же собственными усилиями, грош цена. Настоящие почет и уважение приходят сами, и только тогда они ценны. В противном случае все это — самообман. Но временщик не понимает этого, он не способен посмотреть правде в глаза. Ему недоступна радость настоящего испытания, он начинает активно помогать себе, занимается саморекламой, белое выдает за черное и наоборот, если ему это выгодно, и позволяет себе такое, чего никогда не допустит по-настоящему цельная значительная личность. Истина не интересует временщика, что вытекает из его беспринципности, неудачи невыносимы для него, поскольку подсознательно он чувствует собственное убожество, и это пугает его. Я надеюсь, что гласность, право говорить правду покончат с разгулом временщиков. Они очень вредны для общества. Но еще больший вред приносят ему излишне осторожные, трусливые люди, своей осмотрительностью и пассивностью создающие питательную среду для временщиков.

А. Г. — У американцев есть такое выражение: «убийство репутации», когда человека в силу каких-то обстоятельств морально уничтожают, растаптывают как личность. В нашей действительности подобное трудно представимо, однако нечто похожее — «влияние на репутацию», в какой-то форме проявляется и у нас, как мне кажется...

Г. Г. — Такое случается, что говорит о ничтожности человека. Впрочем, делается это не из низких побуждений, но потому, что общество действительно не понимает значения той или иной выдающейся личности, по достоинству не может оценить его деятельности. Например, Важа Пшавела называли отсталым человеком, Пиросмани — маляром. Такой талантливый поэт как Теренти Гранели надолго был забыт. Но бывает, что определенные круги общества намеренно игнорируют выдающуюся личность, замалчивают, утаивают истинное ее значение. Говорят, даже Галактион не избежал подобной участи. Все это, наверное, делалось с целью принизить его авторитет, так как он, наверное, угрожал авторитету других людей, находящихся в то время в зените славы, и это, естественно, не могло понравиться им. Но что произошло в итоге? А ничего! Восторжествовала правда, ибо правда — сила, которая всегда побеждает. Рано или поздно, но побеждает, таково ее свойство. Народ или личность, бегущие от правды, обречены на поражение, ибо правда — это победа.

Лили БААЗОВА

Грузинские евреи: уникальность явления и опыт истории

Одной из интереснейших страниц социально-общественной истории Грузии является феномен грузинского еврейства. Грузинские евреи составляют органическую часть населения Грузии и, несомненно, представляют собой один из древних и глубоких пластов ее истории.

Этногенез племен и народов во все времена истории человечества таит в себе немало явлений, истоки которых теряются на грани былей и легенд. Иные из них, случается, неожиданно всплывают на поверхность общественной жизни и заставляют говорить о себе.

Возникший в наше время определенный интерес к грузино-еврейской проблеме вызвал живую реакцию общественности и многочисленные отклики, отразившиеся, в первую очередь, в нашей прессе. Однако ряд публицистических выступлений, на наш взгляд, чрезвычайно упростили проблему, свели ее до параллельного мирного сосуществования двух народов, или, вернее, безбоязненного проживания одного народа в другом народе — еврейского в грузинском, чем, думается, обеднил интереснейшее в мировой истории явление, выхолостив из него его суть.

Мы не задаемся целью выяснить время первого прихода евреев на территорию Грузии. Известно, что самые первые еврейские поселенцы, вынужденные расстаться с родиной, были

по сути не народом, а племенами, коленами. В то время, когда иудаизм как религия отправился по миру в вынужденное странствие, он был еще слаб, и духовная жизнь тогдашних евреев сводилась к борьбе с идолопоклонством, борьбе усиливавшегося ортодоксального иудейского начала против «сотворения кумиров». И именно тогда, когда еврейские племена только начинали жить в новой религиозной этике, они были согнаны со своей земли.

Палестина на протяжении всего первого тысячелетия до н. э. переходила от одного завоевателя к другому. Каждое завоевание этой страны сопровождалось, помимо опустошительного разорения, перемещением большого количества людей, оседавших на территории от Средиземного моря до Индии. Если вавилонское пленение положило начало большой диаспоре, оттеснив евреев относительно, по нынешним понятиям, далеко от родных краев, то персидское пленение в эпоху Ахеменидов разбросало их по несравненно большим пространствам, закинув в далекий Элефантин, породив и по сей день такое загадочное явление как фаллаши Эфиопии. Повсюду стали возникать связанные с тем или иным краем предания, легенды, постепенно застывавшие и принимавшие характер исторической действительности. В Закавказье, как впрочем и других местах, отголоски этих преданий попали на страницы грузинских летописных сводов, застыли в эпиграфике и в виде языковых субстратов. Вместе с тем в религиозной жизни евреев отпечатались затем и те изменения, которые постепенно, но все же испытывала колония поселенцев, вынужденная буквально день за днем вписываться в структуру местной социально-общественной организации.

Как известно, поселившиеся на территории Грузии евреи приняли ее судьбу как свою. Это органически связало пришельцев с местным населением, и отныне евреи, постепенно становившиеся грузинскими, делили участь местного населения как его составная часть. Это позволяет с уверенностью говорить о том, что между пришлыми евреями и местным языческим населением с самого же начала не возникало разобщающих тенденций, которые резко проявлялись в других местах рассеяния. Так, например, после возрождения маздеизма при Сасанидах, гебры преследовали евреев за некоторые еврейские обряды, недопустимые с точки зрения парсизма. Гонения на евреев происходили и в населенной мандейцами Южной Вавилонии; известны также исторические судьбы евреев в древней Армении. Естественно поэтому, что именно на территорию Грузии после

первой волны пришельцев хлынули и последующие. Найдя «зону благополучия» для проживания, они в свою очередь проходили исторически predetermined путь трансформации превращения еврея пришлого в еврея грузинского. Эти последующие поселенцы из разных областей Вавилонии и Персии несли с собой в Грузию свою начавшую складываться в диаспоре духовную этику, свой духовный опыт, закреплявшийся в коллективной памяти народа. Этот психо-духовный опыт евреи передавали из поколения в поколение, ибо воспринимали его как некий животворящий символ. Но постоянное общение с местным населением стало накладывать свой отпечаток на духовную жизнь евреев в Грузии, на их мировоззрение. Постепенное, но прочное вращение их в местную почву подтачивало синдром этноцентризма, наследовавшийся поколениями с заметными издержками. В то же время усиливался и необратимый процесс взаимовлияния и взаимопроникновения двух духовных начал, когда пришлые евреи и местное население начали тесно сходить и вступать в разнообразные формы общественно-экономических контактов.

Рано начавшееся мирное совместное бытие евреев и местных жителей-язычников порождало необходимость общего сознания и на первых порах разбавляло иудейскую колонию принимавшими иудаизм язычниками.

Внутри групп евреев, оторванных от своих первоисточков, происходило «самопитание», которого какое-то время хватало для жизнестойкости иудаизма в Грузии. Однако с принятием христианства в Грузии иудаизм оказался перед им же порожденным, но уже резко трансформировавшимся могучим потоком новых идей, перед начавшимися изменениями психо-духовной культуры с сопутствовавшими новыми социальными явлениями. Этот натиск новых идей обрушился и на язычников, и тех, кто исповедовал иудаизм (удельный вес маздеян был ничтожно мал). Отныне взаимообмен иудаизма с окружающей средой, включившей в себя все стороны культурно-общественной жизни, стал постепенно суживаться и сосредоточился лишь на области социально-экономических отношений. Это вызвало замыкание в себе религиозно-этнической группы евреев и влившихся в их среду иудаистов. Но в то же время постоянное общение с местным населением, общность судьбы и в мирные времена, и в частые лихолетья накладывают общий отпечаток на мировоззрение и психологию людей. Новые времена порождают новые формы общения и контактов с местными жителя-

ми — уже христианами и последователями иудаистского учения.

Если смешение еврейского населения в Европе с местными христианами на некоторых этапах было жизненной необходимостью, единственным способом выживания, то в совершенно ином виде представляется нам грузино-еврейский этногенез — как постепенное и ненасильственное «врастание» части еврейского населения в местную социально-общественную структуру. Но и иудейство на первых порах своего существования в Грузии вобрало в себя определенную часть местного языческого населения. Размежевание религий и начавшееся их параллельное сосуществование возникло уже после принятия местными жителями христианства. В то же время переход части еврейского населения в христианство явился также следствием их ненасильственного слияния с местным населением и полным принятием его жизненного уклада. Грузинская историографическая традиция также подтверждает это обстоятельство, свидетельствуя о том, что местные, грузинские евреи воспринимались обществом как нечто привычное, свое. То же самое утверждают и исторические документы, различные правовые, жалованные грамоты, гуджары и пр. Все исторические документы свидетельствуют о том, что социально-однородная категория людей, независимо от их религиозной принадлежности, обладала одинаковым социально-правовым статусом. И можно со всей решительностью утверждать, что такое явление было характерно лишь для грузинской социальной действительности, оно не имело никаких аналогов в европейском или мусульманском мире и, более того, было ему совершенно чуждо. Поэтому грузинский еврей безболезненно вписывался в местный социально-общественный фон, не нарушая его гармонической целостности и социальной структуры общества. Он, этот еврей — потомок ли древнего пришельца или принявшего иудаизм местного язычника — не считался инородным телом, «чужаком». И хотя нередко грузинский еврей сохранял сильно выраженный антропологический тип, это следует объяснить, главным образом, религиозной отчужденностью и самоизоляцией верующей массы от остального населения Кавказа. И поскольку еврейская масса не рассматривалась как нежелательная «ересь», или как «вражья сила», с которой следовало бороться и выкорчевывать, грузинская церковь никогда не занималась антииудейской пропагандой, как это было, к примеру, в Европе и в России, где на протяжении веков бушевала «иудейская война», ко-

торую светские и духовные феодалы этих стран вели против живших там евреев¹.

Социальные категории крепостных евреев в Грузии детельствованы в многочисленных документах, царских грамотах, церковных гуджарах². Согласно этим документам евреи в Грузии по своей принадлежности были царскими, церковно-монастырскими, княжеско-дворянскими. Из этих категорий крепостных евреев наибольший интерес вызывают церковно-монастырские крепостные евреи. В Европе, где церковь применяла жесточайшие репрессии против проживавших там евреев, вообще не могла существовать категория церковных крепостных евреев. Активная нетерпимость европейской церкви по отношению к евреям создавала невыносимые условия для их жизни, в результате чего они или изгонялись, как это было в Испании, или бежали сами, а их имущество становилось достоянием церкви. Даже на новообращенных, как это известно из истории инквизиции, церковь не смотрела как на истинных христиан. Между тем в истории Грузии не было случая издания светской или духовной властью закона в отношении евреев³.

¹ На востоке евреи, в частности в Иране и Афганистане, должны были платить подушную дань. Как известно, при ильхане Казан-хане (1295—1304) монгольские правители признали ислам своей государственной религией. Поэтому все немусульманское население Грузии было обложено подушной податью — джизией, и евреи платили ее наряду с христианами-грузинами и парсами (зороастрийцами).

² Часть этих документов из Государственного исторического архива Грузии (79 ед). издана известным грузинским историком акад. Н. Бердзнишвили в сб.: «Труды историко-этнографического музея евреев Грузии», т. I, Тбилиси, 1940, с. 159 — 246.

³ В Армении в VII в. известно распоряжение Абрама Каголикоса о запрещении между грузинами и армянами любых других взаимоотношений кроме тех, которые допускались между армянами и евреями, т. е. исключительно торговых. Из этого видно, что армяно-еврейские взаимоотношения ограничивались исключительно сферой торговых взаимоотношений. — Моисей Калантукийский. История Агван. — ч. II, с. 61.

В Польше в 1264 г. Болеславу Калишскому пришлось издать специальную грамоту, чтобы упрочить правовое и социальное положение евреев в Великопольских землях. Разумеется, этот правитель исходил отнюдь не из гуманных сообра-

Законы против евреев начали издаваться лишь после присоединения Грузии к царской России. Один из них запрещал грузинским евреям именоваться «грузинскими», и они отныне должны были считаться туземными евреями⁴.

Документы из исторических архивов Грузии свидетельствуют о том, что грузинские цари, духовные лица и феодалы жалуют своих близких крепостными крестьянами, в том числе и евреями. В то же время документы свидетельствуют и о том, что в Грузии никогда не имело место запрещение евреям приобретать недвижимое имущество и работать в общественных организациях. В Грузии считалось обычным делом отчуждение крепостного еврея, пожертвование его в пользу церкви, чего, как отмечалось, не могло быть в Европе.

Феодальная экономика Грузии и связанные с нею различные обстоятельства не препятствовали мелкой экономической деятельности грузинских евреев, которая, развиваясь односторонне, становилась придатком существовавшей формации. Евреи, составлявшие большую часть закрепощенного населения и платившие феодальные налоги деньгами, не могли вести свободную торговлю в больших масштабах и были вынуждены ограничиваться внутренней торговлей (исключение в этой области составляли евреи, проживавшие в Ахалцихе). Однако это обстоятельство не мешало появлению в феодальной Грузии крупных купцов из еврейской среды, пользовавшихся, наряду с христианскими, широкими привилегиями. Бывало, наряду с торговыми делами они исполняли и важные поручения. По своему имущественному положению они играли определенную роль в обществе и даже могли иметь своих крепостных (не только евреев, но и христиан). Но крепостные торговцы-евреи полностью зависели от господской воли. По-видимому, это было одной из причин неоднократного изменения траектории расселения евреев на территории Грузии. Нередко переселения евреев из одного места в другое происходили потому, что они не в силах были заплатить долги (известно, что крепостные

жений, а руководствовался исключительно личными выгодами. — И. В. Галант. К истории поселения евреев в Польше и Руси. — «Восход», 1897, № 8, с. 58.

Вот как «решил» еврейский вопрос Иван Грозный: когда при взятии Полоцка его спросили, как быть с попавшими в плен евреями, он ответил: согласных крестить, несогласных утопить в реке. — Там же, с. 61.

⁴ «Восход», 1903, № 6.

евреи выплачивали свои подати деньгами) и попадали в кабалу к ростовщику. Так, например, уже в позднефеодальном Тбилиси и Гори еврейское население не засвидетельствовано. Не видно его и в Кахети в XVII—XVIII вв.⁵

В позднефеодальный период бывали случаи перехода грузинских евреев в христианство. Конечно, явление это было отнюдь не массовым, но не насильственным, а поощрительным⁶. Случалось, священники даже не знали, что делать, когда возникал вопрос о крещении грузинского еврея. Поэтому духовенство решило даже издать сборник обязательных правил по крещению грузинских евреев⁷.

Как известно, в феодальной Грузии евреи, по большей части, жили отдельными селами или кварталами. Это объяснялось исключительно религиозными интересами и близостью синагоги. В таких селах или кварталах господскими чиновниками были сами евреи. Однако это ничего общего не имело с институтом «кагала» в Восточной Европе, преследовавшим фискальные цели и осуществлявшим надзор за европейским населением⁸.

Известно, что рассеянные по всему свету евреи издавна

⁵ Траектория оседания евреев на территории Грузии была запутанной еще и потому, что вследствие постоянных вражеских нашествий все население поднималось с насиженных мест и уходило, вместе со всеми уходили и евреи.

⁶ Так, по своему желанию принял христианство цхинвальский еврей Хухашвили, взявший после крещения фамилию Иванашвили. — Журнал «Мцкепси», 1890 г., № 21.

⁷ Газ. «Цнобис пурцели», 1897 г., 19 дек., № 42.

⁸ «Кагал» в Речи Посполитой обозначал самоуправление еврейской общины и саму общину. Это общинное управление уходит своими корнями в Вавилон эпохи гаонов, когда во главе общины стояли ее представители, избираемые всеми членами общины, платившими налоги. Кагальная организация широко была распространена в Польше, Сицилии, Испании, России. Когда в России появились первые поданные-евреи после присоединения Белоруссии, тотчас же были учреждены кагалы, в основу которых были положены идеи фискальства. Так, 13 сентября 1772 г. Екатерина II утвердила доклад белорусского генерал-губернатора графа Чернышева, предложившего «с жидов сбор положить поголовный по одному рублю и приписать их к кагалам, которые и учредить по рассмотрению губернаторов и по надобности». Первое Полн. Собр. Зак., № 13865.

интересовались судьбами своих соплеменников. Этот интерес усиливался еще и потому, что гонимые и притесняемые, они постоянно искали возможности переселения в места, пусть далекие, но более благополучные для проживания. С этой целью состоятельные члены общин в Европе время от времени отправляли своих доверенных и образованных сограждан в далекие путешествия. Бывало, такие поездки по белу свету длились и по нескольку лет, и тогда нередко появлялись интереснейшие и увлекательные описания всего увиденного и услышанного. В основном эти описания касались быта евреев, которые встречались авторам на пути. Одним из наиболее ценных такого рода сочинений являются записи, оставленные Петахьей из Регенсбурга. Пражская еврейская община послала его в XII веке в Вавилонию, дабы удостовериться, возможно ли переселение туда евреев из Чехии и Германии. Описание Петахьей Регенсбургского жизни и быта встреченных на пути евреев стало ныне ценнейшим документом истории евреев XII века.

Не менее значительным источником по истории евреев того же периода являются описания «Путешествий» Вениамина Тудельского, посланного общиной Наварры. Его путешествие длилось около 13 лет, и наблюдения этого автора справедливо считаются источником первостепенной важности. Однако и первый и второй авторы отмечают, что грузинские евреи отличаются от местного населения разве только своей религией.

В XVII веке на Кавказе побывал Гербер (1728), отмечавший, что родным языком здешних, грузинских евреев, является язык местного населения, но что раввины «разумеют также по-еврейски». Под словом «разумеют» следует понимать выполнение культа на древнееврейском языке.

Именно на это обстоятельство обратил особое внимание и крупный исследователь жизни и быта грузинских евреев Иегуда Черный. В 60—70-е годы XIX века этот автор путешествовал по Закавказью и Северному Кавказу, проведя в этих краях в общей сложности около десяти лет. В 1884 году в Петербурге была издана книга И. Черного «История грузинских евреев» (на древнееврейском языке, с предисловием и под редакцией А. Гаркави). И. Черный собрал разнообразный и интересный материал по истории социально-экономических и общественно-правовых отношений грузинских евреев. Он более полно, чем его предшественники и последующие исследователи, представил этнографические группы евреев и области их расселения на территории Грузии и Кавказа. И. Черный вынужден признать, что быт и нравы грузинских евреев ничем не от-

личаются от местного христианского населения⁹. Ту же мысль проводят в своих работах М. Плисецкий, А. Сегаль, А. Грен. Описывая быт евреев села Суджуна Сенакского уезда, А. Грен отмечает: «Живут они, ничем не отличаясь от мингрельцев, едят ту же пищу, соблюдают те же обычаи, но говорят по-грузински, а не по-мингрельски, объясняя это тем, что не составляли никогда Суджунского населения, а переведены были сюда епископами из другого селения, куда, в свою очередь, пришли из Лайлаши Лечхумского уезда». Описывая далее местную синагогу, Грен говорит, что имевшиеся здесь свитки Торы «писаны частью на пергаменте, частью же на какой-то мягкой коже и все снабжены ассирийской пунктуацией. Вся синагога во время моего посещения была завалена молитвенниками исключительно берлинского издания, но, к моему удивлению, я не нашел там ни одного печатного издания Талмуда. Из других богослужебных книг, да и вообще еврейских книг, за исключением Библии, я нашел «Глаз Якова», «Великий мидраш», «Мульхан Арух» и др., а также каббалистическую книгу Зохар. И самое интересное, что почти никто из евреев их не понимал, кроме раввина. Но более всего меня поразило способ чтения Библии, причем оказалось, что некоторые буквы евреи вообще выговаривали неверно, а все согласные выговаривались так, как грузинские согласные, с запиранием голосовой щели»¹⁰.

Примеры того, насколько молящиеся евреи понимали древнееврейский язык, приводит Марк Плисецкий. В Ахалцихе на Новый год (сентябрь—октябрь), — рассказывает он, — по окончании вечерней молитвы в синагоге хахам, исполняющий роль чтеца молитв, обучает собравшихся евреев, какие следует произносить молитвы при вкушении различных овощей и объясняет их смысл на грузинском языке.

В Сурами, также по наблюдению автора, хахам в праздники подходит в синагоге к отдельным молящимся евреям, показывает им, какие молитвы следует читать и объясняет их смысл по-грузински¹¹. Плисецкий также отмечает, что по

⁹ Грузинский перевод части сочинения И. Черного с древнееврейского языка выполнен Ароном Крихели и напечатан в сборнике «Труды историко-этнографического музея евреев Грузии», т. III, с. 94—134.

¹⁰ А. Грен. Закавказские иудеи. — «Этнографическое обозрение», 1893, № 1, сс. 129—134.

¹¹ М. С. Плисецкий. Религия и быт грузинских евреев. — М.-Л., 1931, с. 68.

языку и укладу жизни грузинские евреи резко отличаются от прочих евреев, сближаясь с последними только в области религиозных верований и культа¹².

Среди грузинских евреев постепенно угасало раввинско-талмудическое движение. Об этом свидетельствует и тот факт, что, например, возникновение в Тбилиси в X веке секты караимов не вызвало никакого противодействия со стороны верующих и духовенства. О слабости раввинско-талмудического движения здесь свидетельствует и то, что в Грузии в среде иудаистов никогда не возникало самостоятельной талмудической академии, как это было, например, в Кордове в X веке, где в условиях мусульманского владычества возникла самостоятельная Талмудическая академия, получившая независимость от академии в Багдаде.

Еврейское духовенство в Грузии не знало и института иерархии (во всяком случае, до 60-х годов прошлого столетия), за исключением должности хахама, причем последний не пользовался никакими льготами.

Таким образом, все немногие исследователи, изучавшие исторический путь развития грузинских евреев, сходились в одном: изучать практически нечего, своего нет ничего. Нет ни литературы, ни фольклора, ни искусств. Между тем такой подход кажется нам весьма поверхностным и формальным, и им прешат не только люди «со стороны», но и местные авторы, грузины и грузинские евреи.

Нам кажется, что дело здесь не в кризисе культуры, как утверждают некоторые, не в «тупике», в котором пришедшие в Грузию евреи якобы оказались спустя многие столетия, сохранив в самом что ни на есть архаическом виде все то, что некогда принесли с собой, ничего более не создав в духовной сфере.

Пройденный грузинскими евреями исторический путь развития отнюдь не свидетельствует о том, что их культура кончилась в грузинской диаспоре. Здесь мы имеем дело с явлением чрезвычайно сложным и глубинным. Оптимальные социально-общественные условия, отсутствие разобщающих тенденций и постепенное незаметно-мирное слияние местных язычников и ранних иудеев в Грузии еще во времена дохристианские, да и целый ряд, по-видимому, сокрытых от нас, «неопознанных» причин, столь удачно сложившихся в этой точке земного шара, — все это создало предпосылки для возникновения качест-

¹² Там же, с. 6.

венно нового явления в истории евреев в Грузии и их духовной жизни. И это явление привело не к кризису культуры грузинских евреев, а положило начало ее частичной трансформации, ее приближению к культуре местного населения, а нередко и полному слиянию духовных начал и бытовых реалий. Это был великолепный пример «эманации», перехода «массы» в «энергию». Именно «масса» — первые евреи в Грузии (независимо от времени их прихода), а за ними и пятое и пятнадцатое поколения, и прочие, отдавали свой ум, талант, плоды трудов своих единому целому, уже общему, грузинскому. Отсюда и те цепкие корни, которые грузинские евреи пустили в эту землю. И только этим, т. е. постепенным приближением друг к другу, взаимопроникновением можно объяснить явление, ставшее истоком грузино-еврейского этногенеза. Так постепенно евреи, жившие в Грузии и становившиеся грузинскими, вливались в общегрузинскую культуру и привносили в нее много своего, еще оставшегося у них с древнейших времен. Поэтому они и не создали для себя ничего подобного, скажем, Александрийской Септуагинте, не трансформировали идею незримого бога в идею пантеизма и вступали в грузинскую культуру как полноправные ее создатели. Поэтому вряд ли было бы правильно утверждать, что грузинские евреи, разнежившись в местном тепле и атмосфере сравнительного благополучия, закоснели и остановились раз и навсегда в своем духовном развитии. Так же неверен, на наш взгляд, и тезис о том, что потенциальные силы евреев дремали в Грузии по причине отсутствия здесь антисемитизма. Бесспорно, этническая пестрота населения, характерная для Грузии с древнейших времен, свидетельствует об удивительной толерантности населения. Но дело не только в этом. Антисемитизма не было не только в Грузии, но, к примеру, и в Османской империи, как в центре, так и в провинциях¹³. Но здесь не

¹³ Большое переселение евреев в Турцию произошло во время султана Баязида II (1481—1512) после изгнания евреев из Португалии и Испании. Большая часть переселенцев поселилась в Константинополе и Салониках, который считался центром сефардов — испанских евреев. В Турции, помимо естественного роста еврейского населения, в течение нескольких веков имела место большая иммиграция, вызванная благоприятными здесь для жизни условиями в XIV—XV вв. Об этом свидетельствует и воззвание Исаака Царпательского (оно хранится в Парижской национальной библиотеке) к евреям Германии и Венгрии.

возникло того переплетения корней, в результате чего и появилась уникальная модель еврейства в Грузии. И когда начался распад феодальной системы и стал развиваться капитализм, грузинские евреи вошли в новую эпоху как органическая составная часть Грузии.

С этого времени начинается заметное оживление и развитие общественной мысли среди передовой части грузинского еврейства. Это было вызвано и велением времени, и медленными, хотя и незримыми, глубинными процессами, сотрясавшими многовековую устойчивость замкнутых в своем религиозно-духовном оцепенении общин-джамаатов. Местное еврейское духовенство на протяжении многих веков поддерживало эту замкнутость. Обманывая бедняцкую массу догматическими лозунгами, ортодоксальное духовенство исходило обычно из своих личных интересов. Но наступали другие времена. Капиталистические отношения прочно утверждались в жизни, сметая на своем пути все мешавшее и отжившее. Развитие экономических отношений расширило сферу деятельности занятых в торговле грузинских евреев, уводило их далеко от родных краев, знакомило с положением и проблемами евреев во всем мире. Заметно возросло и число молодых грузинских евреев, получивших образование в духовных и светских училищах за пределами Грузии. Возвращаясь домой, сталкиваясь с косностью и застоем религиозной общины, с ее одряхлевшей идеологией, эти молодые люди, зачастую, вступали в конфронтацию с местным ортодоксально-малограмотным духовенством¹⁴.

Немалую роль в развитии самосознания грузинских евреев сыграло и то обстоятельство, что в Грузии в продолжении всего XIX века не прекращался поток переселенцев евреев-ашкенази из европейской части Российской империи. На всей ее территории гремели «дела бейлисов»¹⁵, а кровавые погромы

¹⁴ В связи с этим весьма показательны, что еще в 1902 г. доктор Ланге добился в Кутаиси открытия начального училища для грузинских евреев с преподаванием грузинского, русского и еврейского. Однако против этого резко выступил снискавший печальную славу ограниченного ортодокса кутаисский раввин Элуашвили. Он считал, что в училищах... «мужчины сближались с женщинами». И ему удалось добиться закрытия училища. Газ. «Сахалхо пурцели» (на груз. яз.), 1915, № 458.

¹⁵ Напущенный процесс в Киеве в 1911—1912 гг. по обвинению еврея Бейлиса в убийстве украинского мальчика из якобы ритуальных соображений.

стонали людей с давно насиженных мест. Значительное количество евреев попало из России в Грузию еще после печально известного «Московского изгнания»¹⁶. Массовый характер воинствующего антисемитизма оказывал свое разлагающее влияние на все уголки огромной Российской империи. Его горестное эхо отозвалось даже в благополучной в этом отношении Грузии, в частности, печально известным делом Сары Модебадзе в Кутаиси.

Живучесть религиозных пережитков в условиях чернотенного правительственного антисемитизма в России ограничивала возможности самозащиты евреев. Официальному лозунгу царской России — «Православие, Самодержавие, Народность», способствовавшему постоянному избиению еврейского населения, последнее противопоставляло свои средства обороны: национализм и сионизм, ограничивавшиеся рамками религиозной философии, а затем приобретшими и иную окраску. Росло число и социалистов среди евреев. Все эти общественно-политические явления, имевшие место в царской России, в той или иной мере оказывали влияние на судьбы евреев во всех других частях империи. В воздухе носилось что-то зловеще новое, что оседало даже в общественном сознании грузин и проявлялось уже в отношении к бывшим испокон века «своими» евреям. Явление это отразилось и в грузинской периодической печати второй половины XIX—начала XX столетий. Наряду со статьями описательного характера о быте, этнических особенностях и религии грузинских евреев, написанных в обычных традициях грузинской историографии, стали появляться и эпатажные, откровенно злобные и неприязненные высказывания в адрес грузинских евреев. И как реакция на это, ожила уже исчезающая было средневековая инерция религиозно-общественного отчуждения грузинских евреев, ощутивших смертоносное дыхание антисемитизма. Как известно, это позорное явление, свидетельствующее о тяжелой болезни общества, не обязательно проявляется в форме кровавых погромов и активно-негативного отношения к евреям. Презрительное слово «урия», обретшее вдруг некий недобрый, несвойственный ему ранее смысл, вряд ли могло ласкать ухо грузинского еврея, кто бы он ни был. Следует

¹⁶ 29 марта 1891 г. Александр III наложил резолюцию на предложение министра внутренних дел Российской империи запретить евреям-ремесленникам селиться в Москве и Московской области и о постепенном выселении из этих мест уже живших там евреев.

признать, что передовые круги грузинской интеллигенции, занятые своими проблемами, в своем отношении к этой проблеме дальше созерцательно-пассивного сострадания не пошли и практически ничего не сделали для уничтожения в зародыше этого крайне неприятного и чуждого для грузинской действительности явления.

Все это вызвало сильную обеспокоенность в среде грузино-еврейской интеллигенции и подвело к черте, за которой стояли вопросы, требующие безотлагательного ответа: кто мы, грузинские евреи? Религиозно-этническая группа или один из религиозных пластов истории Грузии? На страницах грузинской периодической печати того времени нашли отражение острые дискуссии. Одна часть грузино-еврейской интеллигенции давно считала себя грузинами, лишь исповедующими иудаизм, и была за полную ассимиляцию евреев в грузинской среде. Другая часть грузино-еврейской интеллигенции выступила с проповедью реанимации позабытого еврейского начала. Все это было чрезвычайно сложно, и не только потому, что впервые с такой мощной силой всколыхнуло грузино-еврейское общество. Среди представителей этих двух направлений не было правых или неправых. За каждым стояла своя выстраданная историческая правда, свое глубинное видение проблемы. Но тем не менее «ассимиляторы» оказались не в состоянии изложить свою программу, которой по сути у них и не было. Что предлагали они нищей в своем большинстве, бесправной и униженной массе? Ничего, разве только декларации, нуждавшиеся в ясности, доходчивой аргументации. Их слова не грели души людей, поэтому «ассимиляторы» не смогли обрести твердой социальной опоры. Все их усилия застыли в печатном слове, они ограничились спорами со своими идейными противниками. В то же время второе направление, призывавшее вернуться к еврейским первоисточкам, на фоне всех этих общественных событий и явлений, имело несомненный успех среди еврейского населения. Деятели этого направления не только шумели в газетах, но и принимали конкретные меры, чтобы помочь еврейской бедноте (а речь шла исключительно о ней) и изменить ее жизнь. Они развернули широкую просветительскую деятельность, стремились открывать школы, распространять книги, насаждать новые идеи; для этого надо было вовлечь всех раввинов Грузии в эту просветительскую деятельность, но все попытки в этом направлении наткнулись на глухую стену враждебного непонимания. Следует отметить, что реакционные ортодоксы вообще сыграли резко отрицательную роль в раз-

витии общественного самосознания грузинских евреев, ибо давно выродились в слой функционеров, не желавших каких-либо новаций, могущих отразиться на их экономическом благополучии. Поэтому тщетны оказались призывы раввина Д. Баазова создать в Кутаиси центральное духовное училище и училища в провинциях — «Талмуд-Тора»¹⁷.

В 1918 году в общественной жизни грузинских евреев произошло важное событие: раввин Д. Баазов и один из представителей грузино-еврейской интеллигенции Ш. Цициашвили выпустили в Кутаиси газету «Хма эбраэлиса» («Голос еврея»). Газета выходила раз в две недели, всего вышло пятнадцать ее номеров. Это был первый печатный орган за всю историю существования грузинского еврейства. Газета ставила себе целью ознакомить грузинских евреев с мировым еврейским движением.

В ноябре 1924 года вышел первый номер газеты «Макниавели» (на груз. яз.), призванной отражать жизнь грузинских евреев; была создана театрално-драматическая студия «Надима», куда охотно шла грузино-еврейская молодежь¹⁸. Делу просвещения должно было служить и общество «Тарбут» (в переводе с еврейского означает «Культура»). Однако даже во время столь мощного пробуждения самосознания грузинского еврейства его передовые представители и не мыслили себе отрыва евреев от Грузии. «Мы, грузинские евреи, — писал раввин Д. Баазов, — настолько связаны с грузинами и настолько спаяны с ними, что попытка отойти от них означала бы объявить борьбу самим себе»¹⁹.

Думается, что к концу XVIII века определенная часть грузинских евреев была близка к тому, чтобы расстаться со своей этнической сутью и ограничиться лишь религиозной оболочкой. К этому постепенно, незаметно и естественно вел их на протяжении десятков веков существования грузинской диаспоры весь предшествующий ход социально-политического развития общества, с которым общественное самосознание гру-

¹⁷ Газ. «Самшобло», 1915, № 176.

¹⁸ Активное участие в организации и работе студии вместе с писателем Г. Баазовым принимал общественный деятель и большой знаток еврейского языка, переводчик Натан Элиашвили.

¹⁹ Газ. «Сахалхо пурцели», 1915, № 458.

зинских евреев не вступало в противоречия. Однако зарождение и дальнейшее развитие определенных явлений, вызванных внешними и внутренними факторами, разъедали процесс гармонического слияния, нарушали возникшие с незапамятных времен тенденции и всячески способствовали устойчивости грузино-еврейской этнорелигиозной модели, проявившейся как самозащитная реакция. И тогда история выдвинула свой казавшийся в то время единственно приемлемым, вариант, приведший к возникновению проблемы грузинского еврейства.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ. «МЕРАНИ»

ВИСРАМИАНИ. Вис и Рамин. Перевод с древнегрузинского С. Иорданишвили, Художник З. Порчхидзе. Тбилиси, 1989, 256 с. ил. 40 000 экз. — 4 р.

ДОЧАНАШВИЛИ Г. Только один человек. Повести, рассказы. Перевод М. Гржендзица. Тбилиси, 1989. 445 с., 20 000 экз., 2 р. 30 к.

Зураб АВАЛИШВИЛИ

НЕЗАВИСИМОСТЬ ГРУЗИИ в международной политике 1918—1921 гг.

ГЛАВА VIII. НОВЫЙ ПУТЬ.

23

Трешоления, вызванные домогательствами турок, достигли крайнего напряжения, когда делегация наша получила от генерала фон-Лоссова формальное предложение добрых услуг в качестве посредника, ввиду безуспешности сношений между оттоманскими и закавказскими представителями (19-го мая). Большинство находило, что за это предложение следовало ухватиться. Однако му-

Грузинский общественный деятель, юрист, правовед Зураб Давидович Авалишвили (З. Авалов) родился в 1876 году в Тбилиси. Окончив 1 тбилисскую гимназию, поступил на юридический факультет Петербургского университета, который закончил в 1898 году. До 1918 года жил и работал в Петербурге (с 1914 г. — Петрограде) — преподавал право в Университете и Политехническом институте.

сультане, как выяснилось в совещании делегации, боялись принятием германского посредничества обидеть турок: их надлежало бы предварительно спросить и т. д. По мнению Гаджинского, вообще, не следовало затягивать переговоры. «Надо кончать», говорил он, так или иначе: для восточной части Закавказья несогласия несущественны». Эти несогласия были очень существенны для Грузии и Армении. Мы стояли на перекрестке: одним было по пути с турками, другим — не по пути.

Фон-Лоссову тогда же ответили принятием его предложения. Близость разлагающейся Победоносной Турции как сильно действующий реактив вызывала распадение слабого еще, не устроенного, потрясенного войною и революцией агломерата — Закавказья. От него естественно отваливался мусульманский Азербайджан, влекомый к Турции магнитною силою ее притяжения. Голос породы оказался сильнее векового предубеждения шиитов против суннит, особенно в тех образованных слоях, шиитское рвение которых значительно остыло под влиянием русско-европейской культуры.

Этим одним для Закавказья уже исключалась возможность единого политического маневрирования, т. е. единой внешней

С 1918 по 1921 год З. Д. Авалишвили — консультант министерства иностранных дел Грузинской Демократической Республики. В 1921 году он эмигрировал в Европу, где и погиб в 1944 году.

Перу З. Д. Авалишвили принадлежат многочисленные работы по истории Грузии, среди которых несомненно выделяются «Присоединение Грузии к России» (изданная на русском языке в 1901 и в 1906 гг.), а также вышедшая в Париже в 1924 и переизданная в Нью-Йорке в 1982 году (тоже на русском языке) «Независимость Грузии в международной политике 1918—1921 гг.». В грузинском переводе эта книга была издана в Тбилиси дважды — в 1925 и 1929 гг., а в 1940 году вышла в Лондоне на английском языке. В ней рассматриваются процесс формирования Грузинской Демократической Республики и история ее внешней политики.

Очевидец и непосредственный участник серьезнейших событий той эпохи, З. Д. Авалишвили описывает их с документальной точностью и завидной беспристрастностью. Не беремся судить о верности политических оценок излагаемых фактов — это дело ученых, историков, но ценность подобного материала несомненна. Вместе с тем, нельзя не отметить от-

политики. Каждая часть его должна была сама о себе позаботиться.

Что Грузия была к тому готова сравнительно организованностью своей, с такой уверенностью мы приехали в Батум¹. Что она должна действовать самостоятельно, выяснилось окончательно после занятия турками всей мусульманской части Грузии — от Батума до Боржомского ущелья, и ввиду неудержимой тяги их к берегам Каспийского моря.

Быть этапным коридором для «армии ислама», хотя бы временно, нас не соблазняло. Прогнать турок силою мы не могли. Единственный выход — политика германского «намордника». Но для этого нужно: выступление независимой Грузии; уговор с Германией и определенная германская поддержка.

Практическая злоба дня побуждала именно так ставить вопрос: но гораздо более глубокие побуждения толкали на тот же путь.

¹ Приводя орфографию в соответствие с нынешними нормами, сохраняем авторскую огласовку топонимов, принятую в той эпохе (К. К.).

точности стиля автора, великолепного владения фразой, его тонкий юмор, умение несколькими штрихами воссоздать колорит, атмосферу времени и места действия, образы исторических лиц. Все это придает книге особую привлекательность.

Независимой демократической республикой Грузия была объявлена 26 мая 1918 года. Восстановленное после ста с лишним лет независимое государство, каким и была Грузия вплоть до 1801 года, просуществовало, увы, недолго — до 25 февраля 1921 года. Тем не менее, в Грузии помнят, а ныне и празднуют 26 мая — день, открывший новую, счастливую страницу в богатой всевозможными тяжкими испытаниями истории древней страны.

Предлагаем фрагменты из книги З. Д. Авалишвили, имя и труды которого до последнего времени были известны лишь в кругу специалистов. Настоящая публикация, первая в нашей прессе на русском языке, приурочивалась к вышеназванной дате 26 мая, то есть планировалась в 5, майском номере журнала, но апрельская трагедия, естественно, внесла изменения и в содержание номеров «Литературной Грузии».

Камилла КОРИНТЭЛИ

Как было не услышать в этот единственный момент клочкотания исторических стихий, как было не внять голосу всех, кого уже давно нет; как не подумать и о тех, что еще придут? Сколько поколений создавали грузинскую нацию и тщетно искали для нее условий вольного развития под солнцем? Вот независимость застучала в дверь — как не броситься ей навстречу! Если упустишь это мгновение, как ответить потом перед теми, кто будет после нас? Или этот народ рожден только для рабства, для подчинения, и ему окончательно превратиться в «этнический материал», из которого штампуются, смотря по обстоятельствам, то персы, то турки, то русские? Нет, он помнит; он желает воспрянуть и стать опять самим собою. Он этого не желает? Он вздохнет о своей тюрьме, как «Шильонский узник» Байрона? Пусть это теперь и обнаружится! Перевертывается страница истории.

Впрочем, в таких размышлениях не было надобности: одним, немногим, они давно были знакомы. Другие проникались скорее тактическими соображениями. У большинства и вопроса не возникало: воля, инстинкт, подсознательное несли их в эту сторону. «Шахматный» же расчет был не бог весть какой сложный: прежде всего, опираясь на Германию, оградиться от турок и организоваться. В организованном виде, как нация, ждать окончания мировой войны — положение наше тогда и определится, причем мы и сами будем фактором, его определяющим, — хотя бы и скромным. И соотношение с Россией выяснится тем же путем.

В откровенных беседах с членами Германской делегации подготовлена была намечавшаяся позиция Грузии — в предвидении неизбежного развала Закавказской коалиции. Всего несколько лиц были, так сказать, в секрете. Приехавший из Тифлиса Н. Жордания, по своему положению председателя грузинского Национального Совета, лидера соц.-дем. партии в Закавказском Сейме и в Грузии, был лицом, на чью долю выпала трудная задача проведения в Тифлисе основных актов (провозглашения независимости Грузии и самоотмены Закавказского Сейма). У него были, по-видимому, колебания, вполне понятные и законные: независимость Грузии мало вязалась и с доктриной всей его прежней работы, и с принадлежностью его к российской соц.-демократ. партии. Но раз «уверовав», он взялся за проведение новой программы искусною рукою.

22-го мая он уехал обратно в Тифлис. Работа «германо-грузинская», параллельно с «закавказско-турецкой», шла полным ходом.

24 мая генерал фон-Лоссов известил нас о безуспешности попыток его посредничества. 25-го председатель Закавказской делегации получил от генерала уведомление, что ввиду предстоящего,

по его сведениям, распадаения Закавказской республики и изменения, в связи с этим, всей обстановки, ему необходимо личное сношение со своим правительством, вследствие чего он решил покинуть Батум вечером же на пароходе «Минна Хорн».

Германская делегация действительно отбыла в этот вечер из Батума.

26-го мая Закавказская делегация получила ультиматум Турции с требованием принятия совокупности турецких предложений (дополненных новым изменением границ в пользу Турции) в 72-часовой срок. В момент получения ультиматума Закавказская республика уже не существовала: ровно за 4 часа до того в Тифлисе последовало объявление независимости Грузии. Вот, впрочем, несколько отрывков, которые лучше выразят смену событий.

БАТУМ, 21 МАЯ 1918.

Утром обзриваем с Н. Жордания и Николадзе по карте необходимые нам границы. В крайнем случае готовы «отдать» Закавказский округ. Никаких других исправлений границ в пользу Азербайджана не допускаем. Турки пристали буквально с ножом к горлу — но Ахалцих, Хертвиси должны остаться в Грузии.

Днем — совещание грузин с татарами¹ о взаимной границе. С одной стороны — Николадзе, Жордания, Сургуладзе и я; с другой — хан Хойский, Хасмамедов, Сафикиюрдский, Пепинов, Усубеков, Джафаров. Армяне отказались от частей Елисаветпольской губ. (Карабаг), и мусульмане... согласны на образование особого армянского кантона в Закавказье (примерно, по схеме «Александропольской губернии» недавней эпохи земских мечтаний). У нас они не прочь отхватить части уездов Сигнахского, Тифлисского и Борчалинского (каково слышать об этом царям в мцхетских могилах!), но соглашение здесь возможно: они уступят. По ахалцихскому вопросу Пепинов выдвигает самоопределение (разумея присоединение к Турции).

В общем, наши друзья-мусульмане уверяют, что «триединое» Закавказье будут отстаивать всячески; но, говорят они, как быть, если турки от своих требований не откажутся и один из проектируемых «кантонов» будет отсутствовать? Они желали бы сохранить в этом случае Закавказье хотя бы «двуединым»...

Мы ответили, что если Закавказью будет действительно нанесен такой удар в Батуме, то мы будем считать себя свободными, и каждая сторона должна будет осмотреться.

¹ Татары — по-груз. общее название мусульман. Здесь имеются в виду азербайджанцы. (К. К.).

Ну, не преждевременно ли было приступать к сочинению Закавказской конституции в Тифлисе?

Позже прогулка в «закавказском» автомобиле; спутники мои — Чхенкели, Жордания уже более года как освоились с этой ценною прерогативою революционной власти. Вверх по ущелью Чороха, до впадения Аджарис-цкали. Насколько этот пейзаж, эти мощные коренные деревья приятнее приморских «субтропических» ухищрений.

Группы мулов с вьюками и проводники их едва ли были иными в дни блаженного отца нашего Григория из Хандзты, который здесь поблизости, в грузинской Фиваиде — Кларджетия¹ вместе с другими иноками молился за грехи наши — тому назад свыше тысячи лет.

Это беженцы, рассеянные русско-турецкими ошибками, возвращаются обратно.

Поздно ночью помогаю генералам Одишелидзе и Корганову в просмотре, вместе с двумя турецкими офицерами, текста специально военного соглашения. Жаль генералов.

22 МАЯ.

Решительное совещание, ввиду угрожающего Закавказью крушения, — о необходимости провозглашения независимости Грузии. Схема та, о которой давно уже в качестве «советника» я твержу здесь и с которою Чхенкели и другие согласны. Независимость и территориальная целостность Грузии обеспечиваются Германией. Восточное Закавказье получает свободу действий и устраивается с помощью турок. Армяне также должны будут провозгласить свою независимость, главная их работа в данный момент — оградить жизнь населения от турецких приемов. Они добиваются заступничества и помощи Германии и, наверно, получают ее. Позже они, да и мы можем рассчитывать на более справедливое разграничение с Турцией. Но это, как и устройство наших закавказских взаимоотношений и пр. — вопрос дальнейший.

Написать примерный проект провозглашения независимости Грузии — пора уточнять, действовать. Чхенкели, Николадзе, Жордания, Сургуладзе одобрили. Жордания взял этот проект с собой в Тифлис*. Мы особенно пожимали ему руку на прощанье. Ему

¹ Кларджетия — историческая провинция Грузии, ныне находящаяся в руках Турции (К. К.).

* Я не оставил себе его копии и не знаю, пользовались ли им при составлении «Акта независимости Грузии» 26 мая 1918 г.

придется аранжировать нешуточную пьесу. Подумать только об этой чаще всяких организаций, советов и еще более густой чаще предрассудков! Впрочем, он уже, очевидно, подготовил последний акт: остается дернуть за шнурок.

23 МАЯ.

После облачной, необычно прохладной погоды яркое солнце. Решили, что временное соглашение с Германией, над которым мы спешно работаем (точнее, соглашения — будет несколько документов) должно быть, согласно брест-литовской моде, изложено на двух языках: по-немецки и по-грузински. Сегодня, между прочим, читаем проект соглашения о предоставлении временным грузинским правительством Германии в пользование всего находящегося в гаванях Грузии тоннажа.

Если контрагенту это приятно, отчего не уступить ему того, что и не существует в природе? Каково! Договор о грузинском тоннаже! С Германией!

24 МАЯ.

Напряженная работа. Считаю с Везендонком окончательные проекты. Многие начинают догадываться, что за сценою идет глухая работа, что декорации меняются. Поздно вечером составляю следующую телеграмму, которая отправляется в ночь на 25-ое мая, за подписью Чхенкели:

«Тифлис, генералу Квинитадзе.

Передайте президиуму Национального Совета Грузии следующее: дальнейшее промедление провозглашения независимости повлечет за собой непоправимые последствия. Попытка германского посредничества не удалась. Остается одно: противопоставить турецкому нашествию независимую Грузию, поддерживаемую Германией. Ее представителем при грузинском правительстве будет граф Шуленбург, которого необходимо признать немедленно по провозглашении... Подготовлен уже к подписанию ряд временных соглашений с Германией... Жду скорейшего сообщения об акте».

Генерал И. З. Одишелидзе собственноручно зашифровал эту телеграмму. Георгиевский кавалер (еще за Японскую войну), бывший военный губернатор Самаркандской области, начальник штаба одной из русских армий на западном фронте и пр.:

До чего Вы дошли, генерал! — А он ничего, рад.

Полным ходом заканчиваем закулисную работу.

Германцы покидают вечером Батум на «Миппа Ногп». В последнюю минуту приехал за текстами адъютант фон-Лоссова. Дали ему все, что было готово...

Гудок. «Миппа Ногп» отчалила — куда, никто не знает. Но мы знаем. Лишь бы не запоздало провозглашение независимости!

Поздно ночью толкуем о наших шансах с Чхенкели и Николадзе. Из Тифлиса депеша: независимость будет провозглашена завтра, 26 мая. Вопрос проведен по всем инстанциям. Только татары просят повременить.

26 МАЯ. ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Пишу для Тифлиса проект некоторых нужных актов, а также письмо на имя ген. фон-Лоссова, которое повезет в Потти Артур Лейст. Делегация начинает расплзаться, но закулисная, по необходимости, работа наша прошла незамеченной. Никто, кажется, не подозревает того, что произойдет сегодня и завтра.

За табльдотом обычная болтовня. Мой сосед, сроднившийся с Грузией немец-литератор беседует о Риме. Отличная тема, когда кругом все плачутся — кто по Ахалциху, кто по Александрополю.

Позже улучаю несколько минут, чтобы посидеть на морском берегу. Вот у самой воды, сблизив стулья, доверительно и серьезно обсуждают что-то Халил и Вехиб-паша.

Море голубое как никогда. Зелень горных лесов вокруг угадывается: она закрыта полупрозрачною голубою мглою. Дельфинова морда все выскакивает из воды — какой он жесткий и мокрый! Баклан плавает, ныряя и оставаясь подолгу внизу. На пляже гуляют группами константинопольские чиновники — молодежь с видом манекенов из магазина готовых платьев, турецкие офицеры и германцы в турецкой форме, чиновники старого режима с каким-то посторонним видом, их дебелие дамы, наши офицеры, не имеющие вида пленников.

Музыка поблизости играет что-то наивно-пошлое, прогудел наверху аэроплан — лодка под парусом резко прошла берегом...

Итак, клин клином вышибай; но мы заслонимся от турок германцами. «Заслон» больше символический, так как войска у них здесь нет; впрочем, в Натанэби уже образовался германский пикет (из военнопленных). Вопрос, не соблазнит ли турок близость городов и надежда на добычу?

Другого пути нет: мы организуем независимость. Германия

будет держать за фалды турок; за это поживится у нас кое-чем. Азербайджан будет пока под влиянием Турции. Армения — под турецким нажимом, смягчаемым присутствием германцев.

В 9 часов вечера меня и Николадзе зовут к председателю делегации. Пакет от Халил-бея. Ультимативное требование в 72 часа принять полностью полученные нами 11-го мая турецкие условия. Притом, турки прихватили теперь уже и Нахичеванский уезд (Эриванскую губернию), т. е. железную дорогу Карс—Александрополь — Джульфа целиком.

О существовании этого ультиматума наши мусульмане знали еще днем. Мотивировка его была облегчена жалобами, шедшими из известных кругов татарского общества: послушать теперь Халил-бея, мусульман везде грабят и режут, и турки не могут отдать их на съедение бандитам-революционерам и т. д.

Турция опять захватывает Ахалцихский уезд, древнюю Месхетию; и хребет, окаймляющий Рионскую долину с юга, который так хорошо виден с балкона митрополичьего дома в Мартвильском монастыре, снова делается границей между Исламом и Грузией...

Ультиматум — а наши соглашения с Германией еще не подписаны. Брр...

...Приносят депеши из Тифлиса. Полковник К., командующий в Натанэби, поздравляет... но вот телеграмма Н. Жордания и Н. Рамишвили: «Сегодня в пять часов пополудни Национальный Совет провозгласил Грузию независимой республикой. Председатель правительства — Рамишвили, министр иностранных дел Чхенкели. Закавказский Сейм признал себя упраздненным, и единство Закавказья прекратилось».

Таким образом, за четыре часа до получения нами турецкого ультиматума, Закавказская республика, огромный моллюск — без позвоночника — перестала существовать.

Немедленно составляю текст письма на имя Халил-бея с извещением, что ультиматум, адресованный им правительству Закавказской Республики, не мог быть вручен по принадлежности ввиду распада ее и состоявшегося провозглашения независимости Грузии.

Тем временем в кабинет Чхенкели приходят Хатисов, Качазнуни, ген. Одишелидзе. На этот раз вопрос «что нового?» не остается без ответа. Хатисов недоумевает: что же будет с Тифлисской Обсерваторией, Закавказским Повивальным Институтом и другими общекраевыми учреждениями? Вообще, в Тифлисе грузины в меньшинстве и т. д.

Какие тут повивальные институты! Закавказье объявили федерацией трех народов раньше, чем организовали каждое из этих слагаемых. Правда, целый ряд обстоятельств заставил начать постройку с крыши, а не с фундамента. Теперь новые обстоятельства возвращают нас к необходимому началу, т. е. к организации Грузии, Армении и Азербайджана как самостоятельных единиц, союзное соединение которых должно быть осуществлено при первой же возможности, т. е. как только Турция перестанет играть здесь роль разлагающего фактора.

Раз вопрос ставится так — впрочем так он уже разрешен сегодня! — то Тифлис будет как всегда столицей Грузии, армяне имеют Эривань, а татары обоснуются в Гандже, пока не освободят Баку.

ГЛАВА IX. КУРС НА ГЕРМАНИЮ

25

С германской делегацией было условлено, что выработанные в Батуме временные соглашения будут подписаны в Потти, куда германцы выехали, как мы видели, 25-го мая вечером. Там предстояла встреча их с Н. Рамишвили и А. Чхенкели; последний должен был затем вместе с германской делегацией отправиться в Берлин, для более основательных и регулярных переговоров с германским правительством.

Временным представителем Германии в Тифлис назначался граф Шуленбург, о принятии которого в этом качестве, а также г. Андерса, консульским представителем в Потти, грузинское правительство уже известило генерала фон-Лоссова.

Однако официально мы просто возвращались в Тифлис ввиду изменившихся обстоятельств. Вместо закавказской должны были явиться в Батум делегации трех новых республик.

Легко представить себе смятение, царившее в Hotel Oriental 27-го мая, когда все узнали, что закавказская делегация приказала долго жить. Решили уехать специальным поездом, вечером того же дня. Остались кое-кто из состава военной миссии, драгоман д-р Гамбашидзе и др.

На вокзале ждем целую вечность отхода поезда. Пришлось долго занимать разговором Вехиб-пашу, приехавшего провожать членов бывшей Закавказской делегации. Ему всего 42 года, по его словам; но вид у него человека пожилого. Сколько ночей,

говорит, приходилось мне, командиру, проводить в автомобиле а на обед довольствоваться стаканом молока и одним яйцом вкрутую! Родом он албанец из Янины, но мать его была грузинка-мусульманка из Ахалкалаки. У них в семье — 17 офицеров, 3 командующих армией. Нусрет-бей, юрисконсульт, тоже албанец из Янины*.

Наконец, уехали из Батума. В Натанэби (пограничная станция) энергичная фигура полковника К. Толпа солдат свободной Грузии. Но вот новость — германский офицер в каске. Это — импровизация, с нашей помощью, графа Шуленбурга. Офицер в роли пугала, явно балтийского происхождения, но главное — каска: знак того, что туркам здесь нечего делать. Иным из наших спутников каска эта не очень по вкусу: они видят в ней ущерб для фески. Какое множество «различий» выражено различием этих головных уборов!

На узловой станции Самтреди вагон с теми, кто должен ехать в Потю, отделяется. Остальной поезд продолжает путь на Тифлис: из его пассажиров мало кто знает о назначенном в Потю свидании.

Ночью приехал из Тифлиса наш премьер Рамишвили, которого я видел впервые. Представительная фигура, не без изящества. Но что скрывается за этим фасадом?

Рано утром у нас совещание с Рамишвили и Чхенкели, ввиду предстоящего подписания соглашения с Германией. Тем временем поезд приближается к Потю по местности плоской, как стол, заболоченной, в вековом ожидании дренажа и других мелиораций — одна из любимых тем грузинского словесного прожектерства!

В Потю знакомые лица — П. Сургуладзе, бывший здесь при германской миссии, И. Гоголашвили, с готовыми уже печатями, бумагами и прочим канцелярским оборудованием новорожденной республики, граф Шуленбург. Едем дальше, в порт. На молу развевается германский флаг, в ожидании грузинского. У пристани германский стационар из Константинополя Loreley; рядом гордо возвышается купчиха Minna Horn. Торжественно поднимаемся по крутому трапу: я, за мною Чхенкели, за «его превосходительством» ординарец Ахмет-бек Бежанидзе, офицер весьма внушительного вида, из грузин-мусульман, и другие — сцена достойная... недельной хроники кинематографа.

Генерал фон-Лоссов очень нас торопит: чем скорее в путь, тем лучше. Все ли в сборе и т. д. Недостает только Николадзе.

* Ныне (1924) Вехиб-паша эмигрант в Италии, а Нусрет-бей — уполномоченный ангорского м-ства иностран. дел в Константинополе.

который прибудет в последнюю минуту. Тем временем мы приступаем к делам, и несколько позже я отправляюсь за Рамишвили, который, в свою очередь, поднимается наверх, салютуемый на борту часовыми. После трехчасового обсуждения (в перерыве мы завтракаем с германской делегацией) соглашения, наконец, подписываются.

По просьбе Шуленбурга пишем бумагу для германского лейтенанта барона П., посылаемого с небольшим пикетом в Сухум.

Еще разговор на пристани с германским консулом и с графом Ш., который просит «передать привет Германии»; отъезд близится; на пристани собралась огромная толпа.. наконец, отчаливаем, часов, кажется, в пять. Берег стал быстро удаляться мне, даже мельком, не пришлось видеть независимой Грузии!

26.

В чем же заключалось существо временного грузино-германского соглашения 29 мая 1918 г.? Вопрос не лишен исторического интереса ни для того, кто изучает методы и цели Германии в последнем фазисе мировой войны, ни кому интересна история Ближнего Востока вообще и отдельно судьба Грузии и Кавказа после русской революции.

Основное «временное соглашение по установлению предварительных взаимоотношений между Германией и Грузией», договоренное в Потти между Германским Императорским Правительством, в лице королевско-баварского генерал-майора фон-Лосова, и Грузинским Правительством, в лице министра иностранных дел Акакия Чхенкели, состояло всего из пяти статей.

По ст. 1. Грузия признавала постановления Брест-Литовского договора 3 марта 1918 г. основой своих взаимоотношений с Германской Империей.

По ст. 2. Грузия разрешает германскому правительству пользоваться, по окончании войны, грузинскими железными дорогами для перевозок войск и военных материалов четырех союзных держав. Для контроля железных дорог с этой целью учреждается в Тифлисе особая комиссия под руководством Германии, действующая совместно с грузинским правительством. Предусматриваются германские команды на железнодорожных станциях и в Потийском порту.

Ст. 3 и 4 касаются установления взаимного дипломатического и консульского представительства; и, наконец, ст. 5 гласит о возможно скорой замене настоящего соглашения (вступающего в силу одновременно с подписанием) формальным трактатом между

договаривающимися сторонами — поскольку не будет заключено общего договора между четырьмя союзными правительствами (т. е. германским, австро-венгерским, турецким и болгарским) одной стороны, и грузинским правительством — с другой.

Главная сила этого (основного) соглашения лежит, конечно, а) в фактическом признании грузинского правительства германским и б) в установлении, на время войны, германского контроля над железными дорогами Грузии.

Одновременно заключено было два дополнительных соглашения. Из них первое касается тех хозяйственных вопросов, решение которых будет иметь значение для заключения грузинским правительством в Германии займа. Это как бы программа будущего экономического соглашения, связанного с этим займом.

Так как предполагалось, что доходы от железных дорог и от порта Поти могли бы служить обеспечением платежей по займу, то грузинское правительство заранее (ст. 1) декларирует, что железные дороги Грузии составляют собственность государства, что потийский порт перейдет в государственное управление; и что оно согласно на учреждение особой грузино-германской комиссии, для контроля эксплуатации названных дорог и порта (если их доходами будет обеспечиваться погашение займа).

Ст. 2 намечает создание, на паритетных началах, грузино-германского горнопромышленного общества, которому грузинское государство передаст исключительное право эксплуатации недр, предварительно закрепив за собой, в законодательном порядке, монополию горного промысла.

Общество это будет находиться под надзором государства; особыми законами будет осуществлена, путем соглашений, ликвидация существующих горных предприятий и приобретенных прав. Экспорту добываемых руд не будет чиниться препятствий.

Если изложенная здесь схема очень соответствует господствовавшим с особой силой во время войны идеям государственного социализма и объединенного планомерного предпринимательства, то в ст. 3 выразился чрезвычайный интерес Германии к сырью, вся наличность которого, за покрытием местных нужд, могла быть приобретена и вывозима Германией.

В ст. 4 Германия обещала наладить пароходное сообщение с Грузией и облегчить привоз в последнюю фабричных товаров, полуфабрикатов и продовольственных грузов.

Второе дополнительное соглашение (всего из двух статей) имеет в виду интересы немцев-колонистов, поселенных в Грузии русским правительством еще в первой половине XIX-го века;

сохранение их привилегий, свободу возвращения в Германию / право ее заступничества за них.

Сверх вышеизложенных трех соглашений, создающих вокупности, основу грузино-германских взаимоотношений, в Потти были подписаны еще три отдельные конвенции: о временном допущении германской валюты в качестве платежного средства наряду с туземными деньгами, по особому курсу, и о порядке установления этого курса особым соглашением правительств; о средствах и способах к скорейшему размену пленных (в дополнение к постановлениям Брест-Литовского дополнительного договора); о предоставлении в распоряжение германского правительства находящегося в грузинских портах тоннажа.

Необходимость первой из этих специальных конвенций связывалась главным образом с предстоявшим прибытием в Грузию, по соглашению с правительством последней, германских войсковых частей (подобные же конвенции были Германией заключены в свое время с Болгарией и Румынией). Вторая едва ли нуждается в особых пояснениях; значение третьей было, вообще, очень невелико.

Потийские соглашения разрешали злободневные вопросы, вытекавшие из войны; с другой стороны, они предусматривали помощь Германии, т. е. главным образом германского капитала в государственном строительстве и экономическом развитии Грузии. Германия обеспечивала себе немалые преимущества — особенно в будущем; но и Грузия извлекала выгоды — притом непосредственные — из соглашения.

Благодаря последнему она избавилась от бремени грозившей ей турецкой оккупации: и никто, кроме Германии, не мог этого дать — по крайней мере, летом 1918 года. В то же время, Германия оказалась — и только она могла, в данный момент, сыграть эту роль — восприимчиком государственной независимости Грузии. Благодаря ее поддержке вопрос этот получал значение международное.

В секретном письме, адресованном генералом фон-Лоссовым грузинскому правительству, тогда же, т. е. 28-го мая 1918 года в Потти, он брал на себя обязательство добиться того, чтобы «германское правительство объявило свою готовность оказать поддержку Грузии в переговорах с русским правительством относительно выступления Грузии из состава Российской империи и, после отделения ее, признать Грузию свободным и независимым государством». Равным образом уполномоченный Германией обязывался приложить старания к тому, чтобы «Германия оказала

Грузии помощь в деле обеспечения ее границ и при установлении взаимотношений Грузии с соседними государствами».

04.1935340
2022-07-09 09:33

В том же письме давалось общее определение территориального состава Грузии: границы ее охватывают прежние губернии Тифлисскую, Кутаисскую и Сухумский округ.

Согласно этого определения, Батумская область исключалась из пределов Грузии (что, впрочем, соответствовало Брест-Литовскому договору); но заявленные только что в Батуме новые претензии Турции на два уезда Тифлисской губернии (Ахалцихский и Ахалкалакский) не принимались во внимание представителем Германии. Это был результат наших настояний и переговоров. Разумеется, лишь позже, в Берлине, могло выясниться, насколько Германия действительно пожелает взять на себя обязательство, в пользу которого генерал фон-Лоссов обещал всемерно стараться.

Любопытна, равным образом, следующая оговорка, изложенная в письме: Сухумский округ (включая Гагры) составляет часть Грузии до тех пор, пока Грузия образует отдельное государство в пределах Кавказа. В случае же образования конфедерации кавказских народов, с участием в ней Грузии, — населению Сухумского округа должно быть предоставлено решение о положении его среди кавказских стран.

Иными словами, население Абхазии имело бы в этом случае выбор между соединением с Грузией, вступлением в Союз горских народов, или участием в Кавказской конфедерации в качестве особого государства-кантона.

Отсюда видно, какое значение придавалось плану политического объединения кавказских народов в тот самый момент, когда обстоятельства сделали необходимым расторжение Закавказского Союза!

Остается прибавить, что вышеозначенное письмо генерала фон-Лоссова заканчивалось сообщением о предстоящем прибытии в Потти германских войсковых частей: это знаменовало для Грузии возможность приступить к первым актам своей государственной жизни, не опасаясь дальнейшего турецкого наступления. Первейшая наша задача близилась, таким образом, к осуществлению. Более определенные результаты, разграничение с Турцией, согласование грузинского вопроса с положением вещей в России и т. д., могли быть добыты лишь в Берлине: наш путь туда и вел.

Шли прямым рейсом — в эти месяцы 1918 г. Черное море было попросту германским озером — на Констанцу. Погода была превосходная, качка незначительная, отсутствие других пассажиров, кроме делегаций; много свободного времени; все данные для непринужденного обмена мнений.

Кроме ген. фон-Лоссова, О. фон-Везендонка и еще двух членов германской делегации, мы имели попутчиками одного полковника генерального штаба, возвращавшегося в Константинополь, и журналиста Вейц, сотрудника «Франкфуртской газеты», бывшего равным образом в Батуме. С нами ехали делегаты Армении: А. Зурабов (ныне умерш.), которого я помнил еще по Петербургу свирепым студентом-лесником. Профессиональный революционер по роду занятий и по темпераменту, с-д. по партийной принадлежности, он был членом Государственной Думы (2-ой) от Туркестана, прошумел, помнится, какой-то выходкой по адресу армии, а теперь ехал в Берлин за поддержкой для своих единокровцев, рассчитывая, конечно, не на «генеральскую» Германию, а на Genossen. Мало схож был с ним другой армянский уполномоченный, д-р Амазасп («Амо») Оганджян, человек мечтательно-революционного склада, патриот и народолюбец.

Грузинская делегация состояла из Чхенкели, Николадзе и «моей малости», как выражаются немцы*.

Был еще с нами, в качестве депутата от грузинских социал-демократов к германским товарищам, Ладю Ахметели, заслуженный журналист и партийный работник, семинарист, поучившийся затем в Германии, родом из одной грузинской провинции, знаменитой буйволами, сильным крестьянством и многочисленными повичами**.

¹ Куда ты идешь, Грузия? (лат.).

* С того момента как наши с-д. «комитаджи» запряглись, волею-неволею, со всей своей организацией, в государственную работу по устройению Грузии, сотрудничество с ними представлялось для меня обязательным. Собственно в Берлин я вовсе не собирался, предпочитая вернуться из Поти в Тифлис. К сожалению, в последний момент оказалось необходимым мне ехать, и на этом настояли.

** Ахметели, как и личного секретаря, скорее, келейника Чхенкели, С. К. посадили на пароходе за стол не в кают-компании с делегатами, а в другом этаже, с младшими судовыми

Упомяну, наконец, о ехавшем с нами кн. Тундутове, б. гвардейском офицере и адъютанте Вел. Кн. Николая Николаевича, в бытность Кавказским наместником. Теперь он считался атаманом астраханских казаков-калмыков, у которых фамилия его пользуется традиционным почетом. Этот любезный молодой человек с породистым лицом чистейшего монгольского типа ехал в Берлин за помощью против большевиков.

На борту было человек 200 б. военнопленных, преимущественно австрийцев. Военный бюллетень, получавшийся по беспроволочному телеграфу, расшифровывался младшими членами германской делегации поздно вечером, а утром прочитывался пленным, т. е. освобожденным из плена. Каждый день сообщалось о новых успехах (это было время победоносного и, как думали, решительного наступления во Франции). У аудитории не замечалось особого одушевления: восторг при чтении военного бюллетеня предполагает географическую фантазию, особое, чисто газетное, воспитание и еще — главное — обывательскую отрешенность от поля сражения.

Наши германские спутники, народ весьма образованный и любознательный, были для нас с Николадзе приятными собеседниками: они слушали нас более чем охотно и делились собственным обширным опытом и знаниями. Мы имели досуг обозреть все, связанные с Востоком, вопросы, от Геркулесовых Столпов до Памира. Более специальные и определенные разговоры велись, естественно, с генералом ф. Л. и с Везендонком о Грузии, о Кавказе.

О военном положении на западном фронте нас просвещал — в самой сдержанной форме, надо признать, баварский полковник. Сотрудник же германских газет передавал впечатления своей поездки по Восточной Анатолии. Узкоколейная дорога Сарыкамыш — Эрзерум (русской постройки) уже разрушается, по его словам; «все в их руках неминуемо придет в упадок».

Имели на борту и деловое совещание с германской делегацией 29 мая. Здесь опять обсуждался вопрос о восстановлении закавказского единения. Мы указывали на нежелательность слишком резкого противопоставления христиан — мусульманам, при тесной связанности их интересов и создания двух, резко размежеванных сфер. По мнению Чхенкели, Германия должна с боль-

офицерами: дело происходило до германской революции! Но история готовила милейшему Ахметели скорый и полный реванш: генеральская иерархическая Германия рухнула, а он, Ахметели — сделался грузинским посланником в Берлине.

шим интересом отнестись к татарам, которые-де признают важность экономической связи с Германией и т. д.

Генерал фон-Лоссов находил, со своей стороны, что Германия в данное время может заняться только Грузией и Арменией, чьи представители обратились к ней за поддержкой. Татары ее помощи не просят: они ожидают ее от турок, и отнюдь не просят германской поддержки против турок.

При таких условиях, по мнению генерала, Германии нечего навязывать своих услуг татарам. Надо достигнуть соглашения с Турцией и оградить от нее Грузию. Это основа нашей работы, которую надо затем продолжать методически.

Разбирали доводы, которыми Германия могла бы склонить Турцию к отказу от ее последних поспешных на грузинскую территорию, а также вопрос о значении и характере Горской Республики. Сильно волновала генерала опасность, грозившая армянскому населению. «Для Германии, говорили мы ему, ограждение жизни этого населения является теперь вопросом чести». Надо будет добиться очищения турками определенных районов — таково было практическое заключение фон-Лоссова. Но на эту тему он совещался специально с армянскими делегатами.

31-го мая прибыли в Констанцу, проплавав неполных трое суток: скорость сносная для «купца», к тому же пробуровленного торпедою в Мраморном море, вытянутого из воды и заштопанного.

Вот видны уже здания, элеватор, баки для нефти. Порт вымер: ни парохода, ни души. Впрочем, военнопленные бельгийцы выгружают уголь. Солдаты — турки, германцы, болгары. Плакаты с надписями на трех языках.

Выходим в город по особым пропускам. Германцы играют здесь первую скрипку: от болгарской оккупации, говорят, очень уж страдало население.

Прекрасная набережная — пустая. Дальше пошли чистенькие улицы. У памятника Овидия молодой болгарский прапорщик ухаживает за барышнями румынками, на немецком языке.

Последняя трапеза на «Minna Horn». Подают, как всегда, и с теми же благоприятными последствиями, кахетинское вино, из подвалов быв. Удельного Ведомства в Тифлисе: подарок грузинского правительства германской делегации. *Habent sua fata... vina!*¹

Ранним утром 1-го июня отправились в Берлин специальным поездом. Знаменитый Чернаводский мост на Дунае был взорван во время румынской кампании 1916 года: через этот рукав (Воргеа)

¹ Вина... имеют свою судьбу (лат.).

мы переехали на пароме, а затем дошли до Fetesci, где нас ждал новый поезд.

В Бухаресте часть германской делегации отделилась в Константинополь.

Пересекали большую и малую Валахию. Был жаркий день; всюду зеленели всходы кукурузы, фасоли, пшеницы. Женщины, дети пропалывали поля. Подлинно, царство земледелия! Страна эта порабощена, временно. Неужели она потеряет всю Добруджу, Констанцу?..

После Крайовы еще зеленее. Пошли леса. На одной стороне предгорья Трансильванских альп, на другой — возвышенность около Дуная. Там — Сербия, задавленная, стреноженная, на которой тяжко уселся победитель.

Следующий день — несемся поперек Венгрии, посреди прекрасно обработанных полей — пшеница, манс, виноградники, фруктовые сады. Все зелено, нивы мягко колышутся: обработано всюду, куда хватает глаз. Не страшно ли, что Германия вынуждена подкармливать Австрию? Здесь не отказываются даже от пирожного и не умеют «рационировать» как следует.

В Будапеште нас прицепили к обычному экспрессу. 3 июня утром, спустя ровно 48 часов по отъезде из Констанцы (какая блестящая скорость!), мы прибыли в Берлин, Берлин великой войны, откуда действуют так сокрушительно по пресловутым «внутренним линиям».

28.

В Берлине (июнь—ноябрь 1918 года) нам довелось быть поистине свидетелями величия и падения Германской Империи. И действовать пришлось, сообразуясь сначала с «величием», а позже, выпутываясь из «падения».

Уже с 1917 года было видно, что Грузия способна организовать у себя внутри государственный порядок, на основе так называемой «завоеванной революции». Мы видели выше, каковы были затем обстоятельства, вызвавшие ее полное политическое обособление. Но Грузия не имела теперь, конечно, ни возможности, ни основания принять какое-либо дальнейшее участие в мировой свалке.

При несомненности, летом 1918 года, военного и политического преобладания Германии в районе Черного моря, и ввиду явной гегемонии ее по отношению к Турции, единственное, что мы могли сделать, — это противопоставить германский контроль чрезмерным аппетитам турок. Мы и постарались извлечь для себя

что можно из самого существа германо-турецкой союзнической дисциплины.

Задача, стоявшая перед нами в Батуме, требовала именно такого, притом неотложного разрешения. Мы достигли — немедленно, путем потийского соглашения — такого *modus vivendi* в Закавказьи и в Грузии, при котором можно было кое-как существовать.

В Берлине мы, естественно, стремились прежде всего к обеспечению и упрочению этих непосредственных, уже достигнутых результатов. Но мы подходили теперь к гораздо более сложному вопросу о взаимоотношениях Грузии и Германии на основе признания и обеспечения независимости первой и предоставления второй определенных экономических и политических выгод.

Разрешение этой второй задачи зависело, конечно, от исхода войны, который трудно было с точностью предусмотреть в мае—июне 1918 г.

Однако в переговорах наших мы исходили и должны были естественно исходить из предположения, из допущения, что Германия выйдет из войны или победительницей, или, во всяком случае, с честью: в этом предположении (а то и уверенности), многое делалось, готовилось и мыслилось на всем огромном протяжении от «финских хладных скал до пламенной Колхиды»! Подготавливать позицию Грузии в этом предположении было тем более необходимо, что таким именно путем, т. е. «музыкою будущего» — мы достигали, во-первых, упрочения необходимого в данный момент в нашей стране *modus vivendi*; во-вторых, могли надеяться на улажение, с помощью Германии, отношений с Советской Россией и, наконец, укрепляли вообще положение Грузии, как государственной, организованной единицы, в эпоху, полную напастей и неожиданностей.

Несомненно, Германия сверх возможных в будущем выгод, получала и некоторое непосредственное вознаграждение благодаря кое-какому сырью, ей нужному, и имеющемуся у нас в наличности (в очень скромных размерах); а в случае продолжения войны и развития операций против англичан в Месопотамии и Персии она имела бы (вместе с Турцией) базу для операций в Закавказье.

Такова была обратная сторона медали. Но Закавказье своими силами, тем более одна Грузия, не могла и никогда не собиралась брать на себя такую задачу, которая и для России была бы тяжела: задача закрытия для Германии и Турции закавказских подступов к Персии. В сущности, об этом должна была позаботиться Англия. Быть может, явись она своевременно

в Тифлис, с небольшими хотя бы силами, она могла бы содействовать более успешной организации местной обороны против турок. Такая мысль у меня была: но от мысли далеко до воли, и еще дальше до осуществления*. Злосчастная высадка англичан в Баку в конце лета 1918 года показала, насколько правильно было не рассчитывать на помощь с этой стороны.

Во всяком случае речь в Берлине могла быть лишь об условиях обеспечения мира Грузии с Турцией (и ее союзниками); об участии в войне на стороне четвертого союза никогда, конечно, и упоминания не было, да и не могло быть! Нейтралитет в международной войне (насиленно он был осуществим!), нейтралитет в гражданской войне по ту сторону Кавказского хребта — таков, правильно или неправильно, был основной догмат грузинской политики.

Обстоятельства войны и революции, а также географические причины (отрезанность от Запада, благодаря закрытию проливов) привели нас в Берлин, и приехали мы туда с определенной схемой соглашения. Соглашение это было подписано с германской стороны лицом, формально представлявшим германское

* В этом отношении см. интересные данные в книге Major-General L. C. Dunsterville. The adventures of Dunsterforce. L. 1920. Когда кавказско-персидский фронт стал распадаться (с осени 1917 г.), то, по мнению англичан, делу можно было помочь, лишь снарядив немедленно особую британскую миссию в Тифлис, для реорганизации обороны против турок и для должного объединения местных военных элементов — русских, грузинских и армянских. По заключению автора, ввиду явного ухудшения качества турецких войск (сравнительно с 1916 г.) цели можно было бы достигнуть с сравнительно небольшими средствами и силами. Во главе миссии был уже поставлен сам автор, который отправился в путь с передовой партией из Багдада, в январе 1918 года. Фактически, однако, все ограничилось английской экспедицией из Решта в Баку, где англичане высадились в середине августа 1918 года и откуда ушли обратно 15 сентября (чтобы вернуться позже уже после общей капитуляции турок).

Путь для английской помощи Закавказью в 1917-18 гг. — из Багдада через Персию и Каспийское море — был очень уж кружной и далекий! Жаль, что этот английский план не осуществился. Все Закавказье выиграло бы от этого. Другой вопрос — что сказали бы многие русские, если бы образовался против Турции англо-кавказский фронт!

правительство, но на деле ближе всего связанным с германским верховным командованием. Эта инстанция была решающей: нам приходилось, однако, вступить теперь в соприкосновение с регулярным аппаратом германской внешней политики, с ведомством иностранных дел, которое не могло не внести в «производство» нашего дела своего метода и рутины, свойственной машине таких размеров и такого построения.

ГЛАВА XXXIII. ЛИГА НАЦИЙ ИЛИ «ОСТАВЬТЕ ВСЕ НАДЕЖДЫ»

87.

К началу ноября 1920 года политическая делегация Грузии при мирной конференции, а также особая экономическая миссия прекратили существование: последняя — ввиду завершения своих работ, а первая — вследствие решения грузинского правительства заменить ее единоличным представителем. Обязанности последнего временно исполнялись министром иностранных дел Гегечкори — впредь до прибытия в Париж специально назначенного лица.

Теперь на моем попечении оставалось лишь дело о вступлении Грузии в Лигу Наций, первое общее собрание которой созывалось 15-го ноября 1920 года. Программа трудов его включала также рассмотрение ходатайств о принятии в состав Лиги ряда государств, не бывших ее членами*.

Первого Общего Собрания Лиги Наций все ждали с большим любопытством, хотя чувства и мысли по поводу этого нового дела далеко не были отчетливы и единообразны. Отсутствие Соединенных Штатов в предприятии, считавшемся детищем президента Вильсона, производило странное, почти комическое впечатле-

* В силу учредительного акта Лиги (им начинаются все трактаты, подписанные вокруг Парижа в 1919 г. — начиная с Версальского) в состав Лиги входят, во-первых, основные члены, поименованные в приложении к акту (числом — 32: это — союзники, победившие в войне 1914-18 гг. и подписавшие Версальский договор); во-вторых, государства, приглашенные приступить в определенный срок к акту Лиги (поименованные в том же приложении) — и воспользовавшиеся этим правом (это — 13 государств, оставшихся нейтральными в войне). Для остальных государств, доминионов или колоний установлен особый порядок избрания Общим Собранием Лиги (двумя третями голосов).

ние. Вместе с отсутствием России, Германии и Турции оно лишало эту группировку нужного ей вселенского характера.

Однако, понятен интерес к Лиге Наций, обнаруженный молодыми государствами, возникшими на территории России. Как было им не обратить в эту сторону своих робких надежд?

Не то чтобы относились с чрезмерным доверием к знаменитой ст. 10 акта Лиги, столь, казалось бы, успокоительной для всех слабых государств, ставших ее членами и имеющих слишком могущественных и жадных соседей: «члены Лиги обязуются уважать и отстаивать против всякого нападения извне территориальную целость и нынешнюю государственную независимость всех членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения Совет соображает меры, обеспечивающие исполнение этого обязательства».

По условиям устройства Лиги и вследствие политических взаимоотношений в Европе, статья эта, столь значительная по своему содержанию, с самого же начала обещала гораздо больше, чем Лига могла в действительности дать. К концу 1920 года это выяснилось в достаточной мере.

Однако и теоретическая возможность известной поддержки со стороны Лиги Наций, и принципиальная ценность столь обширного международного единения, и значение его как средства приобретения и расширения связей, важных для молодых государств; и перспектива сотрудничества с другими нациями в иных немаловажных отраслях государственной жизни — привлекали к Лиге государственные новообразования, возникшие на окраинах России. Главным же непосредственным мотивом их стремления в члены Лиги было, конечно, желание упрочить этим путем международное свое положение, ускорить формальное признание своей независимости европейскими державами, привлечь к ней внимание всех государств, всей обширной «семьи» независимых наций.

Первая сессия общего Собрания Лиги Наций представляла выдающийся интерес по обилию и разнообразию встретившихся тогда в Женеве государственных деятелей и по окружавшей ее атмосфере, в которой смешивались восторженные ожидания одних, благожелательный скептицизм других и расчетливая осторожность третьих.

Впрочем, я не намерен набрасывать здесь картины этого исторического «общего собрания», за жизнью которого мы, представители непризнанных еще новообразований, имели возможность следить в подробностях. Не буду говорить и о том, как подготовлена была, путем переговоров с секретариатом Лиги, поста-

новка вопроса о Грузии в этой первой ее сессии. Ограничусь изложением «внешней истории» предмета, на основании моего же донесения грузинскому правительству, от 20 декабря 1920 года.

Для рассмотрения всех заявленных кандидатур в члены Лиги была образована при общем Собрании особая комиссия (5-я) из 36 лиц, под председательством делегата Чили Don Antonio Huneeus. Вопрос о Грузии (а также Армении, Азербайджане, Украине и Коста-Рика) был передан в 3-ю подкомиссию, председателем которой был Фритъоф Хансен, а членами: проф. Тома Ионеску (Румыния), Э. Д. Миллен (Австралия), Э. де Паласиос (Испания), Н. Политис (Греция), Спалайкович (Югославия) и Тсан-Тсай-Фу (Китай).

На подкомиссию было возложено: изучить (для доклада Лиге) каждую кандидатуру с точки зрения следующих вопросов:

- а) формальная правильность ходатайства о принятии в Лигу,
- б) правительство, возбудившее ходатайство, признано ли *de jure* или *de facto*, и какими именно государствами;
- в) является ли кандидат нацией с устойчивым правительством и с определенными границами? Поверхность и население;
- д) управляется ли государство свободно,
- е) каково его отношение, согласно актам и декларациям: 1) к своим международным обязательствам и 2) к возможным постановлениям Лиги о вооружениях.

25-го ноября мы с кн. М. С. Сумбатовым давали объяснения этой подкомиссии. Здесь г. Политис (министр иностранных дел Греции в правительстве Венизелоса, как раз в этот момент подавшем) пожаловался на нарушение грузинским правительством прав иностранных подданных в области табачной промышленности и торговли. В виду имелись при этом сухумские табакостроения и купцы-греки. Особого значения обстоятельство это не имело.

Доклад подкомиссии оказался благоприятным кандидатуре Грузии. Правительство ее было признано устойчивым и т. д. Отме-

* Меморандум, представленный за подписью Гегечкори и моей Лиге Наций в связи с кандидатурою Грузии, вместе с дополнениями к нему (куда вошли: основной меморандум грузинской делегации, сообщенный Парижской конференции в 1919 г., записка для Верховного Совета в Спа и другие документы) напечатан в сборнике, изданном в Лондоне, под заглавием: Documents présentés par le Gouvernement de la République de Georgie à la première Assemblée de la S. des N. ets. Londrés. Такое же издание на английском языке.

чено было лишь отсутствие окончательных границ с Азербайджаном и Арменией.

В пленарном заседании комиссии (2-го декабря), несмотря на усилия Нансена и других, заключение, благоприятное принятию Грузии в Лигу, не получило большинства. По предложению Фишера (Великобритания) решено было вопрос о Грузии рассмотреть совместно с вопросом о других государствах из состава 6. Российской Империи. Ввиду этого на 1-ую подкомиссию (председатель — Пулле, Бельгия) возложено было: подыскать формулу; специально подходящую к положению Грузии и трех балтийских республик; отсрочить прием этих государств в Лигу, но в то же время не отталкивать их и привлечь ныне же к практическому сотрудничеству с нею.

Формула эта была принята 5-ою комиссией в следующем окончательном виде:

«Комиссия рекомендует Собранию сообщить правительству Грузии:

а) что ходатайство его было рассмотрено благожелательно (*avec faveur—with sympathy*), но что обстоятельства (*sic*) не позволяют еще Собранию вынести окончательное постановление;

б) что в ожидании дальнейших решений Собрания государство это может участвовать в технических организациях Лиги общего значения.

Таковы основные пункты заключения, внесенного на обсуждение Ассамблеи.

Вопрос о балтийских государствах и Грузии рассматривался ею в вечернем заседании 16-го декабря 1920 года. Утром того же дня принятие Армении было отвергнуто 21 голосами против 8 (после того как приняты были Австрия, Болгария, Коста-Рика, Финляндия и Люксембург).

Прения, предшествовавшие баллотировке четырех кандидатов — бывших окраин России — были очень горячи. Делегат Колумбии Рестрепо оспаривал заключение комиссии. «Государства эти, заявил он, удовлетворяют всем требованиям, предъявляемым к новым членам; сама комиссия признает это! Она ссылается на какие-то «обстоятельства», мешающие принять этих кандидатов. Но договор Лиги не допускает неприятия из-за «обстоятельств». Неприятие будет доказательством слабости Лиги!».

Португалец Шагас требовал принятия и предоставления затем каждой державе свободы признания новых членов независимыми *de jure*.

Делегат Персии Зока-эд-дауле горячо отстаивает принятие, особенно останавливаясь на Грузии.

По словам Падеревского, симпатии Польши, конечно, в пользу принятия этих кандидатов, но... Польша знает, кому она обязана своею независимостью; она видит, что принятие их признается пока преждевременным. Поэтому Польша вынуждена воздержаться от голосования.

В том же смысле высказывается делегат Румынии профессор Ионеску.

Вивиани (Франция) прямо указал на неудобство частично го решения вопросов, связанных с Россией (!) и на затруднительность для Лиги обеспечить от нападений территории новых членов, согласно ст. 10 договора Лиги*.

Браитинг (Швеция) имел в виду те же трудности, когда он, высказывая глубокие симпатии балтийским государствам, все же предлагал отложить до следующего Собрания (в 1921 г.) их принятие.

При последовавшей затем баллотировке вопрос о Грузии, по предложению Р. Сесилия (Южная Африка) и Нансена (Норвегия) был выделен**.

За принятие Эстонии, Латвии и Литвы было подано по пяти голосов. Против — 27, 24, 24. Государства эти не были приняты в Лигу.

После этого, за допущение Грузии очень горячо говорил Нансен, указавший всю важность — не для Грузии только, но и

* Вот подлинные слова Вивиани: «есть в договоре Лиги одна статья, о которой много говорят, и которая именуется ст. 10. Статья эта возлагает на нас обязанность являться на помощь тем из наших сочленов, кто окажется в опасности — согласно формулам ст. 10 — лишь только мы о том осведомимся. И так как мы не любим говорить народам лжи, и худшая политика заключается в том, чтобы поддерживать обманы в сознании народов, чтобы внушить людям веру в то, что им помогут, в то время как им не помогут — то те, кто думают, что не в состоянии нести свою помощь на край Европы, голосовали, как голосовала Франция, и как я теперь буду голосовать за проект комиссии, т. е. за допущение (этих государств) лишь в технические организации». Из отчета 27-го пленарного заседания первого собрания Лиги Наций.

** С первым мы имели случай подробно беседовать о кавказских делах еще в декабре 1918 г. Что касается Нансена, то нам с М. Сумбатовым не трудно было привлечь к делу Грузии симпатии этого благородного деятеля, энергичного борника человечности, на славу своей стране и к благу всех.

для Лиги — того, чтобы Грузия была поддержана. Речь эта про-
изнесена с большой силой, по-английски. Вслед за Нансеном,
поддержку той же мысли, выступил лорд Роберт Сесиль, об-
ративший особое внимание Собрания на важность принятия Грузии
в Лигу с точки зрения обязательств, взятых на себя Лигую по от-
ношению к Армении*.

Немедленно после этих двух речей слова потребовал Фи-
шер (Великобритания), заявивший, что утверждения Нансена и
Сесили совершенно правильны, но что трудность защиты Грузии
(от нападения извне) остается трудностью; что соображения Ви-
виани не были поколеблены, что нет основания оказывать Гру-
зии преимущество перед балтийскими государствами, что не сле-
дует увлекаться чувствами, а рассуждать как подобает ответст-
венным государственным людям и т. д.**.

При напряженном внимании всего зала, при переполненных
трибунах началось голосование. Всего голосовало: 24 государства.
Требовалось для избрания 2/3, т. е. 16 голосов.

* Лига Наций как раз в это время искала способ посред-
ничества между Арменией и Мустафа-Кемалем, войска которо-
го заняли Карс и Александрополь.

** Приведу лишь следующие слова из этой речи англий-
ского министра народ. просв.: «Я серьезно прошу делегатов
этого Собрания, которым предстоит серьезное голосование, по-
думать, готовы ли они действительно рекомендовать своим
правительствам, по принадлежности, отправление материальной
помощи этому храброму маленькому государству на окраинах
России, если час нужды наступит для него». В противополож-
ность лорду Р. Сесилю и Нансену, не видевшим для Лиги
особого риска от приема Грузии, Фишер находил, что надле-
жит считаться с опасностью ее положения. Что же касается
лестных для Грузии выражений Фишера («this gallant
small state») и Нансена („a splendid small nation“),
совпадающих со словами Кюльмана, то репутация эта на деле
(т. е. в начале 1921 г.) не была оправдана. Многое, впрочем,
можно было бы сказать о том, кем и как эта репутация созда-
валась и кем ей нанесены удары.

Подано было голосов за принятие — 10, против — 13. Таким образом, Грузия не была избрана членом Лиги*.

В этом не было ничего неожиданного — ввиду положения, занятого Францией и Англией; особенно последней (что вытекало неизбежно из поворота ее политики после С. Ремо, с торжеством Л. Джорджа над Керзоном).

Как объяснял мне и Сумбатову делегат Кубы Агуэро, игравший большую роль в подготовке всех вообще голосований: «средне- и южно-американские республики могли бы, конечно, массой своих голосов добиться принятия в Лигу Грузии и балтийских республик, как того требует справедливость! Но вы отлично знаете, что не справедливость решает эти дела! Американским республикам неудобно оказываться в противоречии с великими державами Европы по вопросу, более важному для этой именно части света. Пусть Англия и Франция, пусть одна Англия даст вам свой голос: мы как один человек, присоединимся к ней».

Отрицательный результат баллотировки искренне огорчил всех, считавших что женеvская «ассамблея» наций открывает в жизни народов новую главу. Таких было много среди представителей печати (особенно, англосаксонских и нейтральных стран) и среди многочисленных, в кулуарах Собрания, сторонников добропорядочности в международных отношениях.

С другой стороны, благодаря особому вниманию, какое вызвал вопрос о Грузии в Собрании делегатов 40 государств, за которым следила печать всего мира, многое было достигнуто в смысле пропаганды идеи независимости Грузии. Кандидатура Грузии в Лиге Наций оказалась хорошим средством введения этой идеи, для большинства совершенно новой, в политический кругозор государственных деятелей всего мира**.

* Голосовали за принятие Грузии десять государств: Ю. Африка, Боливия, Колумбия, Италия, Норвегия, Парагвай, Персия, Португалия, Швейцария и Чили. Голосовали против тринадцать держав: Австралия, Канада, Куба, Великобритания, Испания, Франция, Греция, Индия, Новая Зеландия, Нидерланды, Югославия, Чехословакия, Дания. Воздержалось и отсутствовало 18 государств; в числе воздержавшихся: Бельгия, Польша, Румыния, Швеция.

** Согласно принятой тогда же, т. е. 16 декабря, резолюции, Грузия и балтийские республики получили возможность немедленного участия в практических организациях Лиги (на-

Однако политическая мораль этой истории выводилась без всяких затруднений: она, впрочем, прямо подсказывалась державами, господствовавшими в женеvском собрании, и сводилась к тому, что в случае нападения на Грузию извне, ни Лига Наций, ни державы, действующие под ее маскою, не могут и не будут ее защищать. Так заявила Франция, так заявила Англия: голос их звучал убедительнее, чем призыв представителей Норвегии и Южной Африки.

Для того, чтобы вывод этот был особенно нагляден и чтобы не оставалось никаких сомнений, безымянный режиссер всемирной истории устроил так, что с заседанием первого общего собрания Лиги Наций совпали самые тяжелые удары делу независимости Армении. Войска Мустафы-Кемаля заняли Карс и Александрополь в начале ноября 1920 года. Эриванское правительство «революционной федерации дашнак-цутюн», чьим представителем подписан был Севрский договор, пало; на его месте возникло советское правительство Армении, и московская власть с энергией принялась за дело его примирения с турками, т. е. за то, чем желала заняться как раз Лига Наций. В самом деле, 22 ноября Общее Собрание, по предложению Вивьяни, поручило Совету Лиги вступить в переговоры с правительствами относительно возложения на какую-либо державу посредничества, необходимого для прекращения военных действий между Арменией и кемалистами.

Сознательно направленный в этот тупик филантропический порыв Лиги оказался, конечно, бесплодным. А обращение ее к всем правительствам и ответные недоуменные вопросы одних, напр. Австралии, о том, чего собственно от нее требуют и как ей спастись Армению — или обещание «моральной поддержки» со стороны Сальвадора и Гондураса вносило элемент комизма в совершенно трагическое положение.

1-го декабря Совет Лиги получил от президента Вильсона телеграфное сообщение о невозможности, ввиду отсутствия разрешения Конгресса, для С. Штатов оказания помощи Армении вой-

сковы конференции и комитеты: по вопросам финансовым и экономическим, по вопросам международной санитарии и гигиены; сообщений и транзита; бюро труда) — на общих основаниях с государствами — членами Лиги.

сками или материальными средствами. Вильсон предлагал лишь свое личное посредничество — через назначенного им представителя — для прекращения военных действий против армян при условии дипломатической и моральной поддержки великих держав и указаний со стороны Совета Лиги относительно того, какими путями и кому должны быть адресованы его примирительные предложения. Одновременно поступили предложения добрых услуг от Испании и Бразилии. Безднажность этой переписки и этой процедуры ни в ком не вызвала сомнений*.

Были, конечно, в Женеве люди, серьезно желавшие помочь Армении. Р. Сесиль считался их вожаком. Нансен пытался даже поставить в Общем Собрании вопрос о посылке военной экспедиции. Понадобилось бы, по его словам, каких-либо 60.000 человек и столько-то фунт. стерлингов! Мысль эта не получила развития; и специально избранная, по предложению Р. Сесилия и бельгийского сенатора Лафонтена, комиссия** не была в состоянии указать практического пути для вмешательства в распрю, в которой теперь и Советская Россия занимала особое положение.

В одной из наших бесед с Нансеном речь зашла о возможном отношении грузинского правительства к вопросу о помощи Армении, если таковая будет ей оказана. А 26-го ноября секре-

* В журнале-дневнике первого Общего Собрания и в напечатанных для последнего документа можно найти все телеграммы и материалы, относящиеся к истории плачевных стараний Лиги Наций придти на помощь Армении.

См. в частности, Soc. des Nat. Situation en Arménie. Tel reçus et envoyes par le Conseil. Кроме упомянутого Journal de la première Assemblée de la S. d. N. (всего 36 №№) имеются стенографические отчеты заседаний.

** В заседании 22 ноября Общее Собрание Лиги приняло одновременно предложение г. Вивiani о возложении на Совет Лиги заботы по приисканию державы-посредницы между Арменией и «кемалистами» — в соединенное предложение лорда Р. Сесилия и Лафонтена об избрании комиссии из 6 членов для доклада Общему Собранию о «мерах, которые могут быть приняты для прекращения враждебных действий между Арменией и кемалистами». Задача этой «комиссии шести» была, следовательно, гораздо шире, чем поручение, возложенное на Совет. В состав комиссии вошли: лорд Роберт Сесиль, Нансен, бельгийский сенатор Лафонтен, аргентинский министр Перредон, итальянский министр Шанцер и Р. Вивiani.

гарь «комиссии шести» по делу Армении. Луиджи Виллари (известный итальянский журналист) возвестил нам на следующий день визит английского генерала сэра Фредерика Мориса, «желающего поговорить о некоторых вопросах, относящихся к Закавказью». Генерал пришел к нам в Grand Hotel de la Paix в сопровождении Виллари и спросил от имени лорда Роберта Сесилия: даст ли грузинское правительство Лиге Наций возможность оказать Армении помощь из Грузии? Будет ли, так сказать, открыта для этой работы дверь в Грузию?

Ответ мой гласил, что грузинское правительство всегда, насколько могло, приходило на помощь армянам в их несчастиях; что и в настоящее время Лига Наций может быть уверена в полном содействии Грузии всему, что касается гуманитарной помощи со стороны Лиги страждущему армянскому населению (продовольствие, беженцы, сироты, медицинская помощь и т. д.). Если же речь пойдет о помощи военной, хотя бы замаскированной, тогда Грузия должна обсудить вопрос с точки зрения своего положения, как страны нейтральной по отношению к туркам и русским.

«Что если Лига Наций обеспечит вам безопасность Батума от нападения «кемалистов»? — спросил генерал.

«Это было бы превосходно. Но дело не в одном Батуме — вопрос сложнее и обширнее».

В дальнейшем разговоре сэр Ф. Морис заметил, что помощь Лиге в этом деле облегчит Грузии прием в состав.

Я ответил, что свой долг (в пределах совместных с безопасностью для страны) по отношению к страждущему соседу Грузия всегда выполнит, независимо от того, примут ли ее в Лигу или нет.

Не имея, впрочем, полномочия говорить по таким вопросам, я высказал в заключение генералу, что лучше всего они могут быть разрешены в Лондоне — где как раз в эти дни происходила очередная конференция «великих союзников» и где находился также министр иностранных дел Грузии Гегечкори.

Как видно из этого курьезного разговора, комиссия, избранная ассамблеей для заботы об Армении, надеялась еще на возможность организации вооруженной помощи последней, быть может даже в «гарibaldiйском» духе. Но без трех великих держав, соващавшихся в Лондоне, и без С. Штатов (ответ их 1-го декабря равнялся отказу) Лига была бессильна; она оказалась бессильной, так как державы признали невозможным вмешательство в

* Подвизающегося и в печати.

пользу Армении, в частности постановлено было отказать Армении и в приеме в члены Лиги, что было равносильно отказу в моральной поддержке и очень поразило многочисленных в Европе друзей Армении.

По этому поводу припоминаю еще посещение, 4-го декабря, бельгийского делегата, председателя «комиссии шести» — сенатора-социалиста Лафонтена. Он взволнованно заявил: «армянские делегаты сообщили мне, что грузинские войска заняли нейтральную полосу в Борчалинском уезде и вторглись даже в коренную Армению. Я — ваш друг, но если это — факт, мне придется выступить против допущения Грузии в Лигу!». Имея недостаточно ясное сообщение о занятии грузинским правительством нейтральной полосы по соглашению с Арменией (т. е. с ее павшим уже правительством), я старался успокоить почтенного сенатора, как только мог*. Вопрос о допущении в Лигу Армении представлялся ему не возбуждающим сомнений. Узнав же от меня, что Франция и Англия вопрос этот разрешают отрицательно, Лафонтен пришел в такое волнение, что совершенно забыл о захвате грузинскими войсками армянской территории: он негодовал на великие державы.

А державы эти оказались, правду сказать, в положении, мало соответствующем их «великости». Главный британский делегат Бальфур в своей речи 22-го ноября громогласно объявил Мустафу-Кемаля «вожаком организованной банды разбойников» и находил, что «какое уж тут посредничество». Словом, Англии вся эта история теперь как бы вовсе не касалась, Франция же и Италия не имели и тени желанья отстаивать Севрский договор, особенно в «армянской» его части: наоборот.

Президент Вильсон как раз теперь — 22 ноября 1920 г. — начертал армянотурецкую границу — в вилайетах Трапезунда, Эрзерума, Битлиса и Ван; но это был его личный вклад в политическую географию Ближнего Востока! На самом деле турки сидели в Карсе и Александрополе; армянский вопрос переместился теперь в б. русскую Армению, и вмешательство России в армяно-турецкую распрю получало практическое значение не только в виде наличности русских войск по соседству, в Азербайджане, но также ввиду созданных политикой Севрского трактата симпатий между Москвой и Ангорой и оживившихся одновременно армянских расчетов на русскую поддержку.

Итак, спустя ровно два года после капитуляции в Мудросе,

* Самой же этой новой «борчалинской истории» можно здесь и не касаться.

турки вернулись в Карс: полное торжество Брест-Литовска над Севром!

Посредническая задача, взятая на себя Россией — о чем Черин телеграфировал Красину в Лондон (11 ноября) — как раз в то время, когда великие державы не знали, как им быть с Арменией, принесла, наверное, иным из этих держав чувство облегчения, к которому, быть может, примешивалась и надежда на называемое будто бы столкновение — хотя бы из-за Карса — «советского империализма» с «национализмом» Мустафы-Кемала, к вящей выгоде Севрской программы. Такая надежда не оправдалась. Но военные действия между Турцией и Арменией действительно прекратились (турки взяли все, на что претендовали). Эриванская же республика вернулась в русское политическое русло, на этот раз под знак «серпа и молота». Надежда на русскую помощь оказалась столько же тщетной, как уверенность в исполнении американских и англо-французских обещаний.

Таково было неизбежное последствие политического азарта, которым диктовались территориальные требования Армении, несоответствие поставленных ею задач собственным силам и фатальной ослепленности в оценке событий и обстановки.

ГЛАВА XXXIV. ПРИЗНАНИЕ ГРУЗИИ DE JURE

89.

К началу 1921 года вопрос о формальном признании независимости бывших русских окраин, ставших самостоятельными республиками — т. е. Эстонии, Латвии, Литвы и Грузии, оказался достаточно созревшим не только ввиду устойчивости и успешной деятельности правительств, возникших в этих странах, но и вследствие крушения надежды на близкий конец советского строя в России и на победу здесь сил, способных «потребовать» обратно эти окраины, свое законное, якобы, добро.

Правительство С. Штатов еще разделяло точку зрения о необходимости ограждения нераздельности России с прежней прямолинейностью. В ноте, вызвавшей много толков и заключавшей ответ на вопрос, поставленный американским послом в Риме (август 1920 г.), государственный секретарь Бэнбридж Колби говорил о необходимости, из чувств дружбы и чести, отсрочки всех решений, могущих иметь для России жизненное значение, в частности, всего, относящегося к территориальному суверенитету б. российской империи. Вот почему, по словам ноты, американское правительство упорно отказывается признать балтийские го-

сударства особыми независимыми от России нациями. Исключение допускается американским правительством лишь в пользу Финляндии, этнографической Польши и Армении*.

Заговорив об «исключениях», американское правительство, конечно, колебало свою точку зрения. Но вообще взгляд этот отставал от развития международной политики Европы и в устах правительства президента Вильсона, приближавшегося к окончанию своих полномочий, не имел уже былого авторитета.

Разграничение Польши и России пошло вовсе не по этнической меже. Эта новая граница — граница Рижского мира — приобретала большое значение как черта, отделяющая сферу Советской диктатуры и классового террора от стран, приемлющих частную собственность и представительный строй. На левом фланге этой границы группа балтийских государств получала огромное значение, ее нельзя было оставлять в неопределенном положении хотя бы ради устойчивости вышеупомянутой черты, не говоря уже об интересах, связанных в германизованной некогда Балтике с исполнением Версальского договора или морских интересах в Балтийском море. Вместе с предстоявшим позже (в 1923 г.) признанием власти Румынии в Бессарабии — на правом фланге все той же черты, здесь создавался один из немногих «архитектурных ансамблей» новой Европы, представляющих известное единство мысли — и ценность, устойчивость которого будет зависеть от того, чего вообще эта «новая Европа» будет строить.

С другой стороны, ожидавшееся в начале 1921 г. подписание русско-английского соглашения побуждало торопиться с заблаго-

* В американской ноте не без пренебрежения упоминаются «так называемые республики Грузия и Азербайджан». По этому поводу грузинская делегация в меморандуме, представленном правительствам великих держав, объясняла, что «правительство Грузии получило свою власть из рук представительного Собрания, регулярно избираемого всеобщим голосованием всего населения; все публичные свободы, в том числе свобода печати, обеспечены в Грузии; правосудие, местное самоуправление и привилегии национальных меньшинств устроены там на самых либеральных основаниях. Словом, все, отсутствие чего ставится в упрек русскому режиму Советов полностью осуществлено в учреждениях Грузии. Везде в обоих полушариях форма правительства и государственная система, практикуемые в Грузии, признаются республиканскими». См. сборник документов о Грузии, представленный Лиге Наций в 1920 г.

временным признанием новых республик, выдержавших все бури 1917—1921 г.г.

Рядом с молодыми балтийскими государствами своеобразно было положение Грузии. И она являлась частью возможного кавказского «ансамбля», призванного прикрывать Анатолию и Персию от вихрей «сарматской равнины». Благодаря нестройности большого европейского концерта и неналаженности концерта специально кавказского, казавшееся одно время возможным построение не осуществилось. Трудностей было много; для преодоления их местных энергий оказалось недостаточно; а «Верховный Совет союзных держав» не имел ни сил, ни желания созидать что-либо или серьезно помогать такому созиданию — восточнее определенного меридиана.

Из кавказских республик одна Грузия дотянула до дня признания *de jure*. Горская республика не была признана и фактически. Азербайджан и Армения, приобщившись к благам коммунизма, помазаные советским елеем, выбыли в 1920 году из строя — с точки зрения Европы.

Грузии, формально признанной советским русским правительством (по договору 7-го мая 1920 г.) и только что (16 ноября) заключившей с Россией²⁹ и Азербайджаном договор о транзите, открывавший последним возможность свободной торговли в Батуме, казалось, ничего не могло угрожать. В Женеве все сторонники принятия Грузии в Лигу ссылались именно на договор 7-го мая и на признание Московским правительством независимости Грузии как на сильный довод в пользу принятия последней. Более умудренные сомнительно покачивали головой («а что, если все же нападут?»).

Вообще же необходимость скорейшего признания *de jure* четырех республик всеми признавалась в Женеве, что, в свою очередь, содействовало ускорению этого признания.

Оно и состоялось на очередной конференции великих держав, в Париже, 26-го января 1921 г. Эстония и Латвия были признаны независимыми *de jure* безоговорочно. Решение вопроса о Литве (в принципе — положительное) было отложено впредь до разрешения Лигой Наций вопроса о Вильне. Что касается Грузии, конференция, по словам официального сообщения (появившегося в газетах 27-го января), отнеслась вполне благоприятно к юридическому признанию Грузии, если последняя возбудит о том формально просьбу. Мнение ее представителя в Париже будет немедленно запрошено по этому поводу.

«Если Грузия формально попросит»... Эта фраза (наивная по замечанию газ. Times) наводила на размышления. Ведь в 1919-20 гг.

возбуждение и повторение ходатайства о признании *de jure* было главным занятием парижской нашей делегации. В конце 1920 года Гегечкори продолжал эту работу.

27 января я нашел его в помещении грузинской миссии в таком же недоумении, какое испытывал сам. Смутно чувствовалось, что за формальным признанием скрывается какая-то опасность для Грузии — по крайней мере в глазах того или тех, чья мысль отражалась в сообщении конференции. Однако надо было торопиться с решением вопроса: возбуждать или не возбуждать такую «формальную просьбу»? Колебаниям, конечно, не могло быть места: непризнание, или отсрочка признания, никак не устранила бы опасности, а формальное признание независимости было бы для Грузии, во всяком случае, ценным достижением. Гегечкори немедленно отправил Верховному Совету «формальную просьбу», и юридическое признание независимости Грузии великими державами состоялось в тот же день, т. е. 27 января 1921 г. (14 января с. с., день равноапостольный св. Нины, национальный праздник христианской Грузии), о чем Гегечкори получил извещение за подписью председателя конференции Аристида Бриана.

Когда, в начале 1920 г., три кавказские республики были признаны независимыми *de facto*, по предложению лорда Керзона, с признанием этим связывался определенный политический план, по разным причинам, подробно изложенным выше, неосуществившийся. Теперь, в момент формального завершения дела о признании грузинской независимости, Ллойд Джордж (вышеизложенная оговорка: если и т. д. — рекомендована была конференции английским премьером) с особой заботливостью готовит позицию, при которой в случае чего-либо, что он, очевидно, считает возможным, или чего он ожидает — Грузии можно сказать: *vous l'avez voulu, George Dandin!*

Существует версия, точность которой трудно проверить, но которая освещает и то, что упомянуто выше, и то, что произошло позже. Во время переговоров Красина в Лондоне ему дано было понять, что бакинская нефть — главный товар, выложенный им на прилавок — без полного распоряжения закавказским нефтепроводом и батумом сильно обесценивается. Одновременно — в противоречие с прежней политикой (лорда Керзона), но в соответствии с возобладавшими политическими видами Ллойд Джорджа, Англия начала склоняться к признанию своей политической незаинтересованности в республиках Закавказья. Умозаключение — о необходимости «исправления» товара — сделать было не трудно. За умозаключением последовало и действие, к которому имелись, конечно, и другие побуждения, всем известные.

Однако признанием de jure увенчивалась и формально завершалась работа по созданию независимой Грузии и по защите ее интересов в Европе.

90.

Грузинское правительство, получив после признания возможность устройства регулярного дипломатического представительства в центрах Европы, поспешило назначить посланником своим при главнейших кабинетах Акакия Чхенкели, который к середине февраля 1921 г. был в Париже, а 20-го числа возлагал уже, с коленопреклонением, венок на могилу «Неизвестного солдата» под Триумфальной аркой...

В это время стали доходить телеграммы о начавшихся столкновениях с красными отрядами, особенно на южной границе Грузии. В последние месяцы 1920 г. и позже неоднократно появлялись известия о падении Батума, Тифлиса и т. д. — то были как бы тени, бросающиеся вперед близившимися уже событиями. На этот раз — 20-го, 21-го февраля речь шла о точных фактах. Несколько позже поступило известие о грузинском успехе у Тифлиса, и, почти одновременно, — о решении турок занять Арвин и Ардаган. Это было «тактическое» окружение Грузии после политического изолирования и подготовки изнутри.

25-го февраля 1921 года грузинский посланник в сопровождении церемониймейстера направился торжественно, в парадном экипаже Елисейского дворца, эскортируемый кавалерией, из помещения грузинской миссии к резиденции президента французской республики для вручения г. Мильерану верительных грамот.

Я смотрел, из толпы перед посольством, на это обычное для Парижа и столь значительное для Грузии зрелище: произносил мысленно свое «ныне отпущаеши»...; припоминал — как двести с лишком лет тому назад посланец царя Вахтанга VI князь Саба-Сулхан Орбелиани был принят Людовиком XIV в Версальском дворце и просил помощи для Грузии*. Его старания не имели по-

* Это было в мае 1714 года. «Комплимент», произнесенный Орбелиани, напечатан в „Nouveau Journal Asiatique“, т. IX. P. 1832. Там же другие данные о его миссии. Саба-Сулхан — известный грузинский писатель и лексикограф, умер в Москве. Превратности разных «ориентаций» заставили многих грузин того времени искать убежища в России: теперь им приходится искать убежища от России.

следствий: король-солнце («солнце» уже почти закатившееся) был совершенно бессилён что-либо сделать.

В тот же день, 25 февраля 1921 г., советские войска вступили в Тифлис, имея впереди одного из комиссаров-грузин на белом коне и с красным знаменем в руках. Рядом с ним, незримо, ехал на ободранной кляче скелет в лохмотьях, с косою разрушения в костлявых пальцах.

Правительство Грузинской демократии бежало в Европу — закончив национальной катастрофой трехлетнюю свою деятельность в стране, все ему вверившей и доверившей.

Но минует память о лицах; пеплом забвения покроются их ошибки... Уже, окропленная живой водою, воскресла старая Грузия, и вновь ее умертвить может лишь малодушие собственных ее детей.

Провозглашение независимости Грузии 26 мая 1918 года и установление в ней демократической республики было закреплено соответствующим актом, являющимся ныне историческим документом. Представляем полный текст этого документа.

Независимость Грузии

Учредительное собрание Грузии, избранное прямой, равноправной, всеобщей, закрытой и пропорциональной избирательной системой гражданами обоих полов, — на первом же своем заседании 12 марта 1919 года признает перед страной и историей, что оно полностью принимает и подтверждает объявленный 26 мая 1918 года в 5 часов 10 минут пополудни в Тбилиси Национальным советом Грузии следующий акт:

АКТ НЕЗАВИСИМОСТИ ГРУЗИИ

На протяжении многих веков Грузия существовала как независимое и свободное государство.

В конце XVIII века Грузия, окруженная со всех сторон врагами, по собственной воле присоединилась к России с тем условием, что Россия была обязана защищать Грузию от внешних врагов.

В ходе великой революции в России создалась такая внутренняя ситуация, что весь военный фронт был полностью распущен, и русская армия покинула Закавказье.

Рассчитывая лишь на собственные силы, Грузия и вместе с ней Закавказье взяли на себя ведение всех своих дел и создали соответствующие для этого органы. Но в результате действий внешних сил был подорван союз народов Закавказья, и этим была разрушена политическая целостность Закавказья. Сегодняшнее состояние грузинского народа непременно требует создания собственной государственной организации, с помощью которой Грузия сможет спасти себя от захвата внешней силой и создать твердую основу для независимого развития.

Согласно вышеизложенному, Национальный совет Грузии, избранный 22 ноября 1917 года национальным съездом Грузии, сегодня заявляет:

1. Отныне грузинский народ носитель суверенных прав и в Грузии — полноправное независимое государство.
2. Политическая форма независимой Грузии — демократическая республика.
3. В международных войнах Грузия — государство постоянного нейтралитета.
4. Грузинская Демократическая Республика желает наладить добрососедские отношения со всеми членами международного сообщества, особенно с приграничными государствами и народами.
5. Грузинская Демократическая Республика в пределах своих границ обеспечит всем гражданам равные гражданские и политические права независимо от их национальной принадлежности, вероисповедания, социального положения и пола.
6. Грузинская Демократическая Республика предоставит возможность свободного развития всем национальностям, живущим на ее территории.
7. До проведения учредительного собрания управлением всей Грузии руководит Национальный совет, который будет дополнен представителями национальных меньшинств. Временное правительство ответственно перед Национальным советом.

Григол РОБАКИДЗЕ

ПИСЬМА АНДРЕЮ БЕЛОМУ

25.11.1930

Дорогой Борис Николаевич!

Вы можете представить, как я хочу видеть Вас и Клавдию Николаевну. К сожалению, заболел (вроде гриппа). Сейчас мне лучше, температура нормальная. Но бедствие другое: я приехал без шубы. Ехать-то в моем пальто в Кучино рискованно. Вы пишете, что в воскресенье будете в Москве. М. б. тогда увидимся где-нибудь?! Но у Вас дела!.. На всякий случай сообщаю Вам номер моего телефона: 3-51-37. В понедельник 1 дек. собираюсь выехать. Постараюсь увидеть Клавдию Николаевну.

Братский привет. Любящий Вас от всего сердца

Григорий Робакидзе

На днях должен приехать Паоло.

Ваше письмо получил.

Личность Григола Робакидзе, как и многих других писателей, деятелей культуры, преданных анафеме на долгие десятилетия, сегодня только начинает обретать четкие контуры, а литературное наследие его — становиться достоянием читательской общности.

В нашем журнале произведения Григола Робакидзе впервые были опубликованы в № 2 за 1988 г. Ныне печатаем три письма Григола Робакидзе к Андрею Белому (Борису Николаевичу Бугаеву) и статью «Ованес Светозарный», написанную им в связи с кончиной великого армянского поэта Ованеса Туманяна и опубликованную в тбилисской газете «Рубикон» 8 апреля 1923 года. Как председатель вновь созданного Всегрузинского союза новых писателей Григол Робакидзе в те

3.12.1930

Дорогой Борис Николаевич!

Очень огорчен, что не смог приехать в Кучино. Огорчены Паоло и Тициан¹ также. Ведь в личной встрече есть что-то безмерное и всегда новое. Проклятый грипп помешал приехать, да и мое легкомыслие (в Москву в ноябре приехал в демисезонном пальто). Если удастся моя поездка в Европу, на что я надеюсь, по дороге загляну в Кучино. Непременно поговорю с Вами тогда и о Вашей книге «На рубеже двух столетий». Здесь замечу только: портретное искусство там кажется мне совершенно исключительным по новизне письма и выразительности. В главе же «Поливанов» к этому добавляется еще и необычайная любовь. Ну поговорим обо всем, когда встретимся.

Ваш Григорий Робакидзе.

Сердечный привет Клавдии Николаевне, Вам и ей привет от Елены Владимировны², Нины Александровны, Тамары Георгиевны, Паоло, Тициана.

16. II. 1931

Тифлис

Дорогой Борис Николаевич.

Большое спасибо за Ваше сердечное письмо. Я очень рад, что наконец решились назвать меня другом. Я Вас не просто

¹ Паоло Яшвили (1895—1937); Тициан Табидзе (1895—1937).

² Елена Владимировна — супруга Гр. Робакидзе, Нина Александровна — супруга Т. Табидзе, Тамара Георгиевна — супруга П. Яшвили.

дни направил вдове Ов. Туманяна искреннее соболезнование, а копию его — Тбилисскому обществу деятелей армянской культуры «Артун». «Смерть Ованеса Туманяна, — говорится в тексте соболезнования, — мы восприняли как потерю старшего брата, с которым соединили нас трагические ступени творчества. Скончался не только большой поэт, но и человек мирового значения, который любил родной армянский народ и в то же время был искренне влюблен в родственную его душе Грузию.

Мы оплакиваем вернейшего друга новой грузинской поэзии. С этого дня имя его в наших сердцах будет запечатлено как «Ованес Светозарный».

Статья переведена старшим научным сотрудником Музея дружбы народов АН Грузинской ССР Мананой НИНИДЗЕ, которая и подготовила всю публикацию.

ценю, но и люблю. Вы написали за этот год 60 печатных листов, как Вы пишете чудовищно! Я не сомневаюсь, конечно, в Ваших творческих силах. Но Вы должны подумать и о физической крепости. Ведь, это — простите! — выражаюсь строго: саморазрушение. Физический Ваш надлом я уловил и меж строк Вашего письма. Сухум Вам поможет очень. Море может парализовать то тяжелое, что так часто ложится на Вас от Кавказа. Не бросайте идеи перебраться на Юг.

Получил известие из Москвы, что дело мое решено положительно. Возможно, что скоро поеду — и тогда увижу Вас. Непременно.

У нас снег, мороз. К этим вещам мы не привыкли. Особенно к гололедице (при неровностях нашего Тифлиса). Люди падают, разбиваются (некоторые насмерть). Позавчера ночью упал и я. Хорошо, что сравнительно легко отделался: растяжение жил в кисти левой руки. Рука перевязана и пока бездействует.

Настоящее время работаю над чрезвычайно интересным материалом (грузинское племя хевсур)³. По-моему, это племя по своей загадочности обретает универсальную значимость. Все, что до сих пор писали о нем — просто плоскостное знание. Так думаю, моя вещь, разумеется, не будет ни этнографическим очерком, ни дешевой экзотической беллетристикой, ни рассудочным философствованием. Моя задача — закрепить образы, несомые тысячелетним подземным ходом племенного сознания, образы, которые, м. б., не совсем ясны и отдельному носителю этого сознания. Подумайте только, чего стоит, напр., этот образ: влюбленные, по хевсурскому племенному канону, не могут физически разрешить любовь (не могут и жениться). Но полежать друг с другом могут (и огненно ласкать). Впрочем, подробно об этом после.

Сердечный привет от всех нас Вам и Клавдии Николаевне.

Ваш Григорий Робакидзе.

³ Повесть Г. Робакидзе «Енгод», созданная на этом материале, в русском переводе опубликована в № 3 нашего журнала за 1989 г.

Ованес Светозарный

041935940
020000000000

Смерть поэта для другого поэта равносильна собственной смерти. Смерть Ованеса Туманяна тем более. Горечь ее так велика от того, что Ованес — поэт, Ованес — человек, Ованес — друг: и во всех этих проявлениях — светозарный. Недаром он носил имя автора четвертого Евангелия. Такое может воссиять лишь раз в столетии. Ованес прежде всего был личностью.

Внешность: высокий, малоазиатский профиль, как медальон благородной расы, всегда озаренный светлой улыбкой. Душа: проникновенная, смягченная с резинацией, добрая, всегда возбужденная для всего высокого. Сердце: открытое, широкое, пламенное, младенческое, девственное. Наконец: истинный сын Хайастана. Ованес был свободен от той внутренней скованности, зачастую свойственной большинству его соотечественников. Да и в Грузии это очень распространенное явление. Здесь нет места для раскрытия скобок. Но надо отметить: тот, кому дано быть внутренне свободным, несомненно является большой личностью. Ею и был Ованес.

Ованес был олицетворением любви. Его взгляд на предметы или явления всегда проходил сквозь призму любви.

Излишне говорить о том, как любил он свой народ, народ Хайастана. Для него родина первым долгом была «матерью-землей» со своим сердцем и кормящей грудью. Отношение к земле для его души всегда было решающим, из чего и складывалась его вера. Историю родины в биологическом и психическом потоке душа Ованеса воспринимала очень обостренно.

Во всей армянской поэзии для меня лично созвучны несколько песен, услышанных на берегах Севана.

Тут слышно последнее дыхание Хайастана, тут дышит сама земля, особая, неповторимая. И прежде всего в этих песнях предстает Ованес — на холмах вокруг Севана всегда мне мерещится его призрак, возвышенный, светлый и грустный.

Но Ованес очень тонко ощущал и Грузию. Я не знаю человека иной национальности, который бы так любил Грузию.

То, что грузины и армяне являются братьями в Малой Азии — эта формула стала международным трюизмом. Для Ованеса это было семенем и кровью. Он всегда прикидал к первобытному армянскому мифу, но неверно утверждать, что

он в меньшей мере чувствовал слово, образ или лик грузинского бытия.

Я редко встречал грузин, которые так же постигали и познавали суть Грузии.

Для всех очевидно, какой трагедией для него была грузино-армянская несогласованность и минувшая война между ними⁴. Об этом свидетельствует письмо Тициана Табидзе в Ованесу и его великолепный исторический ответ. Со всей решительностью можно сказать: Ованес был миротворцем среди грузин и армян в самом жестком понятии этого слова, преисполненным любезности и в то же время рыцарем.

Для нас, поэтов, он был плотью и кровью: для одних — отцом, для других старшим братом. Редкий вечер, собиравший нас, Ованес не освещал своим присутствием, не украшал своим значительным профилем. Прикованный к постели, больной, он посылал письма, полные любви и озаренные светом (вспомните хотя бы юбилей Якоба Николадзе). Его дом с патриархальным изобилием был всегда открыт для нас.

Он любил огонь и как огнепоклонник всегда поддерживал пламя в своем камине. Он приглашал нас к огню, предлагал вино, только красное, которое сам очень любил. Беседа: о поэзии, вообще об искусстве. Время, проведенное с ним, останется незабываемым для нас.

Сколько понимания и сколько постижения: владея редкой интуицией, он время от времени широко накрывал стол. Перед поездкой в Стамбул дал грандиозный обед. Кого там только ни было: армяне и грузины, поэты и писатели, артисты и художники, публицисты и журналисты. Этот обед, наверное, многие вспомнят вместе со мною..

Любовь, любовь: тут Ованес раскрылся сполна. Неудивительно, что он созерцал будущее. Как истинный поэт, он наверняка был прорицателем и провидцем. У всех на памяти его пророчество о мировой войне. Его предсказания из статьи, напечатанной в газете «Слово», четыре года назад полностью оправдались. Он был поистине визионер. Факт, когда, будучи у себя дома, он внезапно почувствовал, что с одним из его знакомых, находившимся вдали, что-то произошло, — всегда вспоминают в его семье. В этом наиболее полно проявилась беспредельность его человеческих возможностей. В такие секунды не трудно стоять «в стороне» от времени и переша-

⁴ Имеются в виду отношения между армянскими дашнаками и грузинскими меньшевиками в 1918 году — М. Н.

гивать через него. Неудивительно, что к нему обычно обра-
щались за разъяснением каждого непонятого явления или
для узнавания чего-то нового.

Этим и объясняется, что Ованеса любили все, более то-
го: каждый, кто встречался с ним, проникался любовью и к
жизни.

Я совершенно убежден, что человек, пришедший к мыс-
ли о самоубийстве, встретившись с Ованесом, отказался бы
от своего страшного намерения. А этим уже оправдано само
бытие.

Я часто навещал больного Ованеса. Бывал у него даже
тогда, когда врачи запрещали ему кого-либо принимать. Тя-
желый недуг не изменил характера Ованеса. Первым долгом
он расспрашивал о моих друзьях: о Тициане Табидзе, о Паоло
Яшвили, о Валериане Гаприндашвили, о Нико Мицишвили, о
Лели Джапаридзе. Часто расспрашивал о жене Тициана —
Нине и дочери Танит (переживал, как несчастье, что не успел
окрестить девочку)⁵. Спрашивал часто о Котэ Макашвили,
С. Абашели, И. Гришашвили, Сандро Канчели, Якобе Никола-
дзе, Гиго Диасамидзе и многих других. Всегда: с добрым сер-
дцем и желанием опеки. Мои беседы с ним, надеюсь, когда-
либо будут опубликованы. Ованес не был по-европейски обра-
зован. Но в нем была мудрость «земли»: он все понимал и все
по-своему объяснял.

Его недуг ужасал меня. Когда он высказал мне свое же-
лание возвратиться в Лори (его родные края), я и мои дру-
зья поняли, что он ощутил зов Земли. Он перестал подавать-
ся лечению. Однажды, в два часа дня, во время работы мною
овладело непреодолимое желание сказать ему что-нибудь: поч-
ти прощальное, почти последнее. Я тут же написал письмо и
сразу его отослал.

На следующий день я встретил армянского поэта Кара
Дервиша, который сообщил мне, что накануне Ованеса увезли
в Москву. Получил ли он мое письмо перед самым отъездом,
или вовсе не получил? Мне очень грустно думать, что он мог
не получить этого письма.

Жизнь — встреча, смерть — разлука. Я был свидетелем
последней вспышки его жизни.

«Ованес Светозарный» — это имя останется во мне на-
веки.

Григол РОБАКИДЗЕ

Тбилиси

27 марта 1923 г.

⁵ После смерти Ов. Гуманяна его дочь Ануш крестила Танит.—
М. Н.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Жизнь и деятельность Амброси Хелая мало известны нашей общественности. Многие в его наследии не осмыслено и не изучено.

Краткая биографическая справка, представленная в первом томе «Грузинской советской энциклопедии», пробуждает интерес к личности Амброси Хелая: «Амброси — в мирской жизни Бесарион Зосимович Хелая (1861—1927). Католикос-патриарх Грузии в 1921—1927 годах... Боролся против русификаторской шовинистической политики царизма в Грузии. Выступал против черносотенцев Голубцова и епископа Арсения (Изотова), которые внушали абхазам ненависть к грузинам, преследовали грузинский язык... После окончания Казанской духовной семинарии и пострига в монахи в 1901 году был назначен архимандритом монастыря в Челиши. В 1904 году был переведен в Тбилиси членом Святейшего синода и настоятелем Преображенского монастыря.

В период первой русской революции боролся за автокефалию грузинской церкви, почему и был выслан в Россию. В 1908 году ему было предъявлено новое обвинение — участие якобы в убийстве экзарха Никона. В 1911 году он был оправдан, но ему не разрешили вернуться на родину. В Грузию он вернулся в 1917 году, был митрополитом Чкондидским, затем Цхумским (Сухумским) и Абхазским, с 1921 года — католикос-патриарх Грузии.

Католикос Амброси интенсивно изучал грузинские исторические памятники. Под псевдонимом «Амбери» он публиковал в «Петербургских ведомостях» и грузинской периодической прессе статьи о политическом, культурном и церковном прошлом и настоящем Грузии.

Примечательно его «Путешествие в Рача-Лечхуми», которое печаталось в журнале «Гантиади» и «Цховреба» в 1915—1917 годах.

А. Хелая обнаружил Челишский вариант «Мокцевай Картлисай» (летопись «Обращение Грузии»), доклад о котором он прочел на заседании историко-этнографического общества.

Прах его покоится в Сионском кафедральном соборе...».

В силу определенных причин в энциклопедии не нашли отражения некоторые знаменательные факты из биографии А. Хе-

лая. Конкретно мы имеем в виду посланное им в 1922 году письмо Генуэзской конференции, в котором он касался вопроса самоопределения малых наций. Ничего не сказано также о ничем не оправданных, незаконных репрессиях, которым, наряду с научной, творческой интеллигенцией, партийными деятелями, всем советским народом, подверглись и лица духовного звания. Ничего не сказано также и о судебном процессе над А. Хелая и некоторыми церковными деятелями, который в течение марта месяца 1924 года освещался на страницах газет (разумеется, радикально тенденциозно и резко отрицательно по отношению к христианской церкви и ее представителям) и к которому было «приковано внимание всей Европы...».

Письмо, отправленное на Генуэзскую конференцию, было опубликовано 1 февраля 1924 года в газете «Коммунисти» (с характерной для двадцатых годов квалификацией). Сегодня благодаря перестройке, политике демократизации и гласности мы имеем возможность предложить вниманию читателей Последнее слово, произнесенное Амброси Хелая на судебном процессе, и его письмо Генуэзской конференции. Последнее слово печатается с небольшими сокращениями по его же рукописи. Рукопись обнаружена художником Гией Бугадзе.

Акакий МИНДИАШВИЛИ

Амброси ХЕЛАЯ

„Я ИСПОЛНИЛ СВОЙ ДОЛГ...“

Прежде чем сказать что-либо о предъявленном мне обвинении, я считаю нужным заявить, что мы, служители Бога, согласно христианскому вероучению обязаны «быть покорны высшим властям» (Рим. 13,1), поскольку власть предержажие «Божии служители» (Рим. 13,6), и мы должны молиться за них (1 Тим. 2,2) и не говорить о них плохо (Деян. 23,5). Но не говорить о них плохо не значит не смотреть на их действия критически, не отмечать их ошибки. Поэтому если в моей речи об ошибках правительства, я вдруг что-либо скажу не так, прошу считать это невольной оплошностью, оговоркой и не при-

писывать злomu умыслу. Я имею в виду только правительство Грузинской республики.

Нам — всему составу Святейшего синода — предъявлено обвинение в том, что мы не последовали предложению правительства отправить нашего представителя, дабы он присутствовал при отобрании бывшего Гарнизонного собора, что мы не пожелали собственноручно передать его для использования в нерелигиозных целях. Святейший синод счел это неприемлемым для себя, что было истолковано, как сопротивление, измена, призыв к восстанию народа и прочее. О существовании подобного обвинения я узнал только во время последнего допроса, и удивлению моему не было границ. Я не понял, из чего можно было сделать подобное заключение. Религия не есть производное от государства, им узаконенное. У нее есть своя независимая основа существования. Поэтому церковь и государство — два разных института, у них различные сферы действия. Они оба независимы друг от друга в исполнении своего назначения. Девиз Евангелия: «Кесарю кесарево, Богу Богово». Государство не вмешивается во внутренние дела церкви, в особенности, когда они отделены друг от друга. И если даже у отделенной церкви отнять юридические права, у нее все равно останется одна сфера свободных действий, святая святых, куда государство вторгаться не должно. Это — ее внутренняя религиозная жизнь, которая подчиняется нормам, узаконенным Господом. Служитель церкви, преступивший эти нормы — изменник веры. Поэтому в таких случаях, как учит нас христианская вера, мы обязаны более подчиняться Богу, чем человеку (Деян. 5,29). Эти нормы духовной жизни, эти взаимоотношения церкви и государства приняты во всех христианских странах, и мы не думали, что наше правительство не станет считаться с ними. С этой точки зрения мы ответили правительству, что предложение это было неприемлемым для нас, поскольку, приняв его, мы изменили бы установленному Господом и верой. Только и всего. Нам и в голову не приходило, что наше законное заявление будет расценено правительством как сопротивление. Тем более, что у храма был свой настоятель, в распоряжении которого находилось церковное имущество и который являлся представителем церковной власти. В Грузии закрылось более тысячи двухсот церквей, некоторые почти полностью разрушены, но ни об одной из них не было сообщено духовным властям, почему же передача именно Гарнизонного собора стала невозможной без Святейшего синода?! Если бы мы знали, что наше, с нашей точки зрения законное,

заявление народное правительство воспримет как обиду для себя, мы выразили бы свое мнение в иной форме, и не оказали бы сопротивления. Недавно несколько солдат-баптистов заявили, что их вера запрещает им служить в армии, и военный трибунал, сочтя эту причину уважительной, освободил их от несения воинской повинности. Я уверен, что высочайший суд также учтет наше заявление, и поэтому считаю необходимым сказать следующее: 1) Мне вменяется в вину и то, что я, якобы, знал о сокрытии сокровищ Мцхетского и Сионского храмов. Такое обвинение я считаю недоразумением, поскольку в период, когда сокровища вывозились в Кутаиси, я служил в Сухуми, таким образом, это происходило без меня. 2) Ни из моих, ни из чужих показаний не следует, что я знал о сокрытии сокровищ до их обнаружения. Откуда и как возникло это обвинение, я не знаю, и 3) Если бы я и в самом деле был участником этого сокрытия, и тогда я не считал бы себя виновным, поскольку служители церкви обязаны заботиться об охране имущества церкви, и с незапамятных времен в период смут и нашествия врагов они прибегали к этому средству. Только благодаря этому и сохранились сокровища церкви. Когда их перевозили в Кутаиси, они не составляли собственности государства, это произошло при старом правительстве, когда у церкви еще не были отобраны права на собственность. И даже если были бы отобраны, и тогда это было бы обязанностью духовенства, поскольку в его руках была и защита их и спасение. Поэтому в обвинительном акте меня поразило слово «хищение». Более я не нахожу нужным говорить об этом.

Главное обвинение, предъявленное мне, как это явствует из обвинительного акта и последнего слова прокурора, это контрреволюция. Моя контрреволюционность выразилась в том, что я послал письмо на Генуэзскую конференцию¹, я не пони-

¹ Приводим текст письма с незначительными сокращениями: «Раб божий Амброси духовный пастырь и католикос всея Грузии с христианской любовью приветствует культурное человечество, представленное на Генуэзской конференции.

Еще в дохристианские времена у подножия Кавказского хребта, между Черным и Каспийским морями грузинские племена создали небольшое по территории, но сильное волей и энергией и богатое талантами государство, которое известно в истории под названием Грузия и которое на протяжении столетий было единственным носителем христианской культуры и европейского гуманизма в Передней Азии.

маю только, что в моем письме было контрреволюционного. Неужели то одно-единственное основное положение, что каждая нация должна решать свои дела так, как хочет сама, но это же не мной придумано?! Много несчастья принесла человечеству последняя мировая война, но она же подняла знамя, на котором большими буквами было начертано: «Право на самоопределение малых наций». Этот лозунг был настолько вдохновляющим, желанным, радостным, что с ним нельзя было не считаться. Так и случилось. В своем обращении к народам сам Главнокомандующий Николай II Николай Николаевич говорил, что он борется за воплощение этого лозунга в жизнь. Вы можете сказать, что заявление это было неискренним, и я абсолютно согласен с вами. Но тут неважно, искренним оно было или нет, важно, что Главнокомандующий вынужден был считаться с действительностью, вынужден был признать то, чему он вовсе не сочувствовал. Да, этот лозунг был выдвинут самой жизнью, и прежде всего во внимание его приняло социалистическое направление. Но, по словам Сталина, II Интернационал и его лидер Каутский низвели этот лозунг до уровня культурной автономии, а политические и экономические стороны по-прежнему оставили господствующим нациям. Советская власть же расширила его, присвоив малым нациям право на политическое отделение.

Это право на самоопределение требует, чтобы каждый народ свою жизнь и государство строил так, как хочет сам, и если слова Сталина правдивы, если советская власть расширила лозунг до самоопределения и дала малым нациям право

На исходе XVIII века обессилевший в борьбе с внешними врагами грузинский народ добровольно примкнул к единой России в надежде под ее эгидой обеспечить свое политическое и национальное существование, что ясно видно из политического трактата, заключенного между грузинским царем Ираклием II и русской императрицей Екатериной II. Но, к сожалению, обманувшись в своих надеждах, моя родина в течение ста семнадцати лет испытывала невыносимый гнет и жестокое притеснение со стороны русской бюрократии. Поэтому, когда в 1917 году пало искусственное единство русской империи, грузинский народ объявил себя независимым и незамедлительно приступил к реставрации своей политической и национально-культурной жизни. Несмотря на то, что в работе ему мешали и внешние, и внутренние враги, он про-

на политическое отделение, на свободу и суверенность, тогда ясно, что лишить суверенный народ свободы означает нарушить принципы этого лозунга. И я говорил только это. Я не принадлежу ни к одной партии, мне безразлично, какая партия будет у власти, диктатура какой партии будет установлена. Не мое дело обсуждать это. Но я верю, считаю желательным, чтобы любое правительство отвечало воле народа, опиралось на его самоопределение. Воля народа — для нас закон. Государственный строй, опирающийся на волю народа, способствует единению и культурному развитию нации. Но я не слышал, чтобы народу дали возможность выразить свою волю. Когда меня на первом допросе спросили, избрано ли народом наше новое правительство, чтобы не сказать что-либо хуже, я ответил, что не знаю. Тогда следователь упрекнул меня, как же я, интеллигентный человек, не знаю, что в минувшем феврале (т. е. 1922 года) состоялся съезд, избравший правительство. Я извинился, отметив только, что следовательно с февраля 1921 по февраль 1922 года (т. е. в течение года) оно работало, не будучи избранным. Так и должно было быть, год нужен был для успокоения и самоосознания народа. Мы же, служители церкви, признавали и это, не избранное народом правительство, поскольку считались с данностью — существованием народного правительства, и не входили в рассуждения законно оно или незаконно...

...Мне вспоминается география Пуциковича, в ней описание каждого уголка мира было иллюстрировано картинками, изображающими типичных местных жителей. Великоросс на ней выглядит рослым здоровяком с довольным и гордым выражением лица, под картинкой подпись: «Хозяин земли русской».

явил такой талант и национальную творческую энергию, что спустя три года просвещенная Европа признала его государственность и отвела ему место среди независимых суверенных политических единиц.

[...] [но Россия] 25 февраля 1921 года, обескровив ее [Грузию] в недолгой неравной борьбе, вторично надела на нее ярмо столь тяжелого и позорного рабства, какого она не знала за многовековую свою историю. [...] насколько счастлив народ, лучше всех знаю я, его духовный отец и на сегодняшний день единственный пастырь в руках которого сходятся все тайные нити, идущие из народных сердец, и который непосредственно слышит его стон и мольбы. Смело и без преувеличения можно ска-

Представители всех остальных народов выглядят рабски при-
ниженными. Таким образом, сама школа внушала людям ве-
ликодержавные идеи. И можно ли после этого удивляться то-
му, что они действительно смотрели на других, как на рабов,
как на своих подданных. Лет тридцать тому назад я был сви-
детелем следующей картины: город Сухуми, бульвар, толпы
гуляющих. Там же стоят двое русских, сильно подвыпившие.
И один из них говорит другому, указывая на заснеженные го-
ры вдаль: «Эти горы наши... Все народы, там живущие, наши
подданные, и все здесь гуляющие нам подчинены...». Закончил
он эту тираду словами, которые здесь привести нельзя. В 1905
году я находился в Донской области. Там распространились
слухи, что Грузия объявила себя свободной от русского господ-
ства, и меня часто спрашивали, неужели Грузия и впрямь от-
делится от России. Это казалось им невероятным. Тем более
так думали русские, проживающие в Грузии. Когда после ре-
волюции 1917 года в Грузии была установлена республика,
живущие в Сухуми русские не могли примириться с мыслью,
что Грузия свободна. И стар и млад в один голос кричали: «Как
может Грузия быть свободной? Это временно! Придет наша ар-
мия, и мы вновь ее покорим». Свобода для Грузии казалась
им смешной. Они называли ее «кукурузной республикой»,
«республикой на 1-1/2 часа». Воспитанный на идее господст-
ва, по природе добрый, русский человек жаждал господства, не
мог примириться с идеей равенства.

...Трудно сказать, чье желание исполняли грузинские ком-
мунисты, ясно только одно, они хотели, чтобы Грузия входила
в состав великой России...

Они не хотели свободы для Грузии. В одном из прошло-

заявить, что этот неуместный эксперимент, который в последние годы
проводится на хребте грузинского народа, несомненно приведет
его к физическому перерождению, духовному одичанию и раз-
вращению. У народа отбираются орошенные кровью и усеянные
костями его предков земли, кои раздаются чужеземным бежен-
цам, по милости которых у обнищавшего народа отнимают по-
следний кусок хлеба, добытый потом и кровью, и с необъяснимой
торопливостью увозят за границу. Народ притесняют, отнимают у
него родной язык, оскверняют культуру его предков, наконец, вта-
птывают в грязь его святая святых — религиозные чувства, и под
знаменем свободы совести запрещают удовлетворять религиозную
потребность. Духовенство крайне притеснено, церковь — этот

годних или позапрошлогодных номеров «Коммунисти» сказано, что революционная точка зрения требовала нанести своевременный удар по Тбилиси и отправиться войной на Польшу. Выходит, революция требует лишения свободы для всех народов. В одном из прошлогодних ноябрьских номеров (268) «Коммунисти» та же мысль была выражена более ясно. В статье сказано, что с коммунистических позиций свобода для Грузии неприемлема. В Грузии, якобы, мародерствовали империалистические войска, которые представляли собой страшную угрозу для России и других соседних советских республик, и поэтому, мол, с точки зрения марксистского понимания теории революционных войн исторический февральский поход XI Красной Армии был оправдан.

Я незнаком с марксистским пониманием теории революционных войн, и поэтому ничего не могу сказать на этот счет. Замечу только, что мне кажется скользким, опасным тот путь, на который становятся люди, утверждающие, что ситуация в Грузии представляла опасность для России... Это одно. А второе — собственно свобода никогда не была предосудительной. Она всегда желанна. Не было народа, который не радовался бы ей, не искал бы ее, не считал бы за счастье достижение ее. Возможно, бывшее правительство Грузии не смогло с пользой для дела распорядиться ею, но разве можно винить в этом свободу? И если во времена бывшего правительства в Грузии мародерствовали империалистические войска, пусть нынешнее правительство распорядится этой свободой как должно, пусть в период правления новой власти империалистические

древнейший фактор возвышения и усиления грузинской государственности — сегодня фактически лишена прав настолько, что не имеет возможности своим трудом и усердием добывать средства к существованию.

В силу всего этого я считаю своим пастырским долгом заявить культурному человечеству: как представитель церкви, не входя в рассуждения и не давая оценки различным формам политической жизни, я не могу не желать для своего народа такого строя, который более будет способствовать его физическому возрождению и культурному развитию.

Поэтому требую: Дать возможность грузинскому народу до-

войска не мародерствуют, и свобода Грузии не представляет угрозу для русских народов. Моя мысль заключалась именно в этом, а не в отрицании нового правительства, но.. Здесь я ставлю многоточие и замолкаю. Не могу только не отметить то обстоятельство, что свобода Грузии для некоторых коммунистов не более, как предмет для насмешек. Одна из русских газет «Правда Грузии» так писала о свободной Грузии: «свободная, независимая, суверенная и нейтральная зурна». Комментарии тут излишни. Все это ни в коей мере не согласовывается с правом на политическое отделение, самоопределение народа, напротив — это прямое отрицание этих прав. Быть может, я ошибаюсь, поскольку я не специалист по марксистской теории, но, как говорится, незнание — не грех, мне это простительно.

Несмотря на вышесказанное, мне говорят, что своим выступлением я предал наше правительство, очернил его, оклеветал. Что я не должен был обращаться к Генуэзской конференции, что своим обращением я пытался вызвать интервенцию, вооруженное вмешательство Европы во внутренние дела Грузии, что будто бы тем самым я помешал нашему представителю там в его заботе о благосостоянии Грузии. Такого рода обвинение я считаю результатом недоразумения, явной несправедливостью, я ничего не говорил против нашего правительства..

Мое письмо, и это ясно из него, было направлено против великодержавной политики. Я не сказал ни одного слова осу-

бровольно, без нажима и диктата извне устроить свое государство так, как хочет он сам, выработать те формы социально-политической жизни, которые соответствуют его психике, духу, обычаям и национальной культуре.

Я надеюсь, что глубокоуважаемая конференция, которая поставила себе целью выяснение глобальных проблем жизни человечества и установление на земле справедливости и свободы, не оставит без внимания элементарные требования маленькой Грузии, {..}

Да благословит Господь Вас и Ваши благородные намерения и работу. Нижайший Амброси, патриарх всея Грузии».

ждения против нового грузинского правительства, напротив, я писал, что не вхожу в рассуждения, каким должно быть правительство, так как это не мое дело. Письмо написано в 18-е годовщину существования нового правительства. Согласно нашему христианскому вероучению, мы должны беспрекословно признавать любую власть и повиноваться ей в гражданских делах. По этой причине, разумеется, я желал независимости для нашего правительства. Генуэзскую конференцию я представлял себе как собрание представителей государств, приглашенных для мирных переговоров — собрание, имеющее целью обсудить претензии малых наций, поэтому я думал, что все имеют право обратиться к нему, высказать свою точку зрения. Я знал, что там был и наш представитель, который, я был уверен в этом, защитил бы суверенность и свободу нашей страны и который поэтому нуждался в поддержке. И в этом случае мое письмо могло хоть сколько-нибудь облегчить его борьбу за независимость Грузии. Но если он только на словах был представителем Грузии, а на деле являлся дополнением к посланцу из России и поддерживал великодержавную политику, в этом случае, разумеется, письмо не могло сослужить ему службу. Но не это последнее было целью письма, и поэтому я не могу нести за это ответственность. После всего этого я удивляюсь, почему меня судит Верховный суд Грузии, а не России. Но кто бы ни судил меня — Грузия за то, что я защищаю национальную церковь и свободу, или Россия за то, что я поднял голос против великодержавной политики — это все равно. В обоих случаях ясно одно — что Грузия не есть свободная республика, и действует она согласно директивам извне...

...Пока человек человеку волк, как говорят римляне, держать армии, конечно же, надо, но национальные интересы требуют, чтоб армия непременно была национальной.

Было ли у меня право, как у лица духовного звания, касаться вопросов, поднятых в моем письме? Мне говорят, что я превысил свои права, что я не должен вмешиваться в политику, возвышать свой голос. Я не знаю, имею ли я, с точки зрения советской власти, какие-либо гражданские права, но истинно то, что мы стараемся проводить в жизнь принцип «Кесарю кесарево, Богу Богово»... и в силу этого не вмешиваемся в дела государства и правительства. Однако это не означает, что мы должны, набрав в рот воды, молчать, когда видим несправед-

ливість, засильє зовнішніх сил, угнетення народу, помилки, на-
носящіє уцерб нації, это не значить, что мы не должні взяти
на себе на громадських початках служіння народу, в захист
його інтересів, что мы не должні поведати миру о предмете
його скорби. Християнське віровчення не забороняє нам цього.
Христос скорбел о народі, служил йому, заботився о нем. Он
говорил: «жаль мне народ...» (Мк. 8,2), «Не молчите за на-
род...», говорить Священне Писання, и духовенство свято сле-
довало этому завету. Окиньте взглядом історію, и вы увиди-
те безчисленне множество примеров тому. Вспомните Васи-
лїя Великого, Григорія Богослова, Иоанна Златоуста и их
заступничество и заботу о благосостоянні народа, их боротьбу с
властью, ее несправедливістю. Вспомните Амвросія Медиолан-
ского, который не впустил в храм жестокого императора Феодосія
из-за пролитой им в Фессалии крови, и многое другое.

Взгляните на історію Грузії — и здесь вы найдете мно-
жество примеров боротьбы духовенства с сильными мира сего за
государственный строй, в захисту інтересів народа. Духовенство
всегда выступало за идею независимости Грузии. Насколько
не щадили себя в таких случаях священники, говорит сле-
дующая історія. Наследника царя Соломона Великого Алек-
сандра за безверие и другие прегрешения церковный собор от-
лучил от церкви, а когда он скончался, запретил хоронить по
християнскому обычаю на освященной земле. И не помогли ни
слезные мольбы царя, ни угрозы, духовенство не отступило.
Вспомните Антона Чкондидели, его выступления против про-
дажи пленных, которую ввели как обязательную повинность,
превратили чуть ли не в систему правления князя Гурии—Са-
мегрело. Ежегодно множество юношей и девушек отправлялось
в Стамбул для султана. Духовный совет вынудил царя и кня-
зей дать расписку в том, что эта повинность будет уничтожена.
В особенности нужно отметить период утверждения русских в
Западной Грузии в начале XIX века. Во главе восстания в за-
щиту церкви и независимости народа встали Кутатэли и Генатэ-
ли. Оба были сосланы в Россию. Только Эквтиме Генатэли до-
стиг Новгорода, где и предписано ему было поселиться. Но его
пожелал видеть император Александр I и Генатэли повезли в
Петербург. Александр I принял его с большими почестями и
торжеством, но Генатэли не постеснялся назвать его новым Не-
роном за лишение грузинской церкви и грузинского народа не-
зависимости, за мучение защитников Родины. Это и явилось

причиной высылки Эквтиме Генатали в монастырь Александра Свирского в Олонецкой губернии, где и поконит его прах.

Так что право поднять свой голос мне дали как исторические, так и религиозные примеры. Это мой долг и невыполнение его сделало бы меня недостойным моего сана — мне пришлось бы держать ответ перед церковью и перед народом. И несмотря на все это письмо мое было актом религиозным, и если оно внешне приняло характер политической акции, этого следовало ожидать, поскольку политическая ситуация, изменение курса, взятого властями, дает возможность представить перспективы положения церкви в будущем. Поначалу народ с недоверием смотрел на новое правительство, я тоже задумывался над судьбой церкви по причине резко отрицательного по отношению к ней курса правительства. Народ был лишен свободы, и я поневоле думал, что потеря политической независимости влечет за собой преследование церкви, уничтожение ее свободы, и мои опасения полностью оправдались. Независимость церкви фактически растоптана. Ее пытаются уничтожить и юридически. В позапрошлом году в России была развернута большая кампания, писалось о необходимости уничтожения церковной автокефалии, поскольку русское правительство желало и в церкви ввести такую же централизацию, какая была в политической жизни. Таково же было стремление правительства Грузии. С этой целью оно хотело ввести в Грузию живую церковь и всячески пропагандировало ее в духовенстве. Некоторые лица духовного звания попались в расставленные силки, один из них даже записался в главный комитет. Мне было предложено начать переписку с живой церковью, подчиниться ей, одному из членов Синода предложили почетную должность главы живой церкви. Но предложение это, разумеется, было отклонено как попытка уничтожения независимости церкви и ее централизация. Это послужило причиной объявления членов руководящего аппарата церкви контрреволюционными противниками реформы церкви, несмотря на то, что Святейший синод уже начал работу по широкой реформе церковной жизни. Работа была приостановлена в связи с арестом председателя и членов совета. Ну а лица, считающие себя прогрессивными и передовыми, те, кому досталась арена свободных действий, под председательством лидера которых была даже избрана комиссия, как и следовало ожидать, ничего не смогли сделать. Дело в том, что Святейший синод предполагал провести реформы в соответствии с местными условиями, на национальной почве, а «передовой» круг духовенства, которому

осталось поле деятельности, думает провести реформу по графарету русской церкви, имея целью впрячь грузинскую церковь в рабское ярмо, подчинить ее русской церкви. Поскольку правительство взяло столь отрицательный курс по отношению к церкви, я как глава грузинской церкви искал способы защиты ее интересов, поэтому и обратился с письмом к Генуэзской конференции. Сам по себе тут возникает вопрос, есть ли у главы церкви право говорить наряду с независимостью церкви о независимости нации, и если есть, является ли это вторжением в сферу политики? Я убежден, что христианское верование дает нам такое право. Оно гласит, что человек создан по образу и подобию Божьему. Образ и подобие же заключаются в его духовных качествах, главнейшее из которых стремление к свободе. Апостол Павел говорит, что мы рождены для свободы. Христос дал нам эту свободу, и мы должны ревностно беречь ее. Единжды освобожденные, мы не должны вновь подставлять шею под рабское ярмо (Гал. 5,1). Нам могут возразить, что Апостол говорил об индивидуальной, религиозной свободе, не затрагивая свободы народа. Но тот, кто внимательно вникнет в слова Апостола, убедится, что он имеет в виду коллективные индивидуумы — народы — и их мирские взаимосвязи. Апостол четко разъясняет, что свободны должны быть «не употребляющие свободу для прикрытия зла», «не для угождения плоти», а для братской любви, ибо «если друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» (Гал. 5,13—15). То есть, если будет между вами несогласие, борьба, говорит он, как бы вы не были уничтожены. Ясно, что тут говорится о сообществе людей, о взаимоотношениях народов. Посему, если даже я затрагивал вопросы независимости народа, мне дало на это право Священное Писание, и мы, лица духовного звания, не могли не выполнить свой долг. Это во-первых, и во-вторых — как можно было затронуть вопросы жизни народа, не затрагивая вопросов политического характера, когда состав церкви и политической единицы один и тот же — члены церкви в то же самое время и члены государства. И по этой причине, если захотеть, каждому нашему действию, каждому слову можно придать политический характер. Отделение церкви от государства я понимал так, что государство не должно вмешиваться в дела церкви, но действительность показала, что я ошибался. В 1922 году в одной из провинциальных церквей я обратился к народу с речью, в которой призвал его к верности церкви, выполнению христианских заповедей, говорил, что церковь отделена

от государства, что государство по этой причине не может вмешиваться во внутренние дела церкви, не запрещает верующим верить, признает свободу совести и пр. Эта речь, оказывается, не понравилась местным властям, и они выразили свое возмущение, как я, мол, посмел ее произнести. Был случай, когда священник в своей проповеди привел слова Христа: «не одолеют силы преисподней». Было сделано заключение: ага, он назвал нас силами преисподней! Изначально в христианской церкви было принято служить литургии, но теперь и они считаются контрреволюционной пропагандой и так далее.

Грузинская церковь и духовенство никогда не носили контрреволюционного характера. Судить о ней по аналогии с русской церковью было бы большой несправедливостью. Наша церковь, наш народ на протяжении ста двадцати лет были в рабстве, после долгой упорной борьбы вернули себе свободу и хотят сохранить ее. Намерения духовенства не идут дальше этого. Совершенно другое дело — русская церковь. На первом же церковном соборе (1917—18 гг.) было заявлено, что избавление России церковь видит только в царе-самодержце, она мечтает о нем. Продолжение же этого собора (в Варловице) постановило пригласить на трон одного из членов дома Романовых, постановление это было подписано восемьюдесятьюшестью делегатами из восьмидесяти семи (воздержался Родзянко). Один из глав церкви (митрополит Платон), как писали в газете, собрал Божье войско для борьбы против советской власти. Покажите нам хоть один пример такого поведения в истории соборов грузинской церкви или частного духовного лица?! В чем же дело?! Если всему виной мое письмо, при чем тут народ и духовенство?! Оно написано мной в защиту интересов нации и церкви, и я же и отвечаю за него.

Как поставлен национальный вопрос? Поначалу советская власть не имела в своей программе национального вопроса. Он игнорировался и отодвигался на задний план интернациональным (что служило только поработительской идее). Наконец на этот вопрос обратили внимание. Сталин говорит, что во времена Николая думали исключительно о русификации. В этом я абсолютно согласен с ним, поскольку на протяжении тридцатисемилетней своей деятельности я боролся с этим злом и печатным словом (и в местной и столичной, петроградской прессе) и делом, в силу чего подвергался гонениям и ничего, кроме горя и страданий, не заслужил. Но, продолжает Сталин, каково нынче положение дел в этой области?! Теперь все иначе, гово-

рит он, советская власть не пытается заставить все народы говорить на одном языке. Каким бы малочисленным ни был народ, она пытается создать ему письменность и литературу. X съезд постановил: 1) советская власть у всех народов должна быть построена соответственно местным условиям, обычаям, традициям и устремлениям; 2) делопроизводство и переписка должны вестись обязательно на местном языке; 3) в школах обучение должно проводиться на местном языке. XIII съезд еще более углубил национальный вопрос. Таким образом советская власть от игнорирования национального вопроса сделала резкий крен в сторону его признания, службы ему (хотя это не нашло полного воплощения в жизни). Этого следовало ожидать, такое требование поставила сама жизнь, и с этим нельзя было не считаться.

Но несмотря на это, не все русские коммунисты разделяют эту точку зрения. Ленин говорил: поскоблите некоторых русских коммунистов и вы увидите квасного патриота и шовиниста. Среди них много сторонников великодержавной идеи, той самой, которую Ленин называл «русотяпством». На X съезде было отмечено, что русские коммунисты в других республиках кичатся своим русским происхождением, они верят не в федерацию, а в неделимую Россию. Представитель Украины, коммунист Затонский отметил на X съезде: армию, идущую против Польши и Галиции, вдохновляли русским патриотизмом, идеей неделимости России. В самом названии «Советская Россия» Затонский видит все ту же великодержавную идею, он говорит, присоединись к нам Германия, неужто название страны останется тем же — «Советская Россия»? Так же как и великодержавная идея неделимой России, русотяпство и квасной патриотизм, протест Затонского имеет свои корни. В нем четко проявилась суть человека, его любовь к своему народу и отечеству — патриотизм (в первом случае это патриотизм зоологический)... Ленин и лучшие коммунисты осуждают такие настроения, но существование их — факт. В одном из своих выступлений наш высокий руководитель сказал, что надо бороться с великодержавными идеями России. Так в чем же дело? Разве выступление против великодержавной политики России можно вменить в вину мне одному?! Вообще нужно отметить, что основные положения моего письма не были незначительными. В тех обстоятельствах на него должны были обратить внимание. И обратили.

Меня спрашивают, где факты, указывающие на дефекты в текущей национальной жизни. Не знаю, нужно ли приводить их. Говорят, теперь положение хуже, чем было в то время, когда я послал письмо на Генуэзскую конференцию. Насчет ухудшения сказать ничего не могу, поскольку в связи со своим арестом я оторван от жизни общества. Но если ухудшение и впрямь произошло, нужно выяснить, в чем причина. Я верю в энергию, трудолюбие коммунистов, в их заботу о благосостоянии народа, следовательно причины надо искать во внешних условиях — в действующих на нас извне силах. Надеюсь, что энергия наших работников будет направлена на преодоление этих, мешающих жизни, условий, и преодолет их во имя благосостояния нации. Но я все же приведу несколько примеров.

а) Из учреждений я более всего знаком с Чрезвычайной комиссией по той простой причине, что более двух лет моя жизнь связана с нею. Впервые войдя в это учреждение, я спросил что-то по-грузински у часового, сидящего у двери председателя, на что мне тот ответил: «Я по-грузински не знаю». Поскольку я знал русский, я получил ответ на свой вопрос, но что делает тот, кто русского не знает?! Ему нужен переводчик и для разговора с часовым.

Крестьянин, приехавший из Абхазии, хотел повидаться с арестованным ЧК сыном. Два месяца он ходил, и никто не понимал, чего он хочет, поскольку в ЧК очень трудно найти переводчика, который ходил бы с ним. Наконец ему посоветовали обратиться к председателю, и это возымело свое действие. Но чего стоило бедному крестьянину свидание с сыном?! Он продал пару быков, чтоб иметь деньги на расходы, и потерял два лучших месяца (май и июнь), когда в Абхазии идет сев и прополка кукурузы.

Арестовали находившегося при мне иеромонаха Ефрема, послали мы ему продукты с письмом, написанным по-грузински, нам вернули его, не приняв — письмо должно быть написано по-русски.

Там же: ответчик умолял привести переводчика и дать ему возможность говорить по-грузински, следовательно не удовлетворил просьбы, мотивировав свой отказ так: «Все равно и по-грузински будет врать так же, как и по-русски».

б) Почта. Одновременно с письмом в Геную моя канцелярия послала деловое письмо в Душетский уезд. Письмо вернули с пометкой: адрес должен быть надписан по-русски. Один из высоких руководителей в своем выступлении рассказал: «От на-

чальника одной почты поступило требование: поскольку в республике обязательно знание грузинского языка, уберите от нас русских чиновников, не знающих грузинский язык и не могущих выполнять свои обязанности. Мы прекрасно решили этот вопрос — пусть телеграмму на русском языке принимает русский, а на грузинском — грузин». Не было только пояснения, учреждено ли на той почте дежурство, и если да, то что будет делать русский, не знающий языка, когда в его дежурство придет телеграмма на грузинском языке. Существуют ли такие привилегии у грузин, проживающих в России?! Например, в Москве, Петрограде, Владикавказе и других городах?!

в) Железная дорога. До недавнего времени грузинский язык был изгнан отсюда. Один из руководителей в своем выступлении заявил, что правительство упрекают в том, что делопроизводство тут ведется не на грузинском языке, но сейчас, мол, готовится законопроект, который войдет в силу через две недели, после чего грузинский крестьянин наконец сможет ездить по железной дороге... с помощью грузинского языка. Это заявление вызвало радость и аплодисменты. Был опубликован и этот законопроект, который гласит, что на железной дороге делопроизводство должно вестись на двух языках — русском и грузинском. Русские служащие, даже не знающие грузинского языка, нужны, поскольку грузинская железная дорога входит в состав русских железных дорог. Почему же грузин, знающий русский язык, не может занять ответственную должность в управлении железных дорог на территории других республик? Наверно потому, что к грузинам доверие потеряно. Недавно в газетах появилось объявление: обо всех недоразумениях на железной дороге, о своих претензиях и жалобах в связи с ними направлять письма в Центральное управление железных дорог, которое находится в Москве. Неужели нельзя было организовать подобное учреждение или хотя бы отделение у нас, в Тбилиси, куда мог бы обратиться с жалобой на родном языке грузин.

г) Говорят, в главном финансовом учреждении — Государственном банке — редко если встретишь служащего-грузина, если и есть такие, то на самых низших должностях.

д) Комиссариат просвещения только в прошлом году перевел делопроизводство на грузинский язык. Приказ комиссариата появился только в мае 1923 года.

е) В одном медицинском учреждении ответственным секретарем хотели выбрать человека, не знающего грузинский язык. Один из присутствовавших на собрании воспротивился этому,

заявив, что для служащего в Грузии знание грузинского обязательно. За это высказывание «Рабочая правда» назвала его шовинистом и Пуришкевичем.

Не стану приводить другие примеры. Но не могу обойти молчанием вопросы, которые в период августовского съезда 1923 года задавали властям меньшевики, поскольку эти вопросы выражают чаяния народа:

а) Вы говорите, спрашивают меньшевики коммунистов, что российский пролетариат никому не позволит принижать грузинский язык. Но если наша республика независима, почему об этом не могут позаботиться и принять соответствующие меры наш пролетариат, коммунисты и правительство?!

б) Обязан или нет грузин, работающий на заводе, любить свою Родину?

в) Зачем нужно было делить Грузию на автономии, в особенности зачем было нужно образование Осетинской и Аджарской автономии?! Нужно ли каждому уезду, племени и селу иметь автономные права?!

г) Когда из Грузии будет выведена русская армия?!

д) Обязан ли грузинский крестьянин, идущий в какое-либо учреждение, сам искать себе переводчика?!

е) Обратив внимание на увеличение числа жителей Тбилиси, они с горькой иронией заметили: «Маркс говорил, пролетарии всех стран, соединяйтесь, но он нигде не говорил — беженцы из всех стран, собирайтесь в Тбилиси» и многое другое.

Вникните в эти вопросы, и вы поймете, что люди недовольны чем-то. Их что-то беспокоит, они не чувствуют себя счастливыми. Вдумайтесь, и вы поймете, что я не сказал ничего, что бы противоречило действительности и было вменено мне как смертный грех.

Меня могут упрекнуть в том, что я много говорю о национальном вопросе, и почти ничего не сказал о положении церкви. Но разве нужно что-либо говорить о положении церкви?! Каждый, кто знает жизнь народа, ясно видит и положение церкви. А тот, кто изучал историю или хотя бы просто знаком с ней, знает, что такого преследования, коему подверглась церковь у нас, история не помнит, если не считать первых веков христианства, когда для отправления религиозных обрядов верующие были вынуждены забираться в катакомбы. Жестокость, которую проявило к нам правительство коммунистов, не имела места ни в России, ни в других республиках. Приезжающие из России бывают ошеломлены, узнав о положении церк-

ви в Грузии. Газета «Комунисти» (30.XI-23 г.) сообщала, что представители духовенства из Гянджи, прослышав о насилиях, творимых Великобританией на Востоке, опубликовали письмо, осудившее действия агентов Великобритании, которые насаждают в немусульманских странах невежество и суеверие, преследуют духовенство, ущемляют их права, оскверняют святые места мусульман. За все это они осуждают Великобританию, в то же время выражая благодарность советской власти за справедливое отношение к церкви и данную ею свободу вероисповедания. Счастливые мусульманские верующие! У них не преследовалась вера! Счастливое мусульманское духовенство! Насколько продвинулось оно вперед за три года, насколько обогнало грузинское духовенство! Увы, позор нам! В Армении не закрылось и одной трети того количества церквей, что закрылись в Грузии. Только у нас так сурово преследуется духовенство. Но мы не теряем надежды, что получим в будущем свободу вероисповедания. Признаки этого уже имеются (см. Инструкции правительства, «Комунисти», № 294 и 195). В чем же кроются причины этой жестокости?! Говорят, причиной народ, который не хочет церкви, не хочет духовенства, религию... Но правда ли это? Провели бы в присутствии представителей церковных властей тайное голосование, тайный опрос... Открыто говорить народ не смеет, опасаясь репрессий, или несчастья, подобного происшедшему в Бугеули. И если бы в результате тайного голосования оказалось, что верующих меньшинство, мы бы сами закрыли там церковь, а небольшое количество верующих передали другой общине.

Говорят, в одном из сел (Самегрело) после закрытия церкви за одну ночь к священнику привели шестьдесят детей, чтоб крестить. Если считать, что в семье не меньше пяти человек, то выходит, что в селе было 300 семей верующих, а сколько же там было семей, в которых не нужно было крестить детей?! И это село и другие подобные села были объявлены неверующими. У меня была, а может, и сейчас есть, история разрушения церкви в Абаше. Суду хорошо известна история закрытия церкви в Бугеули. Из Самегрело детей, говорят, везут крестить в Имерети, Абхазию. Бывало, их привозили даже в Тбилиси. Покойников хоронят без соблюдения обрядов а чтоб выполнить их, несчастные отправляются за тридевять земель, настолько велико, говорят, их горе. Но, может, это приносит народу пользу и в религиозном и в экономическом отношениях?! О чем говорят эти примеры? Когда неубедительны стали доводы о безверии народа, причиной преследования церк-

ви было объявлено мое письмо на Генуэзскую конференцию. Тут уже стали утверждать, что до этого письма церковь преследованию не подвергалась. Но если это так, то при чем тут желание народа закрыть церкви, а если это пожелал сделать сам народ, при чем мое письмо? С другой стороны пристало ли правительству из-за допущенной мной ошибки наказывать народ, лишая его церкви? Но давайте сначала посмотрим, правда ли то, что до моего письма конференция церковь не подвергалась преследованию. Я возглавлял Сухумскую епархию, когда в Грузию пришла советская власть. Чуть ли не первой акцией нового правительства было то, что у грузин и абхазов отобрали кафедральный собор и передали его русским, которые в количественном отношении не составляли и одной четверти сухумских жителей и которые не подчинялись грузинской церкви. Второе: благой мерой для грузинской церкви, наверное, было и то, что отобрали архиерейский дом, меня силком вытолкали на улицу и под вооруженным милицейским конвоем водили из комиссариата в комиссариат. Затем в течение пяти месяцев я мыкался из угла в угол в поисках пристанища; 3) разрушение придворной церкви; 4) уничтожение канцелярии и половины драгоценного для истории архива, остатки которого были свалены в сырую кладовку возле кухни, где он продолжал систематически уничтожаться; 5) реквизирование церковных домов и притеснение духовных лиц, в результате чего многие священники вынуждены были искать пристанище себе в селах и оттуда ходить в город для выполнения своих обязанностей. Все это произошло в первый же месяц установления советской власти. То же произошло и в Поти, где архиерей, у которого отобрали квартиру, был вынужден бросить службу. По ходатайству канцелярии патриархата комиссариат внутренних дел издал распоряжение вернуть архиерейский дом, но местные власти игнорировали распоряжение центральных властей. Мы подчиняемся и твердо соблюдаем российскую систему централизации, у себя же воплотить эту систему не можем. Комиссариат внутренних дел разработал проект, по которому в неприкосновенности должны были остаться здания, находившиеся во дворах церкви, проект был утвержден центральным исполнительным комитетом. Однако приведен в исполнение не был. В делах канцелярии патриархата есть много примеров того, как отбирались церковные дома в провинциях и притеснялось духовенство. Поначалу же ясен был курс нового правительства по отношению к церкви. Это ложь, что все дело было в моем

письме, я не могу даже допустить такой мысли, поскольку она унижает правительство, которое я уважаю.

Помимо всего этого, я хочу отметить еще вот что. История доказала, что преследование не может уничтожить религию. Напротив, оно усиливает ее, и это доказано. По мнению ученых, если бы в первые века христианство не преследовалось столь неумолимо, возможно, оно не смогло бы победить и угасло. Но борьба придала ему сил для утверждения. Религия есть потребность духа человека. Преследование еще более усиливает эту потребность. Она углубляется, накапливается и по прошествии времени прорвется с удесятеренной силой. Так было везде, так будет и у нас. Грузия не станет исключением из общественных законов. И тогда народу потребуются церкви, и церковная утварь, и облачения. Кто восстановит ему разрушенные церкви, возвратит облачения и столь необходимую церкви утварь? Можно ли считать целесообразной и дальновидной политику нашего правительства по отношению к церкви? Я понимаю борьбу идеологическую. Но ведь и у противной стороны должна быть возможность защитить свою веру. Но довольно об этом, поскольку нынче правительство поняло, что действия его были чрезмерны и ошибочны. Оно признало их и в печати, что является гарантией изменения курса.

Мы отметили, что власть признала свои ошибки. И во время съезда бывших меньшевиков, и в других случаях коммунистическая партия заявила, что она совершила множество ошибок и ей не стыдно в это признаваться. Это очень похвальное качество. Человек — дитя ошибок, ему свойственно ошибаться, и когда он не упрямится и искренне может признаться в них, это залог исправления и движения вперед. Мне кажется, что разделение наших коммунистов на два лагеря — централистов и уклонистов — результат как раз признания последними своих ошибок в национальном вопросе и принятия национальных принципов. Первая партия победила по причине поддержки извне. Уклонисты же были отвергнуты, поскольку великодержавной нации нужен, полезен централизм. В своей статье, вызвавшей дискуссии. Зиновьев писал: «Руководитель такой страны, как наша, Компартия России (разрядка моя) не может не быть централистской организацией» («Коммунисти», 9 декабря 1923 года, на гр. яз.). Как явствует и из этих слов, не для всех народов в коммунистический период необходима и обязательная централизованная система. Но неясно одно, полезна ли централизация и Грузии, грузинским дискуссион-

там необходимо было обратить особое внимание на выяснение именно этой стороны вопроса.

На третьем съезде Всесоюзного ЦК в Москве представитель нашей власти предложил проект положения об учреждении директивного комиссариата, и чтоб обосновать его необходимость сказал следующее: «С классовых позиций мы абсолютные централисты. Но в то же самое время мы должны учитывать национальные особенности народов СССР и внести это в нашу Конституцию. Централизация, всесоюзные народные комиссариаты соответствуют классовым основам советской власти. С другой стороны у нас есть комиссариаты, которые выражают устремления народов и отвечают культурно-историческим и жизненным особенностям отдельных республик. Эти комиссариаты абсолютно автономны» («Комунисти», 10 ноября 1923 г., № 259). Отсюда ясно, что у нас есть только культурная автономия. И то мы не знаем достоверно, свободны ли мы в этой сфере, и тот директивный комиссариат учреждается, видимо, для ограничения рамок этой автономии. Пресса даже не пыталась выяснить, есть ли у грузинского народа независимость в каких-либо делах, есть ли какая-либо свобода. Этот вопрос можно поставить риторически, фактически же после вышесказанного ясно, что в Грузии нет национальной свободы. Коммунистическое учение против всякой государственности и способствует его уничтожению. Сталин говорит, что когда в 1917 году мы шли вперед к Октябрю, мы думали, что у нас будет коммуна, ассоциация трудящихся, что в учреждениях будет уничтожен бюрократизм и что государство, если не в ближайшее время, то в два-три ближайших периода, мы превратим в ассоциацию трудящихся. Но практика показала, продолжает он, что это был идеал, от которого мы пока еще далеки, что для того, чтобы государство избавилось от элементов бюрократии, для того, чтобы советское общество превратилось в ассоциацию трудящихся, нужен высокий культурный уровень населения, нужны абсолютно обеспеченные мирные условия вокруг, чтоб не было нужды в большой армии, требующей огромных средств и ведомств, которые накладывают свой отпечаток на другие государственные учреждения («Комунисти», 14 декабря 1923 г., 1288).

Итак, коммунисты убедились, что говорить о воплощении в жизнь коммунизма еще слишком рано. Коммунизм будет построен, когда настанет время, когда «и волки будут сыты и овцы целы», когда, как говорит прорицатель, мечи будут перекованы на орала, когда человек человеку будет не волк, од-

ним словом тогда, когда изменится природа человека. Это время очень желанно, но это мечта, правда, сладостная, но все же мечта. Допустим, что эта мечта может претвориться в действительность, и к ней надо готовиться, постепенно приближая этот идеал. Но непонятно одно, почему надо начинать все с Грузии, с уничтожения ее свободы. Пусть начнет великодержавная нация, и Грузия — отличающаяся свойством подражать — обязательно последует ее примеру. Без этого централизация, которая стала возможна только при условии потери свободы малыми нациями, служит лишь усилению господства великодержавной нации. Скажут, что это необходимо для союза, уже существующего, и полезно для физического сохранения малых наций. Но я думаю, что между свободными, независимыми народами будет больше справедливости, чем между господином и рабами.

Один из наших правителей в своем выступлении сказал: «В 1921 году я еще видел опасность, грозившую физическим уничтожением грузинского народа». Примечательные с точки зрения национального вопроса слова. Многие можно вынести из этих слов, но по ряду причин я этого сделать не могу. Ограничусь лишь тем, что скажу, если ему могла прийти в голову подобная мысль, почему у других, в том числе и у меня, она не могла возникнуть, и если она возникла, спрашиваю я вас, был ли я обязан поднять свой голос? Когда дом охвачен огнем, можем ли мы равнодушно смотреть, рассчитывая, что он сам по себе погаснет? Я думаю, и вы, надеюсь, согласитесь со мной, что если я видел опасность, угрожавшую физическим уничтожением народа, я был обязан сказать об этом. И вот за то, что я выполнил свой долг, я и стою сейчас перед высшим народным судом, который судит меня, как виновного.

Один ответственный работник, коммунист, не грузин (а также газета «Рабочая правда» № 20, 1924 г.) сказал мне, что я своим выступлением восстановил против себя часть трудящегося народа, но какой народ он имел в виду? Неужто против моего выступления будет большая часть трудящегося грузинского народа, за чьи интересы я и хотел принести себя в жертву и принес-таки в жертву свои личные интересы. Я в это не верю. Крестьянство, составляющее более 90 процентов всего грузинского народа, крестьянство, взоры которого прикованы к земле, дающей ему хлеб насущный, к земле, политой его потом, орошенной кровью и усеянной костями его предков, это крестьянство, я верю, всегда будет предано своему отечеству.

и оно никогда не будет ненавидеть и преследовать защитни-
идеи независимости родины. Я уверен, что и у рабочих-грузин,
работающих в городах, в сердце часто бьется тревога о судьбе
и положении своей родины. Грузинский рабочий (что очень ха-
рактерно) в редких случаях порывает связь с деревней, рабо-
тая, он везет в деревню какие-то отложенные деньги, чтоб
поддержать семью своих родителей. У нас очень мало рабочих
пролетариев. Рабочий убежден, что его интернациональное,
космополитическое мировоззрение не противоречит его любви
к родине. Забота о том или ином народе не мешает и не про-
тиворечит его космополитическим убеждениям. Напротив, он
знает, что радение о грузинском народе в то же время есть
служение человечеству, поскольку грузины есть часть челове-
чества. Правда, в интернациональном направлении есть такой
период, который называется сентиментальным космополитиз-
мом, суть его состоит в мечте о всеобщем счастье, в то же са-
мое время последователи его не обращают внимания на свою
семью, народ, свое государство, свое всегда считают ниже, чем
чужое, и всегда восхищаются всем чужим. Не знаю, пройден
ли этот период нашим народом. Знаю только, что это направ-
ление бытовало у нас, и сейчас есть люди, которые готовы
принести в жертву союзу с великодержавной нацией свободу
и национальную индивидуальность грузинского народа. В свя-
зи с этим понятен вопрос, заданный меньшевиками: «Обязан
или нет грузин, работающий на заводе, любить свою родину?». В
1904 или 1905 году в одном из уголков нашей страны был
голод, и газеты объявили сбор средств в помощь голодаю-
щим грузинам. Одна кутаисская социал-демократическая газе-
та заявила, что она согласна собирать пожертвования с тем ус-
ловием, что собранные деньги будут отправлены рабочим Гер-
мании. Это заявление очень удивило общественность. Спроси-
ли у Бебеля, и он разъяснил, что немецким рабочим в тот
период не нужны были пожертвования грузин, и посоветовал
позаботиться о собственном народе, о поднятии его культурно-
го уровня, чтоб он стал достойным членом интернациональной
семьи, и это последнее и будет служением человечеству. На-
деюсь, такого рода космополитизму нет места в среде наших
рабочих, надеюсь, они сознательно любят свою родину и та-
ким образом не будут против моего выступления, которое име-
ло целью защиту свободы и национальных интересов. Тем
более, что я никогда не был контрреволюционером и нигде
не выступал против диктатуры пролетариата. Я всегда готов

ответить перед рабочими и надеюсь, что трудящаяся часть грузинского народа не выполнит совета газеты «Рабочая Правда» и не «похоронит» меня. Я не верю, что у него были такого рода намерения, поскольку я никогда не был контрреволюционером.

Тридцатисемилетнюю мою деятельность я посвятил борьбе против политики русификации. Я боролся и делом и печатным словом, что принесло мне много несчастий, преследований, в моей жизни не было спокойных и тихих дней. Дважды я был насильно разлучен с родиной. Дважды я был выслан в Россию, и оба раза на родину меня вернула революция (1905 — 1907 гг.). Особенно суровой для меня была вторая высылка, которая произошла в январе 1907 года. У меня были отняты некоторые права — я не имел права молиться, так же как и теперь, но тогда эти права у меня отняло царское правительство, а в этот раз народное, которое не должно было позволить себе этого. За последние пятнадцать лет в моей жизни я хочу отметить три периода, которые характерны для нынешнего моего положения. В период моего вторичного изгнания, в течение всего 1909 года мое дело находилось у генерала-прокурора, бывшего министра юстиции, известного Щегловитова, но даже он не считал возможным передать мое дело в суд. Может быть, и этот ненавидящий все нерусское человек считал вопрос независимости грузинской церкви настолько щекотливым и уважаемым, что ему не подобало быть подвергнутым разбору в суде. Поэтому дело было прекращено, и мне возвращены все права, кроме права вернуться на родину.

Революция 1917 года застала меня в г. Старая Русса Новгородской губернии, где я был настоятелем монастыря. Сразу после революции в Старой Руссе царила неразбериха, мародерство, грабеж. Монастырь мой подвергался большой опасности, и я не знал, что предпринять. Новое революционное правительство вдруг пригласило меня на свое собрание и спросило, согласен ли я, чтоб оно взяло под свою защиту монастырь. Я, разумеется, согласился и поблагодарил за заботу. И в самом деле, после этого монастырю ничего уже не угрожало. Поэтому, когда меня в составе делегации из Грузии отозвали в Петроград для подтверждения независимости грузинской церкви от русского правительства, в период пребывания там в течение трех месяцев я был спокоен за сохранность монастыря, и это может подтвердить один из членов делегации, который находится здесь. Что же было причиной такой заботы

революционного правительства о безопасности монастыря? Разумеется, не мои прекрасные глаза, не любовь ко мне, не глубокая вера и любовь к церквам и монастырям, поскольку революционеры Старой Руссы почти все были нехристиане, но то, что я был наказан и изгнан из Грузии за то, что искал свободы.

Третий случай, который я хочу вспомнить, произошел в советский период. На первом допросе следователь спрашивает меня, был ли я осужден в период правления Николая II. Я ему ответил, что вся моя деятельность проходила в преследовании, и я дважды был сослан в Россию, но неужели, спросил я, и это тоже минус в моей жизни. Нет, ответил он, это несомненный плюс.

Когда я сопоставляю теперь эти три момента моей жизни, я никак не могу соотнести их между собой. Дело в том, что причина преследования и во времена Николая, и сейчас, одна. Я не могу понять, когда я был виновен. Тогда, когда даже Щегловитов не счел возможным меня отдать под суд, или теперь за ту же провинность, если это можно считать провинностью. Если в 1917 году меня, как борца за свободу, уважали революционеры, сейчас, когда установлена советская власть, провозгласившая право на самоопределение малых наций и, следовательно, свободу, тем более я не понимаю, почему меня преследуют и почему я стою перед высшим судом как обвиняемый.

Если я защищал свободу своего народа, если право на это мне дает Священное Писание, если я не говорил ничего против местного правительства, а только защищал его независимость, если я поднял голос против великодержавной политики России, против великодержавных идей, бороться с которыми нас призывает один из наших высоких руководителей, если советская власть признает право наций на самоопределение, которое было расширено вплоть до политического отделения, тогда я не понимаю, почему считают преступлением мою защиту свободы церкви и народа, возвышение голоса против великодержавной политики России.

Я заканчиваю и хочу добавить: я исполнил свой долг. И как посмотрит высокий суд на дело защиты национальных интересов, покажет приговор, который он вынесет.

Приговор покажет и то, разделяет ли советская власть признанный ею лозунг о самоопределении наций, или это всего

лишь идеал, воплощения которого нужно ждать в далеком ^{бу}будущем. В любом случае, как сладостно было нашим ~~жизнерад~~ принимать страдания за родину и веру, так же сладостно мне будет то наказание, которое присудит мне высочайший суд за возвышение голоса в защиту родной церкви и свободы народа. Это будет венцом того креста, который я нес и несу последние тридцать семь лет моей жизни.

Мой голос, поднятый в защиту национальных интересов, и наказание, которое мне вынесет высочайший суд, отзовутся в сердце каждого грузина — грузина, который не потерял еще своей веры и любви к родине. Поэтому я буду счастлив. Как верующий я говорю: Да свершится воля Божья! Я обращаюсь к вам со словами Христа: «Дщери Иерусалимские, не плачьте обо Мне; но плачьте о себе и о детях ваших» (Лука, 23, 28).

КОНТРОЛЬ
3 Копии

387
5.VII 1989

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА, Алексей ГОГУА, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Михаил ЛОХВИЦКИЙ, Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ (заместитель главного редактора), Серги ЧИЛАЯ.

Технический редактор И. Зурабашвили
Корректор Т. Бадриашвили

Сдано в набор 11.04.89 г. Подписано к печати 23.6.89 г.
УЭ 08884. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская
№ 1. Печать высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд.
л. 14,0. Тираж 6 200. Заказ 861. Цена 65 коп.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

При обнаружении полиграфического брака, просим обращаться в типографию Издательства ЦК КП Грузии.

По вопросам доставки журнала просим обращаться в «Союз-печать».

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5.

Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Ордена Трудового Красного Знамени типография Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 კ.

26-89

89-387
ИНДЕКС 76117
ეროვნული
ბიბლიოთეკა

**ყოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი
„ლიტერატურნაია ვრუზია“
(რუსულ ენაზე)**

**საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო
გამოდის 1957 წლის ივნისიდან**

